

Станислав Далецкий

ЖИЗНЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

КНИГА ПЕРВАЯ

МОСКВА 2015

Станислав Далецкий

**Жизнь в эпоху
перемен. Книга первая**

«Автор»

2015

Далецкий С. В.

Жизнь в эпоху перемен. Книга первая / С. В. Далецкий —
«Автор», 2015

Не дай вам Бог жить в эпоху перемен. Конфуций

© Далецкий С. В., 2015

© Автор, 2015

ЖИЗНЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН книга первая

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начало.

I

– Иван! Иван: пора заниматься! – Отставной капитан артиллерии и потомственный дворянин Пётр Фролович Домов окликал своего младшего сына Ивана с крыльца усадебного дома. Стояло позднее горячее утро июльского дня 1892 года. На безоблачном небе повисло солнце, обдавая жаркими лучами землю, дворовые постройки и деревья, и угрожая им ещё более горячим днём. Железная крыша усадебного дома, недавно покрашенная суриком, нагреваясь под солнцем, тихо потрескивала, словно предупреждая о грядущем знойном дне.

Хозяин усадьбы – крепкий старик за пятьдесят лет, был одет по-крестьянски: домотканые холщовые портки, заправленные в стоптанные яловые полусапожки, а поверх портков такая же домотканая рубаша-косоворотка, подпоясанная простой пеньковой верёвкой, завязанной узлом под левую руку, где раньше он носил офицерскую саблю.

Лёгкий летний ветерок шевелил пряди давно нестриженной седой бороды, выдувая застрявшие в ней крошки табака – самосада.

Выйдя в отставку десять лет назад по смерти отца, помещик Пётр Фролович занялся своим хозяйством и перешёл на крестьянский образ жизни, чем и объяснялся внешний вид этого дворянина. Впрочем, назвать его помещиком можно было только по дворянскому происхождению – небольшое родовое поместье было продано ещё его дедом, и во владении Петра Фроловича оставалась только усадьба с дворовыми постройками и прилегающим садом-огородом, всматриваясь в который Пётр Фролович и окликал сына Ивана.

Колючие кусты боярышника, отгораживающие двор от сада-огорода, раздвинулись и из них вышел босоногий мальчик лет семи, в холщовой рубаше до колен, перевязанной бечевкой. Лицо и рубаша мальчика были измазаны вишнёвым соком, а за домом слышались удаляющиеся шлёпанья двух-трёх пар босых детских ног, улепётывающих к селу, на окраине которого, в некотором отдалении, и стояла усадьба помещика-крестьянина Домова.

– Опять, Ваня, лазил в саду на вишни с соседскими ребятами? – с притворной строгостью спросил отец. – Я же наказывал тебе не лазить на вишни и не приводить сюда крестьянских мальчишек, и ты обещался мне. Ты дворянин и должен держать своё слово, иначе уподобишься холопам, которыми и являются сельчане и их дети. Запомни ещё раз: не след дворянину водиться с крестьянами и их детьми.

Ваня, насупившись, молча слушал знакомую нотацию отца, ковыряя босой ногой отвердевшую, после вчерашнего дождя, дворовую пыль. Он уже давно понял, что отец по-настоящему никогда не накажет своего младшего сына. Ваня был поздним и неожиданным ребёнком: старшие братья и сестра давно стали взрослыми, жили отдельно и самостоятельно, и только он наполнял жизнью опустевший родительский дом, а потому родители не могли сердиться на него по-настоящему, прощая ему шалости и проступки, которые никогда бы не спустили старшим детям во времена их младости.

– Ладно, вечером мы ещё поговорим втроём, вместе с матерью, о твоём поведении, – закончил Пётр Фролович выговаривать сыну, – а пока умойся и в дом за уроки, – и он удалился в прохладный сумрак дома, поскольку ставни окон были прикрыты и не позволяли жарким лучам солнца проникать сквозь стёкла и нагревать воздух в комнатах до дворовой духоты.

Ваня умыл лицо водой из рукомойника, висевшего у крыльца на угловом столбе подпиравшем крышу сеней, потом взойшёл на крыльцо, сполоснул ноги в ушате с водой, что стоял на крыльце у двери специально для мытья босых ног или пыльной и грязной обуви, вытер лицо полотенцем, прошёлся мокрыми ногами по холстине, постеленной в сенях у порога, и вошёл в дом, где в дальней горнице его ждал отец для уроков.

Нынешней осенью Ваня должен был пойти в школу и отец, ещё с зимы, занимался с ним чтением, письмом и арифметикой, чтобы младший сын, как когда-то старшие дети, пришёл в школу вполне подготовленным к обучению учеником, владеющим азами чтения, письма и арифметики.

Как потомственный дворянин, Ваня должен был бы обучаться в гимназии, но на селе имелись только церковно-приходская и земская школы, где ему и предстояло учиться вместе с детьми ещё двух-трех захудалых дворян из окрестных выселков, священнослужителей, лавочников и нескольких зажиточных крестьян, возвысившихся над сельчанами благодаря своему живоглотству или многочисленности взрослых отпрысков мужского пола.

Окрестные угодья, кроме помещичьих земель, принадлежали сельской общине и распределялись между дворами по едокам мужского пола и потому, многочисленная семья, где было много сыновей, при известной сноровке и тяжком труде имела шанс выбиться из бедности, что некоторым из них и удалось сделать.

Таков был состав будущих школьников, с которыми Ване предстояло учиться, и чтобы дворянин выглядел достойно среди низших сословий, Пётр Фролович хотел подготовить сына к будущей учёбе, как первого ученика, тем более, что он и сам учительствовал в церковно-приходской школе и вёл уроки арифметики, как бывший офицер-артиллерист, имеющий хорошую математическую подготовку.

Когда Ваня вошёл в комнату, отец сидел в кресле за письменным столом, к которому сбоку был приставлен стул с двумя толстыми книгами на сиденье, чтобы мальчику было повыше сидеть и удобнее исполнять задания отца. Ваня привычно сел на своё место и замер неподвижно в ожидании.

– Начнём с чтения, – молвил отец. – Я задал тебе в прошлый раз прочитать вслух два листа в книге «Столетие открытий», что лежит здесь на столе, но вижу, что ты урок этот не выполнил и книга открыта на той же странице, что и была. Как это понимать, сын? Ты опять не исполнил задание учителя или не желаешь учиться, а лишь бегать в село к крестьянским мальчишкам и порой, вместе с ними, лазить в наш сад за вишней? Я учу тебя грамоте, чтобы ты мог потом, как и подобает дворянину, поступит на учёбу в университет или кадетское училище, выучиться и быть не хуже твоих братьев, которые живут в Петербурге, имеют образование и справляют государству службу достойно, хотя и в небольших, пока, чинах. Не будешь учиться – так и останешься жить здесь на выселках: не дворянин и не крестьянин, а не пойми кто. Вот и сестра твоя вышла замуж за сына лавочника и теперь живет при лавке, как простолюдинка.

Пётр Фролович закончил речь, не кстати, упомянув дочь, которая послушалась родителей и едва ей минуло семнадцать лет, закрутила любовь с сыном местного лавочника, склонившего её к сожителству, и пришлось дворянину выдавать замуж дочь против своей отцовской воли. Пётр Фролович с тех пор не навещал дочь, жившую на другом конце села Охон, вытянувшегося вдоль речки Моти на две версты, но Ваня частенько забегал к сестре, которая угощала его пряниками и выглядела вполне довольной своей судьбой.

Жила Лидия – так звали сестру Ивана, вместе с мужем и вдовцом свёкром на втором этаже купеческого дома, первый этаж которого занимала лавка. Этим летом Лидия пополнела, округлилась и осенью ожидала рождения ребёнка, надеясь, что её отец, став дедом, сменит гнев на милость и примирится с ней.

Выслушав отца, Ваня начал оправдываться перед ним за урок: – Я, папа, читал другую книгу про богатырей, а эта мне не нравится – там какие-то испанцы завоёвывают какую-то Америку, ради золота, и убивают индейцев. Но, если надо, то смогу прочитать без подготовки. И Ваня, взяв книгу, начал бойко читать вслух с открытой страницы, иногда запинаясь на труднопроизносимых фамилиях испанских завоевателей Америки.

Пётр Фролович, прикрыв глаза, слушал чтение сына, скрывая удовольствие от его умения и, когда Ваня закончив страницу, остановился, чтобы перевернуть лист, молвил потеплевшим

голосом: – Хватит, Ваня, чтение ты освоил изрядно и скоро не уступишь в бойкости чтения дьячку, что в церкви читает воскресные молитвы в обедню, но ещё раз напоминаю о необходимости выполнять уроки, даже если тебе это и не нравится.

Потом, во взрослой жизни, придётся часто делать не то, что нравится, а то, что необходимо, и этому надо приучаться с детства, особенно, если пойдёшь служить по военной части. Там слово командира всегда является приказом, который необходимо выполнять и, не дай Бог, если случится война, то неисполнение приказа может привести тебя и подчинённых к гибели – именно поэтому я и приучаю тебя к дисциплине и держать слово дворянина, которое ты нарушил сегодня, забравшись в наш сад со своими приятелями. Они крестьянские дети и не знают, что такое дворянская честь держать своё слово, а ты обязан держать слово всегда. Ладно, по чтению «пять», ты гораздо преуспел, проверим арифметику. Расскажи-ка мне таблицу умножения на семь.

Ваня стал бубнить: «Семью один – семь, семью два – четырнадцать» – и закончил таблицу, ни разу не сбившись. Тогда Пётр Фролович задал ему несколько письменных примеров на сложение и вычитание, которые Ваня решил в своей тетрадке по арифметике, записывая примеры деревянной ручкой с железным пером, которое обмакивал в чернильницу, стоявшую здесь же на отцовском столе. Потом Ваня написал несколько строчек букв, которые у него получились чёткими и ровными, что обещало хороший почерк ему в будущем.

Отец, вполне довольный успехами сына, закончил на этом уроки и отпустил Ваню на свободу из затенённой прохладной комнаты в жаркий и душный двор.

Выскочив из дома во двор, Ваня на мгновение остановился ослеплённый ярким полуденным солнцем. Он собрался было бежать вслед за приятелями, с которыми лазил утром в саду, но близилось время обеда, и Ваня решил пообедать и только потом бежать к реке, где надеялся встретить друзей и вместе с ними искупаться на отмели. Он недавно научился плавать по–собачьи и ему не терпелось вновь похвалиться своим умением перед деревенскими девчонками, что бултыхались у самого берега не умея плавать.

– Если уйти на речку сейчас, то отец снова будет выговаривать мне за пропуск обеда в отведённое время, – подумал Ваня, а слушать опять порицания ему не хотелось, чувствуя свою вину за утренний налёт с друзьями в свой сад.

Во дворе, под навесом, у летней печи хлопотала стряпуха Фрося: молодая женщина, нанятая отцом, которая утром приходила из деревни, целый день занималась домашними делами и вечером уходила обратно в деревню, где жила с родителями, братьями и их семьями – все вместе числом 11 человек, в маленьком доме и пристроенной к нему избе, с общим двором. Эта Фрося, говорят, была замужем, но муж утонул два года назад переезжая осенью реку на лошадиной повозке. Тонкий лёд не выдержал тяжести повозки, провалился и повозка ушла под воду, а вместе с ней и мужик. Лошадь с повозкой исхитрилась выбраться на берег, ломая лёд, а мужик ушёл под лёд и нашли его только весной в омуте, куда занесло течением.

Фрося, не имевшая детей, вернулась вдовой в отчий дом, где её и присмотрел Пётр Фролович и пригласил к себе домработницей с проживанием на кухне. Но она отказалась проживать в барской усадьбе и приходила лишь на день. Её оплаты, по сельским меркам, вполне хватало, чтобы не заниматься тяжёлым крестьянским трудом, что вызывало зависть соседей. Фрося еще надеялась встретить вдовца, вновь выйти замуж и родить детей, почему и отказалась от проживания у барина, как по привычке сельчане называли Петра Фроловича.

Сейчас Фрося, раскрасневшись, босоногая, в одном сарафане, металась у печи, заканчивая приготовление обеда, состоявшего из щей и тушёной картошки с курицей, зарезанной Петром Фроловичем утром из своего курятника. Из дворовой живности в усадьбе были только куры и дворовый пёс Шарик, живший в будке у ворот и посаженный на цепь за то, что три дня назад он загрыз во дворе цыплёнка. В этот жаркий полдень пёс Шарик лежал в тени у ворот, высунув красный язык на всю его длину, и часто дышал.

Ваня, увидев страдания пса, взял пустую плошку, валявшуюся у собачьей будки, пошёл в дальний угол двора к колодцу и достал из колодца ведро воды, изо всех сил налегая на ворот, который норовил вырваться из рук и утопить ведро с водой в прохладной глубине колодца. Он налил холодной воды в собачью плошку и поставил её возле собачьей морды. Шарик благодарно взглянул на Ваню и стал жадно лакать воду, не вставая и не выходя из тени.

Фрося тем временем собирала обед на стол. В эти летние дни вся семья Домовых кушала на веранде, что примыкала к сениям и дверью выходила во двор, а боковым окном на проезжую дорогу, которая шла из деревни и, минуя усадьбу, скрывалась за поворотом в ближнем лесу.

Пётр Фролович вышел на крыльцо, спустился во двор и прошёл на веранду, где на столе уже были расставлены тарелки и приборы. За ним на крыльцо вышла и мать Вани – полная болезненного вида женщина, по имени Пелагея, и тоже прошла на веранду. Пелагея прихварывала уже второй год, с прошлой зимы, когда простудилась, болела горячкой и выздоровела, но видимо не до конца. Она целыми днями лежала в своей спальне и выходила лишь по нужде или к столу по приглашению Петра Фроловича или Фроси.

Родители сели за стол, Ваня присел рядом с отцом, а Фрося, ещё более раскрасневшаяся, принесла на ухвате чугунок со щами и поставила его на стол. Ваня вспомнил, что три дня назад, когда он сидел во дворе за кустом акации и читал книгу про богатырей, как скрипнула дверь дворового сарая и их него тихо вышла Фрося, раскрасневшаяся, как сейчас, оправляя свой сарафан и пошла под навес заниматься кухонными делами. Вслед за Фросей из сарая вышел отец, завязывая пояс на рубахе. Он прошёл мимо Фроси, склонившейся у печи и ласково шлёпнул её по бедру, на что она вовсе не обиделась, а лишь оттолкнула его руку. Сейчас, подав на стол, Фрося ушла под навес, ожидая распоряжения нести второе.

Пётр Фролович, по крестьянской уже привычке, сам разлил щи по тарелкам и семья приступила к обеду. Ваня нехотя проглотил несколько ложек щей, потом Фрося принесла на второе тушёную картошку, Ваня съел кусочек курицы, запил клюквенным морсом и с разрешения отца убежал на речку искупаться.

Родители тоже закончили обед и разошлись по своим комнатам на послеобеденный отдых, а Фрося, убрав со стола, похлебала щей и пошла в дворовый сарай, где у неё была устроена лежанка, отдохнуть перед вечерними работами.

Прибежав на речку, Ваня, как и ожидал, встретил там своих утренних приятелей, плескавшихся с другими мальчиками их возраста на мелководье, образованным песчаной косой на излучине реки, поворачивающей в этом месте к дальним лесам, видневшимся на горизонте.

Здесь, на отмели, плескалась детвора из близлежащих дворов, не старше 5-7 лет, потому что дети постарше уже работали вместе со взрослыми на полях, в огородах и на сенокосе, который был в самом разгаре, а малышня оставалась во дворах под присмотром старух.

Все купались нагишом, только девочки купались в некотором отдалении от мальчишек, скрываясь в заводи за кустом ивняка.

Ваня тоже сбросил рубаху и плюхнулся в воду рядом с друзьями: Федей и Егоркой. Прохлада воды остудила разгорячённого мальчика, и Ваня самозабвенно плескался и нырял на отмели, смывая пот и усталость от жары.

Его друзья видимо уже давно были на речке и бессмысленное купание им уже надоело.

– Пошли девчонок шупать, – вдруг крикнул Федя и побежал по воде к заводи, где купались девочки, тоже голышом. Девчонки, увидев бегущих к ним мальчиков, принялись истошно визжать, а мальчики хватали их за бока и гладили им ладошками нежные бугорки в паху, отчего девочки визжали еще громче.

Ваня не принимал участие в этой забаве и смотрел завистливо с отмели на бегающих по воде мальчишек и девчонок. Девчонки наконец вырвались из воды и с криками спрятались в кустах, а мальчишки довольные собой вернулись на отмель и снова принялись нырять и бултыхаться, как ни в чём не бывало.

Из кустов высунулась соседская девчонка и прокричала: «Погоди, Федька, скажу твоему отцу, как ты охальничаешь на речке, задаст он тебе порку».

– Ничего не будет, мокрошелка, – беззаботно ответил Федька, – отец тоже мамку щупает и мнёт по вечерам, когда думает, что я уже заснул.

Деревенские дети спали в тесноте избы рядом с родителями и иногда, просыпаясь, частенько заставляли их за богоугодным делом, а потому прекрасно знали о забавах взрослых. Лишь Ваня, дворянский сын, по малолетству пребывал в неведении, но друзья быстро и успешно просвещали его, учили дурным словам, потому он и стыдился мальчишеской забавы пощупать девчонку, которую друзья затевали уже не в первый раз.

Тем временем небо потемнело, с запада быстро надвинулась синяя туча, которая, расширяясь и темнея, закрыла все небо. Лёгкий ветерок стих. Вдруг, в полной тишине, сверкнула молния и земля содрогнулась от раскатов грома. Мальчики едва успели одеться, как хлынул ливень, освещаемый молниями и сопровождающийся грохотом грома.

Бежать в деревню было поздно и Ваня с друзьями укрылись на берегу под обрывом, прикрытые сверху развесистой ивой. Дождь сюда почти не доставал и ребята, прижавшись друг к другу, переживали грозу, вздрагивая при очередных раскатах грома.

– Помнишь Ваня, – молвил Федя, – как прошлым летом в соседней деревне убило громом двух мальчишек, которые побежали от дождя и укрылись под деревом. Гром прямо в это дерево ударил и убил обоих, так, что они почернели. Я бегал туда и смотрел, как их хотели оживить, закопали в землю, чтобы нечистая сила из них ушла, но ничего не помогло. Тятя говорил, что гром и молния – это Бог в подземном царстве Сатану пугает, а Сатана наводит этот гром на людей, которые не успели спрятаться.

Может и нас здесь гром ударит? – опасливо прошептал Егорка после разрыва грома совсем неподалёку так, что задрожала земля.

– Нет, здесь под обрывом ему нас не достать, – уверенно сказал Федя, – нас не видно и земля сверху. Если и ударит, то в землю, а по нам грому не попасть.

– Мне отец говорил, что убивает людей не гром, а молния, – возразил Ваня, – и нельзя стоять во время грозы под деревом или бежать по полю, а надо укрыться под навесом или в пещере, как мы, тогда молния не попадёт.

– Нет, нет, убивает гром, вот он как грохочет, даже земля трясётся, а молния сверкает и всё, – упёрся Федя.

– Мы с отцом были, однажды, в лесу и тоже гроза случилась, мы в шалаше укрылись и я видел, как молния неподалёку ударила в дерево и оно загорелось, а от грома огня не бывает, – настаивал на своём Ваня.

– Молния без грома не бывает, значит, они вместе вредят людям, – примирил обоих Егорка.

Гроза стихла также внезапно, как и началась. Просветлевшая туча сдвинулась к краю неба, унося с собой сполохи молний и слабеющие раскаты грома. Из-за края тучи выглянуло солнце и заиграло тысячами блёсток в каплях дождя на траве и листьях деревьев. Вслед уходящей туче протянулась яркая радуга в полнеба, и дети вышли из своего укрытия.

– Мне тятя говорил, что радуга появляется, когда Бог радуется, потому и называется радугой. И по этой радуге душа человека, когда он умирает, попадает прямо в рай – сказал Егорка.

– Враньё всё это, – возразил Ваня, – мне папа говорил, что радуга от солнца и дождя, когда они вместе.

– Мальчики замолчали, осматриваясь вокруг. Омытый дождём, мир блестел и сверкал, воздух стал свеж и прозрачен, запели птицы и вновь начавшийся лёгкий ветерок стряхивал с листы и травы светящиеся на солнце капли воды. Всё вокруг ожило, зашумело, осветилось ярким солнцем, и мальчики направились в сторону деревни, шлёпая босыми ногами по лужам,

оставшимся после дождя. День продолжался и его следовало заполнить ещё какими-нибудь мальчишескими делами.

– Побежали к моей сестре Лиде, – предложил Ваня. – Она даст пряников, может быть.

Приятель одобрил это предложение и все трое заспешили по селу на другой его край, где жила сестра Вани. После дождя сельская улица оживилась. Девки шли по воду к колодцу с питьевой водой. Колодцы были почти в каждом дворе, но с солоноватой невкусной водой, и лишь в некоторых колодцах вдоль села была сладкая родниковая вода, куда, запастись водицей к вечерней трапезе, и спешили девки с ведрами на коромыслах.

У колодца можно было услышать сельские сплетни и новости: кто-то побил жену-неумеху, кто-то поранился топором, там свёкр приставал к снохе, пока сын был на сенокосе, за что был бит этим сыном, там свинья подрыла картошку в соседском огороде, за что эти соседи учинили свару, и прочие известия и домыслы, ни одно из которых не проходило мимо любопытных бабьих ушей и глаз. От колодцев эти новости расходились по избам, правились и приукрашивались подробностями и вновь доносились к колодцу так, что первоначальное известие становилось неузнаваемой сплетней.

Вдоль плетней по улице бродили свиньи, тщетно роясь в мусоре в поисках пищи и не найдя её плюхались в лужи, появившиеся после дождя в рытвинах дороги, и нежились в тёплой грязи.

Курицы перелетали через плетни на улицу, разгребали траву и мусор в поисках дождевых червяков, вылезших из земли залитой водой. Козы жадно объедали траву вдоль плетней, которая омылась от пыли и посвежела после дождя.

Все: и люди, и животные занимались своими неотложными делами и не обращали внимания на мальчишек, озабоченно спешащих вдоль улицы. Вскоре они достигли дома, где проживала замужняя сестра Вани. Она как раз сидела у распахнутого окна на втором, жилом, этаже большого дома и с интересом посматривала на уличную суету. Завидев Ваню, она привстала и помахала ему рукой.

Дверь первого этажа, где размещалась лавка, была приоткрыта и внутри мелькали несколько баб и мужиков, пришедших по надобностям после дождя. Следующий день был воскресным и сельчане, которые могли это себе позволить, делали небольшие покупки: мыло для бани, чай и сахар для воскресного чаепития, кто-то и бутылку водки, чтобы мужики двора, с устатку, после бани, приняли по чарке – другой хлебного вина, по случаю окончания сенокоса.

Ваня через калитку проскользнул во двор, а приятели сели у забора на уже подсыхшую после дождя траву. Дом лавочника был огорожен не плетнём, а дощатым забором в человеческий рост и этот забор скрывал всё, что происходило во дворе.

А происходило там следующее: сестра Лида спустилась во двор по лесенке, обняла братца и начала подробно расспрашивать его о родителях. Ваня охотно, но коротко, рассказал об их жизни с прошлого визита к сестре, от которого едва ли прошла неделя. Сестра Лида еще более округлилась, живот уже выпирал из сарафана вперед и, видимо, месяца через два, осенью, она должна была разродиться.

Как и большинство беременных женщин, она стала суеверна и пуглива, боялась сглаза и пыталась задобрить всех, чтобы не напустил кто-то порчи. Ваня пользовался этим её состоянием и по научению друзей посещал сестру почти каждую неделю, не уходя от неё без подарка.

В прошлый раз она дала ему жестяную баночку с леденцами монпансье, которые друзья сосали понемногу почти два дня, а пустую баночку Ваня отдал Феде и тот сложил в неё свои богатства: медную копейку, подаренную отцом к именинам, осколок зеркала, разбитого и выброшенного попадѣй по плохой примете, которым было удобно пускать солнечные зайчики в глаза ребятишкам на речке, цветной камешек, подобранный на улице, и ржавый железный гвоздь, подобранный на дороге за околицей, из которого он намеревался сделать копѣе-острогу, чтобы бить крупную рыбу, иногда заплывавшую на отмель, где ребята купались.

В этот раз, сестра Лида вынесла Ване три пряника, которые он тут же засунул под рубашку. Свёкор сестры был известный на селе скопидом и всякий раз ругал Лиду за раздаваемые ею подарки, считая, что все, в том числе и младший её брат, должны покупать товар в их лавке, а не получать бесплатные подарки. Пряники были получены, и Ваня заспешил на улицу, где его дожидались друзья.

– Побежали обратно на реку, половим рыбёшек, – предложил Федя, и друзья заторопились, уже соскучившись по реке. Ваня вынул из-за пазухи три пряника и дал приятелям, оставив один пряник себе. Федя торопливо начал обгрызать сладкую глазурь пряника, жмурясь от удовольствия, и очистив пряник от глазури, так, что остался только серый кусочек сладкого плотного хлебца, принялся уминать и его. Егорка, напротив, спрятал пряник под рубаху и сказал, что покажет этот пряник сестре-погодку, которая никогда еще не видела пряника и, тем более, никогда его не пробовала. Сельчане своих детей в лавку не водили, чтобы те не приставали, по малолетству, с просьбами купить что-то диковинное, увиденное на прилавке или на полке за спиной приказчика.

Деньги на селе водились лишь у нескольких зажиточных крестьянских семей, а остальные трудились на арендованной земле, расплачиваясь за аренду урожаем, остатка которого едва хватало на скудное пропитание для семьи. Выручал огород и домашняя скотина: корова, козы, свиньи, куры и гуси. Стада гусей, меченных по-особому каждым хозяином, щипали траву вдоль речки и к осени вырастали в больших серых птиц без всякой подкормки, за что и ценились в крестьянском хозяйстве. Осенью, с наступлением холодов гуси забивались и отвозились на ярмарку, где горожане и местные евреи скупали жирные тушки гусей впрок на всю зиму. Выручка за гусей обычно составляла весь денежный годовой доход крестьянской семьи, а сами крестьяне редко когда пробовали жареного гуся. Была даже поговорка: «Сладки гусиные лапки! А ты их едал? Нет, мой дядя видал, как их барин едал».

Вот поэтому Егорка и хотел удивить сестру пряником. Для Вани пряники не были редкостью, и, подумав немного, он отдал свой пряник Егорке.

– Возьми, пусть вам с сестрой будет по целому прянику, а себе я дома у мамки попрошу.

Обрадованный Егорка засунул и этот пряник за пазуху и вся троица побежала по сельской улице за околицу к реке погонять рыбёшек.

Солнце катилось к западу, и скоро край его диска зацепился за верхушки берез растущих вдоль берегов за ивами, которые склонились к самой воде.

На отмели уже никого из ребятни не было, вода успокоилась после дождя, отстоялась на мелководье и стаи рыбёшек сновали тут и там в поисках поживы. Начинался вечерний жор рыбы. Крупная рыба плескалась в ближнем омуте: серебристые тушки выпрыгивали из воды, хватали зазевавшихся мошек, мух и стрекоз и с шумом плюхались назад в воду. Мелкие рыбки взлетали над водой и враспынную расплывались в стороны – видимо крупная и хищная рыба в омуте начала свою охоту на мальков.

В мелкой заводи, где воды по щиколотку, стайка плотвы и уклейки стояла у отмели: рыбёшки шевелили жабрами и тыкались ртами в песок отмели. Ребята осторожно подошли с протоки и разом шлепнулись в воду, отрезая рыбёшкам путь к протоке. Рыбёшки с испуга метнулись по отмели и оказались в лужице воды, отделенной от заводи лишь тонким слоем песка. Ребята стали плескать воду из лужицы вместе с рыбёшками на песок и скоро вся рыбья стайка оказалась на песке и в руках мальчиков. Федя сломал ивовый прут, очистил его от коры и стал нанизывать рыбёшек за жабры на этот прут. Вскоре прут заполнился висящими рыбёшками, словно девичья коса с вплетёнными лентами.

Федя победно поднял прут с рыбками: «Отнесу домой, мать уху сварит к ужину», – крикнул он друзьям и все вместе они направились к деревне, за избами которой, вдали, солнце уже коснулось краешка земли.

На развилке дорог приятели расстались: деревенские продолжили прямой путь в деревню, а Ваня свернул направо к своей усадьбе.

Осторожно открыв калитку, он вошёл в двор. Пёс Шарик заскулил, подбежал к Ване, звеня цепью, и лизнул его в руку. Отец сидел на веранде у открытого окна и курил табак, пуская дым кольцами. На столе перед ним лежала книга, по которой Ване было задано чтение, которого он опять не выполнил.

– Не кажется ли тебе, Ваня, что ты несколько припозднился с возвращением домой? – строго спросил Пётр Фролович своего малолетнего сына.

– Ты бы хоть заглядывал временами во двор, чтобы мы с матерью знали, что ты жив и здоров и ещё живёшь здесь, а не в деревне у своих друзей. Я понимаю, что одному тебе скучно, но и возиться целыми днями с крестьянами, тебе, дворянину, не подобает. Может они и добрые ребята, но тебе не ровня. Где ты был и что делал, расскажи отцу?

Ваня подробно описал события этого дня, а отец слушал его прикрыв глаза. Было видно, что он вовсе не сердится и с удовольствием слушает о приключениях сына. Рассказав всё, Ваня замолчал, ожидая решения отца.

Пётр Фролович вздохнул, погасил окуроч в пепельнице на столе и сказал: «Хорошо, что ты не крутился по деревенским дворам, но на речку впредь будешь спрашивать разрешения. Фрося уже ушла и оставила тебе хлеб и молоко на столе вместо ужина. Поешь и ложись спать.»

Ваня не слушая приглашения, вымыл руки, попил на веранде молока с ситным хлебом, сполоснул босые ноги в ушате, вытер их холстиной и прошёл в свою комнату. Бесконечно длинный летний день детства, полный впечатлений, подходил к завершению.

Ваня снял рубаху, надел ночнушку, лёг в постель и сразу уснул, лишь только голова его коснулась подушки.

II

Утром Ваня проснулся от чириканья воробьёв, устроивших птичью склоку под стрехой крыши. За верхним наличником окна его комнаты было воробьиное гнездо, из которого доносился писк птенцов второго, летнего воробьиного выводка. Птенцы требовали еды, а их родители вели перебранку с соседней парой, свившей гнездо под наличником окна отцовской комнаты-кабинета.

В целом, усадьбный дом был устроен довольно просто: квадрат внешних стен из сосновых брёвен был внутри разделён крестом бревен на четыре части. Одну из частей занимала кухня с большой русской печью в дальнем углу, а сразу от входа, направо, дверь вела в коридор, оттуда в залу, где по торжественным дням накрывали стол и проходили праздничные обеды: иногда с гостями-соседями из ближних поместий и деревенок.

Из коридора две двери вели в родительскую спальню и кабинет отца, через который можно было попасть и в спальню. Ещё одна дверь вела в комнату Вани, а из кухни, дверь у печи тоже вела в спальню матери, которая прислушивалась к хлопотам Фроси и давала ей указания через дверь, но иногда выходила и сама, если чувствовала себя лучше. Такое размещение семьи, Пётр Фролович ввёл после окончательного отъезда старших детей в самостоятельную жизнь: до этого за старшими сыновьями числилась нынешняя спальня отца, родители жили в общей спальне, а Ваня был при них в своей комнате. Сестра Лида проживала в кабинете отца, который и не был вовсе никаким кабинетом, а был девичьей светёлкой с наглухо закрытой дверью в спальню родителей.

Ваня полежал немного, послушал бойкое и нахальное чириканье воробьёв, которых деревенские ребята называли почему-то жидами, вскочил, выбежал на крыльцо, одел свои галоши, стоявшие в углу в ожидании осенних дождей, и побегал в туалет, расположенный за дровяным сараем, по дощатой дорожке, проложенной на случай непогоды.

Вернувшись из укромного уголка, Ваня подошёл к Шарику, почесал ему за ухом, погладил по спине, налил воды в плошку и оглядел, как сказал бы отец, хозяйским глазом двор. За ночь погода переменилась, по небу бежали белые облачка, дул прохладный ветерок и воскресный день обещался быть летним, но без духоты и жары вчерашнего дня. Такая погода вполне устраивала Ваню, и он побежал обратно в дом, пугнув по пути петуха, который сопровождал стайку своих куриц, клевавших зерно, брошенное щедрой рукой Фроси уже растопившей летнюю печь и готовившуюся испечь оладьи к завтраку для своих хозяев. Петух гневно кудахтнул, отскочил в сторону и приготовился к защите своих куриц, но мальчишки уже и след простыл.

В своей комнате Ваня переоделся во вчерашнюю рубаху, вышел снова во двор, сполоснул у рукомойника глаза, как бы умываясь, вытер лицо полотенцем и сел на веранде в ожидании завтрака. Вчера он остался без ужина и сейчас растущее детское тело требовало пищи.

Фрося сноровисто разболтала муку в простокваше, добавила туда два яйца и принялась печь оладьи на чугунной сковородке, подливая постного масла. Скоро на блюде поднялась горка пышущих жаром оладий и Фрося поставила блюдо на стол перед Ваней, сюда же поставила плошку со сметаной и кружку с клюквенным морсом, зная, что Ваня не любит чая – даже остывшего и с сахаром.

Ваня принялся за оладьи, макая их в сметану и запивая морсом. За этим занятием его и застал Пётр Фролович, тоже проснувшийся на заре, но потом задремавший снова под чирикание воробьёв.

– Наш пострел везде поспел, – добродушно сказал отец, наблюдая за торопливым завтраком сына, – и куда же, позвольте спросить, вы торопитесь сегодня после вчерашнего целого дня беготни по селу и за околицей?

– Мы с ребятами сговорились сбегать в местечко к жидам, и посмотреть на щенят, что принесла собака в ближнем дворе. Другие ребята бегали туда вчера, а мы не успели. Потом хотим половить рыбу на удочку, по-настоящему. Феде отец купил рыболовные крючки в городе, а удочки мы сделаем сами.

– Никуда ты сегодня с ребятами не пойдёшь, – расстроил Ваню отец. – Сегодня воскресенье и мы с тобой пойдём в церковь к ранней обедне. Мать тоже вчера собиралась, но сейчас сказала мне, что не пойдёт по здоровью, и попросила, чтобы мы помолились за неё и поставили свечку. Потом мы с тобой поедem в город за школьными товарами для тебя. Скоро в школу, а у тебя нет ни ранца, ни новых учебников, ни тетрадей. Негоже дворянину идти в школу без принадлежностей, как простому крестьянину.

Вот вернёмся из города, и, может, успеешь еще встретиться с огольцами своими и похвалиться покупками. Да и одежонку тебе надо бы купить в школу: за лето подрос сильно и твои вещи, наверно, уже малы будут, – закончил отец и, сев за стол, тоже принялся кушать оладьи, запивая их горячем чаем, как он любил.

Ваня поначалу сильно расстроился, что его планы поменялись, но потом, вспомнив прошлые поездки в город, повеселел: там всегда было много интересного и нового, чего здесь в селе никогда не увидишь. Да и покупки к школе обещали радость и возможность погордиться перед приятелями, которые в школу идти не собирались – так решили у них в семье: пора начинать заниматься хозяйством крестьянским, а не протирать штаны в школе: авось и без грамоты проживут, как их отцы и деды.

Ваня пошёл к себе собираться в церковь. В холщовой рубахе на голое тело и босиком в церковь идти нельзя, и он одел чистую рубаху, штаны и сандалии, заправив рубаху под ремень, который ему достался ещё от брата Иосифа.

Ваня вышел снова во двор, думая, что отец уже ждёт его нетерпеливо и будет ругаться за долгие сборы, но во дворе отец, сняв рубаху, сидел на табуретке, а Фрося большими ножницами укорачивала и ровняла ему бороду, нестриженную с ранней весны. Она умело чикала

ножницами и клочки седоватой бороды отца падали на землю и катились к воротам, подгоняемые лёгким ветерком с сада-огорода.

Борода отца превратилась в аккуратную бородку, но волосы на голове теперь казались лохмами, и Фрося принялась укорачивать и волосы. Скоро она закончила стрижку, отец встал, отряхнулся и, подойдя к зеркальцу у рукомойника, взглянул на себя. Из зеркальца на него глядел пожилой благовидный мужчина – явно не простолюдин и стриженный, как бы в цирюльне.

– Где же ты наловчилась стрижке? – спросил довольный отец у Фроси, заметавшей веником все клочки волос, чтобы не осталось ни одного и потом их сжечь в печи. По крестьянскому поверью, клочки волос не должны попадать чужим людям, которые могут по единому клочку волос из бороды или головы навести порчу на их хозяина.

– Я всю семью нашу стригу: и мужиков, и жён их, и детей, – отвечала Фрося, собрав все волосы по двору и бросив их в печь, прищёптывая что-то про себя – для отвода сглаза.

– У других баб ничего не получается, а у меня выходит, нужно только не торопиться и чтобы ножницы были острыми. Я перед стрижкой посмотрю сначала на человека, прикину, как он будет казаться после, и начинаю стрижку по своему разумению. Ещё никто не жаловался, что я ему плохо сделала с волосами и бородой.

С девками проще – там только кончики волос подравняю, а уж косы они сами заплетают, а вот с мужиками следует повозиться, чтобы не навредить, особенно с бородой, – бойко отвечала Фрося, надевая фартук, чтобы приступить к готовке обеда. Пётр Фролович сказал ей о своей поездке в город после обедни и ей следовало поторопиться и подкормить барина в дорогу.

Пётр Фролович прошёл в дом, переоделся, по – воскресному, вышел во двор, где его ожидал Ваня, взял сына за руку и они вместе пошли к церкви, находившейся в центре села на пригорке.

Эта каменная церковь была построена несколько лет назад на месте сгоревшей деревянной. Подойдя к церкви, Пётр Фролович снял свою офицерскую фуражку без кокарды, перекрестился и направился к открытой двери, откуда доносилось пение – служба уже началась. Отец с сыном тихо прошли внутрь в прохладный полумрак, освещаемый зажжёнными свечами и солнечным светом, слабо проникающим вглубь храма через небольшие окна наверху, в цветных стёклах.

Ваня не любил эти посещения церкви: люди стоят и крестятся, шепчут молитвы, которым и его учила мама, некоторые становятся на колени и бьют поклон, а наверху за алтарём был нарисован Бог: больше любого человека с диким взглядом чёрных глаз. Ваня не понимал, как этот Бог может распоряжаться всеми людьми на всей земле и в их селе, но сельчане чуть – что говорили: «На всё воля божья».

– Если он так могуч, как богатыри и колдуны в сказках, – думал Ваня, – то почему мама никак не поправится после болезни, а у соседей недавно лошадь ударила копытом девочку и убила её. Ваня бегал тогда с друзьями и смотрел как эту девочку в гробу опустили в землю, здесь на погосте за церковью, и закопали, и никакой Бог не помог этой девочке.

Сейчас Ваня стоял рядом с отцом, крестился, как его учили, и слушал дьячка, который читал молитву. Певчие, из крестьянских детей, пели хоры и затем дьяк читал другую молитву.

Обедня закончилась, отец поставил свечку за здоровье мамы Вани и они вышли из церкви к немногочисленной толпе сельчан, которые увидев Петра Фроловича почтительно кланялись и снимали картузы.

Еще их предки были крепостными у деда Петра Фроловича и дальше, в глубине веков, они служили роду Домовых, многие представители которого покоились здесь же на сельском погосте за церковью.

Пётр Фролович не спеша возвращался к усадьбе, отвечая кивком головы на приветствия встречаемых сельчан, а Ваня юлил вокруг отца в надежде встретить знакомых ребят и похвалиться перед ними, что он сегодня поедет в город. Многие ребята из села, даже старше Вани,

никогда ещё не бывали в городе и с недоверием слушали рассказы сверстников и родителей о городской жизни, какой она представлялась из крестьянской телеги по случаю приезда на городской базар или праздничную ярмарку.

Вернувшись домой, Пётр Фролович с сыном отобедали на веранде приготовленными Фросей, ещё вчера, борщом и варёной курицей с картошкой, попили кислого холодного кваса из погреба – настолько кислого, что щипало ноздри и слезились глаза, и стали ожидать лошадь для поездки в город. Мать Вани расхворалась сильно и к обеду не вышла из своей спальни, так что Фрося отнесла ей покушать прямо в комнату.

Немного спустя пришёл сосед с лошастью и начал запрягать её в повозку, которую выкатил из конюшни. Своих лошадей Пётр Фролович не держал ввиду ненадобности по хозяйству, но конюшня от прежних хозяев усадьбы осталась: в этой конюшне хранились коляска, повозка на сани и вся сбруя конская, необходимая для упряжи коней в эти экипажи.

В случае надобности, Пётр Фролович обращался к ближним сельчанам, кто позажиточнее и с лошадьми, и они охотно давали коня, а сами служили за кучера для поездок бывшего барина по делам в город, запрягая своего коня в барскую повозку или коляску. За поездку в город Пётр Фролович платил пять алтын, что представляло хорошие деньги, на которые крестьянин мог купить подарки своим родичам или нужную в хозяйстве вещь, которой не было в лавках у сельских лавочников. Да и проехаться по городу, заглянуть в магазин, зайти в храм или просто поглазеть по сторонам, представлялось большим развлечением в унылой и однообразной крестьянской жизни, заполненной ежедневным и тяжёлым трудом в поле и во дворе.

Нынешнего кучера, небольшого плешивого мужика с жиденькой рыжеватой бородашкой, одетого в цветастую ситцевую рубаху, заправленную в серые портки и обутого в яловые смазные сапоги, звали Фомой и этот Фома умело запряг кобылу каурой масти в барскую коляску, уселся на каблучок и поджидал седоков.

Пёс Шарик остервенело и с упоением лаял на лошадь и незнакомца так, что Фросе пришлось его загнать в будку и закрыть лаз, но он продолжал лаять и в будке, пугая лошадь, переминавшуюся на месте.

Пётр Фролович быстро собрался в поездку, они с Ваней сели в коляску, Фрося отворила ворота, Фома взмахнул вожжами, упряжка выехала со двора и запыхала по дороге в сторону города Мстиславля, до которого хода было около 15 верст.

Через пару часов они въехали в городок Мстиславль: небольшой уездный город с несколькими кирпичными домами, магазинами и казенными учреждениями в центре, и деревянной застройкой, как в сёлах, по окраинам, с огородами и усадьбами при каждом доме. Миновав эти окраины, коляска выскочила на центральную площадь, мощённую камнем – единственное место в городе, защищённое от грязи, тогда как по остальным улицам были проложены дощатые тротуары для пешеходов с разбитой проезжей дорогой посередине.

Коляска остановилась возле магазина купца Саврасова: так было написано на вывеске, что прочитал Ваня. Кучер привязал лошадь к коновязи и Пётр Фролович прошёл вместе с Ваней в магазин за покупками, а Фома за ними: поглазеть на диковинные товары и, возможно, купить что-то незначительное на гривенник с пятаком, что задатком дал ему барин перед поездкой.

Магазин был заполнен всякой всячиной: вперемешку здесь лежали хозяйственные товары и мешки с мукой и крупами, на полках разместились бакалея, а в дальнем углу висели армяки, рубахи, портки и была расставлена обувь для взрослых и детей. Туда и направился Пётр Фролович с сыном, чтобы сначала приодеть Ваню, а уже потом заняться школьными принадлежностями для учёбы.

Пётр Фролович хотел было купить гимназическую форму для Вани, но передумал: сын будет учиться в земской школе и негоже ему выделяться среди школяров своей формой, тогда

как другие ученики будут в обычной крестьянской одежде – холщовые рубахи и портки, а на ногах, смотря по погоде: лапти, валенки или самодельные чуни в грязь.

Осмотрев выбор одежды и обуви, Пётр Фролович остановился на суконной серой косоворотке с тремя пуговицами у ворота, такие же штаны по щиколотку, новый ремень с медной пряжкой и яловые полусапожки. Ещё он купил детскую фуражку наподобие гимназической с блестящим лакированным козырьком, но без кокарды. Сапоги они примерили так, чтобы были несколько велики: на вырост и под портянки, фуражку по голове, которая не должна была сильно вырасти за первый год учения, а остальные вещи просто прикинули по фигуре. Пётр Фролович расплатился, приказчик упаковал вещи в свёрток, обернул его бумагой, перевязал бечёвкой и с лакейской улыбкой вручил этот свёрток Петру Фроловичу.

Кучер Фома ходил по магазину, цокал языком, осматривал товар, но ничего не купил, кроме головки сахару, чтобы подсластить чай себе и детям, а сам чай заваривался смородиновым листом и зверобоем.

Затем все трое прошли к книжному магазину, на другую сторону площади. В том магазине продавались и школьные принадлежности. Пётр Фролович купил сыну ранец за спину, азбуку, арифметику, тетради, ручки, карандаши, чернильницу-непроливашку и пузырёк чернил, грифельную дощечку, чтобы писать мелом и несколько кусков мела, похожих на бруски пастилы, что отец покупал недавно в сельской лавке.

Все эти покупки уложили в ранец, Ваня подтянул лямки, закинул ранец за спину, надел новенькую фуражку на голову и счастливый вышел с отцом на площадь, где их поджидал Фома, который читать не умел, книг не покупал и поэтому в магазин книжный заходить не стал, оставив это занятие барину с сыном.

Обратный путь занял столько же времени, что и в город, и, вскоре, коляска въехала во двор через ворота, заботливо отворенные Фросей, едва она слышала стук копыт и звон бубенца, что Фома подвесил своей лошади перед выездом.

Солнце клонилось к западу, но впереди еще была добрая треть июльского дня, которую следовало посвятить неотложным ребячьим делам.

Ваня хотел было бежать к деревенским своим приятелям, чтобы похвастать обновками и школярскими вещами, особенно кожаным ранцем, который так удобно висел на плечах, а внутри ранца было три отделения: для книг, тетрадей, карандашей и прочего, но отец забрал все покупки к себе в кабинет и сказал, что обновить их можно будет только по приходу дней школьных занятий.

Делать было нечего, и Ваня, переодевшись с дороги в привычную рубаху на голое тело и снова босиком, кинулся на поиски друзей, помня, что они собирались удить рыбу новыми крючками, что купил отец Феди.

Выбежав на излучину речки он увидел вдали у омута своих приятелей с белыми палками удочек, сидевших на берегу. Оббежав поворот речки он приблизился к юным рыбакам, внимательно всматривающихся в неподвижные поплавки на воде.

Удилища были сделаны из длинных ивовых побегов, очищенных от коры и от этого ставших белыми и более жёсткими под лучами жаркого солнца. Сама удочка мастерилась из суровой нитки, грузило из мелкого гвоздя, выпрошенного у родителя, поплавком служило гусиное белое перо, крепко перевязанное ниткой, а крючок, с надетым на него мелким кузнечиком, был глубоко под водой. Ваня хотел было заняться постройкой своей удочки, но Федя, показав на удище, лежавшее у куста, сказал, что они уже сделали ему удочку и он может присоединиться к ним. У самого берега в небольшой ямке, затопленной водой, уже плескалось несколько довольно крупных окуньков и пара плотвичек, пойманных на размокшие зерна полбы.

Ваня проворно поймал двух кузнечиков, взял удочку и насадил кузнечка на новый крючок, не сделанный из гвоздика, а купленный в городе. Жало крючка было с бородкой, мешавшей

рыбке соскользнуть с крючка, если она его проглотила, и забросил удочку в отдалении от друзей не желая пугать их рыбалку.

Всеми этому друзей научил отец Федей – страстный рыбак и поставщик пойманной рыбы к своему семейному столу крестьянина. Сейчас шёл сенокос и ему было не до рыбалки, потому он и отдал купленные крючки сыну, строго наказав ему не терять эти крючки, и не ловить рыбу в зарослях камыша и около затонувших коряг. Потому-то ребята и сидели на берегу у глубокого омута с чистой водой.

Вдруг гусиное перо Федейной удочки дернулось и встало вертикально: – Смотри, клюёт, взволнованным шёпотом сказал Ваня, не отводя взгляда и от своей удочки, поплавок которой спокойно лежал на воде, уносимый лёгкой рябью волны к середине омута на всю длину суровой нитки.

Поплавок у Федей дернулся раз-другой и ушёл под воду. Федя дернул удилище, оно прогнулось, нить потянулась, из воды выскочил полосатый окунь и шлёпнулся в траву рядом с рыбаками. Федя проворно схватил окуня за жабры и стал осторожно снимать его с крючка, чтобы не повредить нить. Окунь, величиной с ладонь взрослого человека, не трепыхался и был брошен в закуток, где плескались прежде пойманные рыбы.

Ветер стих совсем, солнце скрылось за облачка, густо усеявшие всё небо, над водой замелькали разные летучие жучки, мошки и стрекозы, за ними стали гоняться рыбы, выпрыгивая из воды, и начался рыбий жор.

Федя и Егорка поймали ещё по паре больших окуней – только у Вани поплавок лежал неподвижно и не было ни одной поклёвки. Он сменил на крючке уснувшего кузнечика на живого и верткого и снова забросил удочку на прежнее место.

Поплавок сразу несколько раз слабо дернулся из стороны в сторону, но Ваня подумал, что это кузнечик дергается на крючке. Неожиданно поплавок встал и ушёл под воду. Нить резко потянулась, едва не выбив удилище из рук мальчика. Ваня крепко схватился за палку и попробовал вытянуть нить из воды, но сил его не хватало: какая-то крупная рыба попала на его крючок.

Друзья бросили свои удочки и стали вместе с Ваней тянуть за нить, которая от натяжения даже звенела. Попавшаяся рыба попыталась порвать нить и уйти в глубину омута, но суровая нитка, которой отец Федей подшивал валенки, выдержала силу рыбы и мальчики, осторожно выбирая нить, подтянули рыбу на мелководье и потом разом выдернули рыбу на входе в омут, где берег был отлогий, а речка неглубока. Сразу за ними берег круто поднимался: вода, делая поворот, размывала глубокую яму-омут и далее снова начиналось мелководье. В самом омуте ребята рыбачить опасались: в прошлом году здесь утонул их сельчанин, тело которого так и не нашли и ребята думали, что утопленник может и их утащить на дно.

Вытащенная на берег рыба оказалась большой серой щукой, которая трепыхалась на траве, открывая большую зубастую пасть. Федя схватил её под жабры, рыба затихла и он вытащил крючок, зацепившийся щуке за губу. К их удивлению на крючке сидел ещё и окунёк, проглоченный щукой.

– Наверно окунь схватил кузнечика, а щука с налёта схватила окунька – вот и попались на один крючок две рыбы, – сказал Федя. – А щука здоровая попала: наверное, фунта два или больше.

– Можно сходить в местечко и там продать эту щуку жидам за две копейки или алтын – они всегда щук покупают у рыбаков, – предложил Егорка. – И потом купить пряников, – продолжил он свои мечты, видимо, не забыв ещё вчерашних пряников, поданных им сестрой Вани.

– Нет, – возразил Ваня, – эту щуку я отнесу домой и похвальнось отцу и маме, а пряники и так купим – у меня есть две копейки, дома спрятанные. На том и порешили. Мальчишки смотрели удочки, которые Федя забрал себе, поскольку крючки были его отца, потом Федя и

Егорка нанизали на ивовые прутья пойманных им окуней, чтобы вся деревня видела их улов, когда пойдут по улице и ребята двинулись к своим домам. Ваня нёс свою щуку, держа двумя руками за жабры так, что хвост рыбины волочился по земле. На развилке, как и вчера, мальчики расстались.

Открыв локтем затвор калитки, Ваня вошёл во двор усадьбы и бросил щуку на стол у печи, где хлопотала Фрося.

– Можешь пожарить эту рыбу сегодня к ужину, – гордо сказал мальчик работнице.

– Да где ты её взял? – спросила удивлённо Фрося, – крестьяне что– ли подарили для барина?

– Нет, я сам поймал эту щуку на удочку в реке, а вовсе не взял и не подарили.

– Как же тебе удалось вытащить из реки такую большую рыбку, – продолжала удивляться Фрося, разглядывая щуку, которая вдруг трепыхнулась на столе, показывая, что она ещё живая и, как в сказке про Емелю, её надо бы вернуть в реку.

На ахи и охи Фроси из дома вышел отец и, узнав историю щуки, похвалил Ваню за удачную рыбалку, приказав Фросе немедленно поджарить щуку к ужину, чем она и занялась. Даже мама Вани, которой к вечеру немного полегчало, вышла во двор и тоже выслушала рассказ сына об удачной рыбалке.

Гордясь своей добычей, Ваня слушал похвалу родителей и спустя немного времени, вся семья на веранде ужинала жареной щукой, умело приготовленной Фросей на летней печи во дворе.

Пуживав, отец закурил махорку на веранде, а Ваня, вспомнив об уроках, взял книгу про богатырей и начал читать её вслух сидя на крыльце, чем окончательно порадовал отца в этот день.

Солнце склонилось к западу и скрылось за деревьями, Фрося, закончив дела, ушла к себе в деревню, а Ваня, почитав книгу и выпив холодного молока с хлебом, пошёл в свою комнату спать: день оказался насыщенным яркими впечатлениями, и мальчик почувствовал усталость от всех событий этого дня.

На дворе было ещё светло, но в спальне оставался полумрак, поскольку ставни в этот день тоже не открывались, хотя жары, как накануне, не было. Ваня порылся в ящике тумбочки у своей кровати, нашёл там монету в две копейки и положил её на тумбочку, чтобы взять с собой завтра и купить друзьям пряников, как он и обещал.

Закончив все дела, он сбегал в туалет за сараем, минуя отца, который всё ещё сидел на веранде с потухшей сигаркой, пожелал отцу спокойной ночи, вернулся в спальню, разделся, лёг и сразу заснул, переполненный дивными событиями минувшего дня.

III

Лето для Вани прошло быстро и незаметно в ребячьих хлопотах и приключениях и в сентябре, как закончилась осенняя крестьянская страда, настало его время обучаться в школе. Пётр Фролович долго размышлял, где Ване учиться: здесь на селе или в городе в гимназии?

Как дворянин, Ваня имел право обучаться бесплатно в гимназии, но тогда пришлось бы отдать мальчика в пансион на проживание при гимназии, или завести лошадь и кучера и каждый день возить Ваню и город на занятия, что было весьма накладно для отставного офицера. Пётр Фролович, выйдя в отставку досрочно, по причине смерти отца, получал лишь половинную пенсию, поскольку до полной пенсии ему не хватило трёх лет службы. Впрочем, и этих средств было достаточно, но он желал скопить некоторые средства на поддержку сына Вани при его взрослении, учитывая свой, как он считал, уже большой возраст, который, однако, не мешал ему заниматься амурными делами с работницей Фросей, украдкой от жены и сына.

Итак, гимназию Пётр Фролович исключил для Вани и оставался выбор между церковно-приходской школой при сельском храме и земской школой, открытой три года назад,

стараниями старосты села и двух дворян: дальней родни Домовых, бывших в составе дворянского собрания уезда.

В церковно-приходской школе учительствовал и сам Пётр Фролович, ведя уроки арифметики по понедельникам, когда местный дьячок, учительствующий в школе, отдыхал после воскресных служб и возлияний, доплачивая за занятия Петру Фроловичу по пять рублей в месяц, кроме лета, когда уроки не проводились.

Земская школа находилась там же, в центре села, на соседней улице от церковно-приходской школы. Четыре года назад, зимой, в пору крестьянского безделья, староста завёз лесу и крестьяне-умельцы срубили дом под школу и жильё учителя, обустроили его печами, сенями и дворовыми постройками и следующей осенью, с разрешения уездных властей, земская школа открылась. Там было трёхгодичное обучение в подражание гимназическому обучению, но в упрощенном виде: для сельских учеников из крестьян, лавочников, кустарей и прочих разночинцев.

Учительствовал в земской школе молодой учитель, закончивший Оршанское городское училище на звание народного учителя и вот уже три года жил в селе при школе вместе с женой и маленьким сыном, родившемся в прошлом году.

Учитель и уборщица содержались за счёт казны, которая обеспечивала и школьные принадлежности нуждающимся ученикам, школа и квартира учителя содержались сельской общиной, что требовало небольших средств: дрова для зимы и кое-какой ремонт инвентаря и самого школьного дома.

В эту земскую школу Пётр Фролович и решил отдать своего Ванюшку для начального обучения, а потом, через три года, отдать его для продолжения учёбы в гимназию или в уездное училище, сдав там испытательные экзамены.

Можно, конечно, и оставить Ваню на домашнее обучение и через три года сдать в школу, но Пётр Фролович опасался, что сын в домашней обстановке не приучится к дисциплине и порядку и потом ему будет трудно без этих навыков жить и учиться вдали от дома.

В начале сентября, на Богородицу, Ваня впервые пошёл в школу. Фрося отгладила ему брюки и гимнастёрку, что купил отец в их поездку в город и намазала жиром полусапожки, так что они заблестели. Ваня сложил все книги в ранец и закинул его за спину. Отец загодя подтянул лямки у ранца, и он висел на спине у Вани как влитой. Сборы закончились, на крыльцо вышла мать, поцеловала сына в щёку, перекрестила, и Ваня с отцом направились в село, шагая прямо по дороге, на которой не было ни ездовых, ни пешеходов: село ещё заканчивало осеннюю страду и крестьянам не было дела ни до поездок, ни до школы – успеть бы управиться с уборкой на полях и огородах до осеннего ненастья.

Стояла тихая и солнечная погода, какая бывает ранней осенью, когда лето уже прошло, а осень ещё не проявилась в ненастье, ветрах и ночных холодах. Осина уже отливала медью листьев, а берёзы и дубы стояли ещё совсем зелёные, лишь зелень листьев немного поблекла за лето и побледнела перед грядущей желтизной и листопадом. Чуть заметный ветерок пронёс мимо серебристые нити паутинок, на которых маленькие паучки отправлялись от родных мест в путешествие на новые места обитания – туда, куда их прогонит этот ласковый и тёплый ветерок.

На видневшейся с дороги речной глади не было ни единой морщинки, и тихая заводь реки отливала зеркальным серебром под лучами солнца, которое тоже утратило нестерпимую яркость и светило тёплым и ровным светом, словно большая лампа на керосине, что купил отец в городе, и зажигал эту лампу поздним вечером, любясь её ярким светом и читая книгу без очков.

Отец и школьник миновали околицу села и пошли по пустой улице к школе: всего от дома до школы пути было с версту и эту версту теперь Ване нужно будет проходить утром и

к вечеру, каждый день, кроме воскресенья. Но в воскресенье приходилось ходить с отцом к обедне, так что будет получаться каждый день пройти этот путь дважды.

Возле крыльца школы уже толпились ученики, разделившиеся на три группы по годам обучения: кто-то шёл в третий и последний год обучения, кто-то на второй год, а новички стояли в сторонке. Из родителей было лишь несколько мужиков с начинающими. Почти все ученики были с холщовыми сумками на верёвке через плечо, точно сума нищих, каких однажды видел Ваня в городе, и лишь трое мальчиков были с ранцами, наподобие Вани – это были сын лавочника, сын священника и еще какой-то незнакомый мальчик.

Девочек среди школьников не было, хотя в церковно-приходской школе девочек была добрая половина. Сельчане считали, что ни к чему девочкам учиться в этой школе, пусть лучше домовничают: кто хочет грамоте – те поучатся у священника, а не у этого городского учителя безусого.

Но вот и сам учитель вышел на крыльцо и позвал детей в школу. Отец похлопал Ваню по плечу и легким толчком направил его к крыльцу школы, по которому поднимались ученики.

Ваня прошёл следом, через сени в коридор и из него в классную комнату, которая была единственной в школе. Ученики, как оказалось, учились все вместе, разделённое в три линии по годам обучения, потому и столы в классе были поставлены в три ряда. Учитель, который назвался Иваном Петровичем, показал новеньким сесть по правую руку от него, затем средний ряд заняли второгодники, а третьегодники расселись в левый ряд. Иван Петрович достал из жилетного кармана часы-луковицу на серебряной цепочке, посмотрел на циферблат, переждал немного и потом позвонил в колокольчик, стоявший на его учительском столе.

– Итак, дети, начинается наш первый урок в новом школьном году. Кто учился уже, они знают правила поведения в школе и распорядок уроков, а для новеньких я сообщаю, что сидеть надо смирно, слушать учителя, не разговаривать между собой и отвечать, если я скажу, – начал первый урок Иван Петрович и предложил:

– Первый урок будет чтение, но сначала я запишу вас всех в классный журнал, где буду теперь отмечать ваше прилежание и успехи в обучении. Начнём с первоодков, – и Иван Петрович начал записывать фамилии, имена и отчества новых учеников, что записались в школу. Ещё летом учитель прошёлся по селу, уговаривая сельчан записывать своих детей в школу, составил список согласных и теперь зачитывал этот список, отмечая не явившихся. Всего новеньких оказалось 11 человек из 16-ти записавшихся. Многие школяры не знали своего отчества. Так мальчик, севший сзади Вани, при перекличке сказал, что он Федя Кузнецов, а до отчества ему ещё рано: – Отец сказал, что когда вырасту, женюсь, буду жить отдельным двором и будут дети – вот тогда у меня и появится отчество.

– Пойми, Федя, отчество у нас, русских людей, появляется с рождения и даётся по имени отца, – пояснил учитель, – у тебя отца как зовут?

– Семён Иванович, – так кличет его моя мамка, – ответил Федя.

– Значит ты будешь Фёдор Семенович Кузнецов, и отчество даётся русскому человеку, чтобы было понятно какого он роду, племени и не попутать его с другим. Вот во второй линии учится мальчик, которого тоже зовут Федя и фамилия Кузнецов, но он по отчеству будет Иванович, так вы и будете различаться только отчеством, а нет отчества и не понятно, кто из вас кто. В селе нашем много сельчан с одинаковыми фамилиями и именами, а есть и полные тёзки с одними отчествами, и тогда люди придумывают им какие-нибудь прозвища, чтобы не путать.

– А кто такой тёзка? – спросил Федя Кузнецов учителя.

– Тёзкой называется человек, у которого одно имя или фамилия или всё вместе с другим человеком, часто совершенно чужим. Вот, например, есть здесь ученик Иван Петрович Домов и мы с ним тёзки по имени и отчеству, и лишь фамилии разные, – пояснил учитель и продолжил отмечать в журнале учеников, явившихся в первый день на учёбу в школу. Оказалось, что во

всех трёх линиях явилось две дюжины школяров, ещё 7 человек не пришли вовсе и это на всё село, где больше трёхсот дворов и почти в каждом были дети школьного возраста.

Закончив перекличку, учитель приступил к самому уроку.

– Мы с вами будем учить в школе чтение, русский язык, чистописание, арифметику и закон Божий. Всем этим предметам или дисциплинам, как они назывались при царе Николае Первом, буду обучать я, а закону Божьему будет вас учить отец Кирилл, священник в нашей церкви.

Приступим к чтению. Ученики второй и третьей линии возьмите буквари у меня на столе, а первогодки возьмите азбуки. Все эти учебники куплены на средства сельской общины, поэтому берегите их, не пачкайте чернилами и грязными руками. Если у кого руки грязные, то идите в коридор и вымойте руки – там в углу висят два рукомойника.

После уроков все учебники надо сдавать мне и их нельзя уносить домой. В прошлом году я разрешил носить учебники домой, чтобы можно было заниматься, но скоро все книжки стали грязными, а кое-что и порвали младшие дети у вас дома. С этого года мы всё будем учить только в школе. Кто сможет, попросите родителей купить детскую книжку для чтения, а если нет, то учитесь чтению по Евангелию, которое есть в каждом доме, заодно и обучитесь закону Божьему в помощь отцу Кириллу.

Старшие ученики взяли книги и начали тихо, но вслух, читать с того места, что указал учитель, а Иван Петрович занялся новенькими.

– Поднимите руки, кто умеет читать, – спросил учитель. Руки подняли лишь Ваня и его сосед по скамейке Савва Волков, который оказался сыном вновь назначенного в село урядника, следившего за порядком, и чтобы мужики не дрались по – пьяни и не шибко били своих жён и детей, что частенько случалось прежде.

Соседи, по крестьянскому обычаю, в семейные ссоры не вмешивались. В прошлом году, мужик в селе убил свою жену, упившись самогоном, и власти решили назначить в село урядника: для порядка на селе и в ближайших хуторах и жидовских местечках. Вообще-то пьянства на селе не было и лишь изредка, на престольные праздники, зимой, в пору вынужденного безделья, крестьянские мужики позволяли себе хмельного: браги или самогона, и с непривычки некоторые теряли разум, буянили, дрались, били жён, а прошлой зимой на рождество, один мужик спалил свой дом, упившись браги.

Учитель раздал всем новичкам по книге-азбуке, и начал урок:

– Книга-азбука учит чтению, и это чтение начинается с букв. Все буквы составляют алфавит, потому и книга эта называется азбука; по первым буквам русского алфавита: аз, буки, веи, глагол и дальше до буквы ять. Буква «аз» пишется как шалашик с перекладиной и читается звуком «а». Буквы складываются в слоги, слоги в слова и из слов получается человеческая речь, которая говорится вслух, а записывается буквами, чтобы и другие люди могли прочитать чужую речь, которую не слышали. В законе Божьем молитвы тоже записаны буквами и если человек забыл молитву, он может её прочитать в Божьей книге, – об этом просил меня сказать вам отец Кирилл, чтобы вы сразу поняли пользу грамоте. Назовите мне слова на букву «а».

– Амбар, – сказал Ваня. – Правильно, но ты уже умеешь читать, поэтому и угадал, а мне нужно научить других. Потом ты, Ваня, будешь мне помогать, а пока открой азбуку в конце и вместе с Саввой прочитайте там рассказ про лисицу, а потом повторите всему ряду вслух. Кто ещё изволит назвать слово на букву «а»?

– Атец, – сказал Федя, сидевший сзади. – Не правильно, – возразил учитель, – это слышится как «атец», а по правилам, это слово начинается с буквы «о», от слова «отче». Мы будем это учить потом на уроках русского языка и чистописания. А теперь возьмите свои тетради, что я вам раздал, каждый на тетради сверху в левом уголке нарисуйте какой-нибудь знак, что это твоя тетрадь и напишите по две строчки буквы «а», как она нарисована в букваре. Дети занялись написанием буквы «а», а учитель подошёл ко второй линии, потом к третьей, прове-

ряя чтение учеников. За лето почти все ученики забыли чтение и с трудом, по слогам, пытались прочитать короткие слова и фразы из букварей, а учитель помогал им вспомнить буквы и правильно читать.

Через час учитель позвонил в звонок и отпустил детей на перемену отдохнуть и оправиться: туалет был во дворе школы в дальнем углу двора, и ребята гурьбой побежали туда. Попить воды можно было из бачка, стоявшего в коридоре с кружкой, привязанной на цепочке, чтобы ненароком кто-то из учеников не унёс её домой: железная кружка была редкой вещью и весьма прельщала крестьянских детей.

На перемене школяры третьей линии стали играть в казаки-разбойники и бегать по всему двору, кто-то жевал краюшку хлеба, положенную матерью в холщовую сумку.

Так прошли ещё три урока и учитель сказал, что занятия на сегодня закончены, дети сдали ему на стол книги и тетради, оставив на партах только чернильницы, которыми сегодня пользовались лишь первогодки, пытаясь написать букву «а».

Эти чернильницы-непроливайки стояли на каждой парте в углублении, чтобы случайно её не смахнуть и не разбить школьную утварь, но видимо такое случалось, потому что и парты, и пол в классной комнате были покрыты большими чернильными пятнами, которые не могла отмыть тётя-уборщица, что вошла в класс и, не дожидаясь ухода всех учеников, стала мыть полы большой тряпкой, споласкивая её в оцинкованном ведре – тоже большой редкостью в домах сельчан.

Ученики разошлись, и учитель Иван Петрович прошёл на свою половину дома, где проживал семьёй. Убиралась у него по дому и готовила еду та же уборщица, но за отдельную плату, чему была весьма довольна, ибо её оплата за уборку в школе и у учителя была много больше, чем удавалось заработать крестьянам тяжким трудом на полях и во дворах по уходу за скотиной.

Надо сказать, что в тех местах рожь и пшеница родили слабо, зерна едва хватало на пропитание самих крестьян с семьями, и не всегда удавалось дотянуть до нового урожая, а основным подспорьем и товаром являлся скот: коровы, овцы и козы, которые давали молоко и забивались на мясо. Именно молочные продукты и мясо составляли крестьянский товар, а еще всякое рукоделие, которым занимались в крестьянских дворах зимней порой. Всё сделанное и добытое вывозилось крестьянами на воскресные базары и ярмарки в ближайшие города или отдавались заезжим перекупщикам, шнырявшим по сёлам и деревням с наступлением осенних морозов и до самой весны.

Вернувшись домой, Ваня рассказал отцу и матери о первом своём дне в школе, похвалившись, что он читает лучше, чем ученики с третьей линии, которые уже третий год учатся чтению. Петр Фролович недовольно нахмурился от похвалы сына и заметил ему, что хвалиться самому не след: надо, чтобы другие тебя похвалили, а читает он хорошо потому, что летом занимался, когда другие ученики, из крестьян, работали на полях и им было не до чтения.

– Если ты и далее будешь читать книги самостоятельно, а не по обязанности, то овладеешь чтением свободно и приучишься читать ежедневно, как это делаю я и мать по вечерам или в ненастный день. Из книг можно всему научиться самому и поиметь обширные знания, которые потом помогут тебе в жизни, – заметил ему отец.

– В школе же сосредоточься на овладении письмом, которому я тебя не учил, чтобы не сбить тебе руку неправильным обучением. Арифметике я тебя буду учить и дальше и не хуже вашего учителя. Хорошо писать ты должен научиться на уроках чистописания, а грамотно писать обучишься на уроках русского языка. Обучишься письму и мы с тобой будем заниматься немецким языком, что пригодится тебе в последующем учении в гимназии или училище, – закончил отец.

Тем временем Фрося собрала на веранде праздничный обед по случаю начала Ваниного учения в школе. К обеду вышла и мать – Пелагея Ивановна, почувствовавшая себя лучше в этот

погожий осенний день. Отец выпил рюмку-другую водки, мать откушала вишнёвой наливки, стопку которой приняла и Фрося, отчего покраснелась и похорошела так, что Пётр Фролович, выпив рюмку и взглянув на Фросю крикнул и вытер усы, подкрутив их вверх, как бывало на офицерских собраниях в пору службы воинской в артиллерийском полку.

Мать вскоре ушла, сославшись на усталость. Ваня пошёл в комнату и начал разбирать свой ранец. Поскольку учебники и книги негодились, он выложил их и положил взамен книгу, что читал дома, чтобы показать соседу Савве и учителю для одобрения. Закончив дела, он поспешил в уборную, ибо терпеть нужду дальше не было сил.

Возвращаясь из уборной, он услышал тихие стоны, доносившиеся из дровяного сарая, где на лето Фрося устроила себе постель. Ваня отыскал в доске сарая щёлку от выпавшего сучка и заглянул внутрь одним глазом. Фрося лежала навзничь на своей постели с обнажёнными ногами, а на ней был его отец, который мял Фросю и двигался, как будто хотел вдавить Фросю в старую перину, служившую ей постелью. Фрося издавала тихие стоны, но без страха и боли и с улыбкой на покрасневшем лице, едва видимом из-под головы отца. Вдруг она слабо вскрикнула и, обхватив отца руками, вскинула ноги вверх и дернувшись несколько раз затихла, как и отец, переставший двигаться. Они лежали немного молча, потом отец поцеловал Фросю прямо в губы и сполз на постели к стенке сарая, подтягивая портки.

Ваня уже знал достаточно от своих друзей о забавах взрослых и знал, как это называется плохим словом, которое нельзя произносить вслух при взрослых людях, но впервые видел так наяву близость между мужчиной и женщиной, от которой рождаются дети, и увиденное неприятно поразило мальчика. Но почему отец занимается этим с Фросей без разрешения матери, недоумевал Ваня, отходя от сарая и потихоньку пробираясь в дом, чтобы те, в сарае, не услышали его шагов, и отец не уличил его в подглядывании.

Впрочем, рассудил Ваня, мать болеет, это дело взрослых и не след ему вмешиваться к ним с вопросами. Вернувшись в комнату, он быстро переоделся в привычную рубаху, но одел еще и портки, потому что вечером становилось прохладно. Обул он и старые ботинки, которые еле-еле налезли ему на выросшие за лето ноги и так выбежал во двор, намереваясь сбежать в деревню к приятелям и рассказать им о школе. Федю и Егорку их отцы решили не отдавать в этот год в школу: может на следующий год, а может и никогда.

Во дворе Фрося, как ни в чём не бывало, хлопотала за ужин, а Пётр Фролович сидел на веранде, пил чай и читал старую газету. Как будто не он только что мял Фросю и кряхтел над ней, словно нёс что-то тяжёлое.

– Ты куда это Ванюшка собрался, – ласково спросил отец, отложив газету в сторону и прихлёбывая горячий чай.

– Сбегаю в деревню, рассказать ребятам о школе, – буркнул Ваня, поражаясь лукавству отца и Фроси.

– Это можно, – разрешил отец, – школой и учёбой можно похвалиться, греха и гордыни в этом нет.

Получив разрешение, Ваня побежал в село на ближнюю улицу, где проживали его друзья. Стадо коров и бычков возвращалось с выпаса: там еще оставалась зелёная травка и коровы с полным выменем сами расходились по дворам, протяжно мычали, завидев хозяйку, чтобы она быстрее подоила их, освободив от молока, накопившегося за целый день. Летом хозяйки выходили на выпас и днём выдаивали коров, а сейчас, осенью, коровы доились дважды: утром и вечером.

Ваня встретил друзей на улице. Они тоже возвращались с гумна, где помогали взрослым в обмолоте пшеницы. Дети приносили снопы пшеницы из овина, развязывали их, отрезали колосья и расстилали рядом на утрамбованной земле гумна, а взрослые цепями били по колосьям, освобождая их от зёрен. Потом пустые колосья убирались, зерно вместе с половой веничками сметалось к краю, ссыпалось в мешок и дальше дело повторялось. Веять зерно от половы

будут позже, когда появится нужный ветерок. И такая работа на гумне будет продолжаться до самой зимы. Всё это Ваня видел два дня назад, когда прибежал на гумно. Ваня рассказал им о первом дне учёбы, что друзья встретили вполне равнодушно.

– Мне отец сказал, что грамота мужику ни к чему, – по-взрослому ответил Федя. – Считать денежку мелкую мы уже умеем, псалтырь читает дьячок в церкви, а прочие книжки – это забава для барчуков, как ты.

– Вот и неправда твоя, – обиделся Ваня, нам учитель говорил, что неграмотный человек, как воин без оружия, его любой враг может побить или обмануть, а грамотный человек этого не позволит.

– Ладно вам ссориться, – примирительно сказал Егорка, – мне отец обещался на следующий год в церковно-приходскую школу отдать – там грамоте обучат и петь буду в церкви на воскресных службах. Завтра еще поколотим зерна, чтобы было что веять и молотить в жерновах. Отец сказал, что урожай ржи и пшеницы ноне хороший и должно хватить для оплаты аренды и нам на пропитание до новины в будущем году, а послезавтра мы с мамкой и сёстрами собираемся в лес по грибы – говорят рыжики и грузди появились, так надо их насобирать для засолки на зиму. Варёная картошка с груздями очень вкусна получается. Пойдём, Ваня, с нами.

– Не могу, мне теперь в школу надо каждый день ходить, – огорчился Ваня.

– Так ты не ходи, авось не заметят, что тебя нет, – посоветовал Егорка.

– Нет, Егорка, учитель может сказать отцу, когда он будет учительствовать в церковной школе по арифметике, школы же рядом, я не хочу огорчать отца, а обманывать и вовсе нехорошо.

– Ладно, в воскресенье, после обедни, все вместе сходим в лес, если дождя не будет, авось грибы ещё останутся и для нас, – успокоил товарищей Федя. На том и порешили. Друзья еще сбегали на речку, побросали камешки с берега в холодную уже воду и разошлись по домам – осенний день стал уже заметно короче и начало смеркаться.

В воскресенье друзьям удалось побродить по лесу в поисках грибов. Два дня назад ночью прошёл дождик, еще по-летнему тёплый и грибы народились, как на подбор: крепкие грузди приподнимали шляпками землю и по бугоркам этой земли можно было собрать в кузов всю семейку. Рыжики, с пятак размером, устилали хвою под соснами и ребята острой щепочкой, взятой из дома вместо ножа, подрезали ножку, торопясь побыстрее набрать полный кузовок.

Лес после дождя уже просох, светило осеннее солнце, в небе тянулись клинья птиц, улетающих на юг, что сулило скорое наступление холодов. Высоко – высоко пролетела стая лебедей, печальным курлыканьем извещая всех на земле, что они покидают родные края, чтобы переждать в чужих, но тёплых землях зимнюю стужу и вновь возвратиться сюда весной для продолжения жизни своей стаи. Ваня читал в книге, что эти перелётные птицы заводят гнёзда и выводят птенцов лишь здесь, на родине, а там, на чужбине только зимуют в ожидании прихода весны здесь.

В лесу было тихо, тепло и светло. Часть берез и осин уже скинули листву, оголился кустарник и лес стал чистым и прозрачным. В чистом и прозрачном воздухе осени виделись далеко окрест поля, оголившиеся после жатвы, прозрачные берёзовые рощицы, а за ними, если смотреть с пригорков на опушке, виднелась ближняя деревенька и рядом с ней, но поодаль, местечко, где проживали инородцы с чёрными бородами и висячими косичками у мужчин, завидев которых мужики плевались и чертыхались. Но сейчас никого из людей ни поблизости, ни вдаль не виделось и мальчикам казалось, что они одни в лесу на всем белом свете.

Вдруг в селе зазвенел переливами церковный колокол, зовущий людей к воскресной вечерне, и мальчики с полными кузовами грибов заспешили домой, чтобы засветло обрадовать домашних удачным лесным сбором.

Ваня хотел было отдать свой кузов с грибами Феде, но тот отказался: мол, отнеси домой и ваша Фрося засолит грибы в бочонке из-под масла.

На развилке дорог друзья разошлись, а на следующий день начались дожди холодные и с ветрами, и погожих дней больше не было до самых холодов и снега.

IV

В дожди и непогоду Ваня ходил лишь в школу, укрывшись от дождя куском парусины, чтобы не промокнуть насквозь. В школе уроки шли своим чередом. Младшие учили буквы, складывали их в слога и на уроках слышалось постоянное тихое бормотание малышей, старательно учившихся грамоте.

Ваня грамотой владел и потому учитель частенько поручал ему учить сверстников чтению, что Ваня делал охотно и прилежно. Взамен ему разрешалось читать не азбуку и букварь, а книгу, принесённую из дома. Этих книг для детей в усадьбе было достаточно – они остались от учёбы старших детей Петра Фроловича и весьма кстатигодились теперь его младшему сыну. Иногда Ваня читал младшим ученикам небольшой рассказ или русскую сказку, чтобы они понимали, как это хорошо уметь читать.

Сложнее было с уроками чистописания. Отец не стал учить Ваню письму, чтобы не испортить ему почерк неумелой учёбой и потому Ваня занимался письмом вместе с остальными, старательно выводя в тетради сначала палочки и нолики, потом буковки отдельно и соединяя их между собой в слоги, вырабатывая почерк письма.

Буквы почему-то выходили у него ровные, но с наклоном влево, а учитель учил писать с наклоном вправо. Как Ваня не старался, но наклон букв вправо у него не получался, даже если он и поворачивал тетрадь на столе влево – буквы все равно тоже наклонялись влево. Так у Вани на всю жизнь и закрепилось письмо: буквы ровные, будто чеканные, но с наклоном влево.

На переменах ребята грудились в коридоре, поскольку, во двор на постоянный осенний дождь выбегали лишь по нужде в уборную, что находилась в дальнем углу двора: пробежать туда надо было быстро, но и не поскользнуться на мокрых досках настеленных прямо на землю, чтобы не носить грязь в школу.

Утром, придя в школу, ученики мыли свою обувь в большом ушате с водой, стоявшем у крыльца. Многие ученики, даже в дождь, ходили в школу в лаптях, и потому лишь вытирали лапти пучками старой травы во дворе, а на крыльце снимали лапти, отжимали промокшие онучи, вновь наматывали их на ноги, одевали лапти и так и сидели с мокрыми ногами все уроки, благо, что в школе было тепло и сухо.

Старшие ученики на перемене жевали хлеб, принесённый из дома, или играли в битую – это когда считалкой избирался водила, он становился спиной к ребятам и выставлял левую ладонь под правую мышку, а остальные становились позади в кружок и кто-то из них бил своей ладонью по этой ладони водилы, который после удара, порой весьма чувствительного, быстро поворачивался и должен был угадать, кто его ударил. Если угадывал, то тот становился водилой, а если нет, то игра продолжалась до угадывания.

Первогодки из крестьян, числом семь, обычно толпились в углу коридора, сосали ржаные сухари или жевали сушёную морковь-парёнки, запечённую в русской печи и подсушенную до состояния сухаря. Если эту паренку долго сосать, слегка пожёвывая, то она размягчалась слой за слоем до состояния сладкой слизи, отсюда и пошло выражение бедности: мол он ничего в детстве слаще морковки не ел. Ваня тоже пробовал эту морковку и ему нравился её сладковатый вкус.

Сыновья лавочника и урядника сдружились и держались отдельно от крестьянских детей, показывая свою значимость. Частенько, в сильный дождь, их привозили в школу на конской коляске то один, то другой родитель, поскольку жили они неподалёку друг от друга в самом центре села.

Ваня тоже держался особняком, но не потому, что считал зазорным общаться с крестьянскими детьми, а потому, что увлёкся чтением книг и теперь всякую свободную минуту он

доставал из ранца книгу из домашних запасов и читал всё подряд, что попадало под руку: сказки, приключения, путешествия, а иногда и книгу из жизни взрослых – если брал наугад.

Возвращаясь домой он продолжал чтение, поскольку в непогоду на улицу не высунешься, а так хорошо устроиться у тёплой печки, слушать треск горящих поленьев и, положив книгу на край стола, под свет масляной лампы, читать о приключениях белого человека в Америке среди диких и кровожадных индейцев, готовых чуть что, содрать скальп со смелого белого человека, стоит ему немного зазеваться.

Итак, в школе Ваня учился лишь чистописанию и русскому языку, чтением увлекался самостоятельно, а арифметике его продолжал учить отец, давая домашние уроки. Пётр Фролович и в этом году продолжил учительствовать арифметике в церковно-приходской школе – нужны были деньги на лечение жены Пелагеи, которая с наступлением осенних сырых и холодных дней расхворалась ещё сильнее. Часто, приходя из школы, Ваня заставал дома доктора, который приезжал из города по вызову отца, слушал мать, покачивая головой, выписывая ей какие-то снадобья и уезжал, чтобы через несколько дней появиться вновь.

Фрося устроила себе лежанку на кухне и часто оставалась в усадьбе, чтобы под дождём не месить грязь из деревни и обратно.

По утрам Фрося или отец будили Ваню, он неохотно просыпался, вставал, бежал в уборную под дождем, который, казалось, никогда не закончится, завтракал, что готовила Фрося, и бежал в школу так быстро, насколько позволяла дорожная грязь. Отучившись, он также быстро возвращался домой, обедал вместе с отцом и уходил в свою комнату читать очередную книжку из имевшихся в доме. Потом ужин, обязательно с отцом, а иногда и с матерью, если она чувствовала себя лучше, и снова чтение книги, пока не приходил отец и не гасил лампу.

Зима наступила неожиданно, но, как и положено, на Покров. Ещё вчера шёл мелкий холодный дождик, а проснувшись утром, Ваня увидел в окно снег, тонким слоем покрывший и поля, и дороги, и всю усадьбу. Пушистые хлопья снега лежали на ветвях деревьев давно сбросивших листву – видимо снег шёл ночью при полном безветрии и потому спокойно лежал полосками на тонких веточках берёз и осин и лишь на зелёных лапниках двух елей, росших во дворе, снег лежал сплошным слоем. За ночь подморозило, и лужи во дворе покрылись тонкой корочкой прозрачного льда, словно стеклом закрывая лужу от выпавшего позднее снега.

Ваня быстро собрался в школу и, выйдя со двора, весело заспешил по подмёрзлой грязи, похрустывая сапогами по льдинкам на дорожных лужах. Во дворе школы ученики играли в первые снежки, тремя группами по линиям – как сидят в классе. Снега было ещё мало и его сгребали с пожухлой травы, с крыльца и тротуара: во дворе и за воротами школы.

Школяры сжимали озябшими пальцами рыхлые комочки в твёрдые снежки, чтобы потом, прицелившись, запустить этот снежок в толпу противников, стараясь попасть в лицо, чтобы было больнее и обиднее. Больше всего доставалось младшим, которые не успевали увернуться от увесистого снежка старшей линии, но никто не подавал вида, что ему больно. Ваня присоединился к своим, проворно бросил снежок в самых рослых и крепких мальчиков, и даже попал одному в глаз, который тотчас стал наливаться синевой.

Ребята так увлеклись этой забавой, что забыли об уроках, пока учитель Иван Петрович не вышел на крыльцо и не позвал всех в класс. Ватага школяров ринулась в школу, сталкивая друг друга с крыльца. Потом, в перемены, игра продолжилась и из школы Ваня вернулся очень довольный.

Следующими днями ещё подвалило снега, земля подмёрзла, крестьяне укатали санями на лошадях окрестные дороги и сельские улицы и вскоре вереницы лошадей в санях потянулись в ближний лес, принадлежавший сельской общине, на заготовку дров для следующей зимы. Кто-то заготавливал и бревна для дворовых построек или новой избы, если староста давал порубочный билет по решению сельского схода.

Лес и дрова крестьяне заготавливали только зимой, а летом на эти работы не было времени, да и в лес на телеге не въехать. Теперь, шагая в школу, Ваня часть встречал вереницы саней, тянущихся в лес, а возвращаясь из школы, эти обозы попадались ему снова навстречу. Иногда он видел в санях и своих приятелей Федю и Егорку, которые вместе с взрослыми участвовали в заготовках леса. И он видел, что ребята с завистью глядят ему в след.

Крестьяне, убедившись, что зима наступила окончательно и оттепели больше не ожидается, начали забой скота, птицы и свиней, подросших с весны. Летом скот и птицу не били: кормов было довольно, а хранить мясо забитой скотины долго не удавалось. Конечно, в каждом почти дворе был ледниковый погреб, куда с зимы набивали снег, поливали его водой и к весне образовывался ледник, в котором и хранились зимние запасы мяса, если они у кого и были. К середине лета лёд в погребах подтаивал, да и хранить там было уже нечего, кроме молока и масла.

А вот с наступлением зимы и начинался забой, чтобы не тратить корма зимой на лишнюю скотину и птицу: кормить только тех, что весной принесут приплод на летний вырост.

Почти каждую субботу на селе слышалось жалобное мычание бычков, блеяние овечек и визг свиней – это пришла их очередь лечь под нож забойщиков, которых приглашали крестьяне, чтобы самим не убивать свою скотину: птицу можно, а скот нельзя – считалось грехом ещё с древних времён. Среди сельчан было несколько умельцев, забивавших скот быстро и легко.

Встретившийся на улице приятель Федя пригласил Ваню посмотреть завтра, как у них будут забивать поросю. На следующий день Ваня с утра побежал посмотреть на жутковатое зрелище забоя свиньи. Во дворе у Феди уже был забойщик – здоровенный мужик с рыжей бородой и большим прямым ножом величиной с половину отцовской сабли, что висела в комнате Петра Фроловича над диваном.

Отец Феди вывел из сарайки здорового борова, в которого превратился маленький поросёнок, купленный весной у соседей, владевших свиноматкой. Боров добродушно похрюкивал от сытости и накопленного жира. Забойщик подошёл к борову, дал ему ломоть хлеба и когда тот с чавканьем съел хлеб, начал чесать ему за ухом. Боров, от удовольствия похрюкивая, повалился на бок, прямо на снег и забойщик начал чесать борову брюхо. Боров, прикрыв глаза, повернулся на спину брюхом вверх, чтобы человеку было удобно его чесать и доставлять удовольствие.

Почёсывая брюхо свиньи, рыжий мужик достал из-за голенища сапога свой большой нож и, примерившись, всадил его по самую рукоятку под левую лопатку свиньи. Боров лишь жалобно взвизгнул и замолчал: удар был точен и нож прошёл через сердце. Струя крови брызнула из – под ножа прямо в лицо забойщика и на его сапоги, отчего тот выругался и провернул нож в сердце свиньи. Дёрнувшийся несколько раз боров затих, мать Феди вынесла ушат и подставила его под бок, собирая кровь, которая вытекала из смертельной раны, откуда забойщик уже вытащил свой нож.

Тут же во дворе разожгли костёр из соломы и начали палить шерсть на туше свиньи. Скручивая соломенные жгуты и поджигая их, отец Феди и забойщик выжигали остатки шерсти, а мать Феди скоблила ножом подрумяненную кожу, протирая тушу влажной тряпичей и вскоре, на соломе лежала чистая и без единого волоска туша свиньи, которая так неосторожно поддалась на фальшивую человеческую ласку и из живой и добродушной свиньи превратилась в тушу из костей и сала. Мужики принялись за разделку туши, но Ваня смотреть на это уже не захотел и решил больше никогда не ходить и не смотреть, как люди убивают животных, чтобы обеспечить себя мясом.

После этого зрелища, заслышав визг свиньи или мычание бычка, Ваня воочию представлял себе виденную им картину убийства свиньи, жалел бедных животных и корил себя, что пошел смотреть тогда забой свиньи из любопытства увидеть смерть.

Однажды, после воскресной обедни, Ваня отстал от отца и встретил своих друзей возле церкви. Они нехотя поздоровались с барчуком, но у Вани был план и он поделился им с бывшими приятелями по летним детским играм и купаниям в реке.

– Давайте я буду по воскресеньям учить вас чтению, – предложил Ваня.

– Я помогаю в школе учителю и уже умею немного учить, вот и вам помогу, а научитесь чтению, потом легко будет научиться письму – ведь можно писать и печатными буквами, как в книгах: главное научиться читать.

Ребята оживились:

– А что, поучиться можно вместо того, чтобы бить поклоны в церкви, – рассудительно сказал Федя, – но где учиться будем: у нас в избах народу много и дети шумят, у тебя в усадьбе нам неудобно и далеко, а больше зимой негде.

– Я спрошу у учителя Ивана Петровича и он разрешит нам заниматься в классе. Мне так кажется, потому что он говорит, что учиться нужно всегда и везде, и плохо, что сельчане не отдают своих детей в школу.

На неделе, Ваня сказал учителю о своем желании научить друзей чтению. Иван Петрович одобрил это намерение и разрешил в воскресенье: с утра и до обедни в соседнем храме, заниматься учёбой в школе, в классе, который не имел запоров, кроме щеколды на входной двери, но с условием не сорить и не шалить.

Уже в следующее воскресенье друзья Вани пришли утром в школу и стали учиться чтению под его наставничеством. Так Ваня, сам не зная, выбрал себе профессию на всю жизнь. Ребята оказались сообразительными к обучению, Ваня терпеливым и заботливым учителем и уже к рождеству Федя и Егорка медленно и по слогам читали свои первые строчки в азбуке, которую Ваня приносил из дома.

Рождество Ваня встретил дома с отцом и матерью, которая с трудом, но вышла в гостевую комнату к праздничному столу, накрытому Фросей.

В полночь, когда пробили часы на стене гостиной, мать поцеловала Ваню в лоб, поцеловала Петра Фроловича троекратно в щеки, отчего раскашлялась, вытирая губы платком, на котором проступила кровь и ушла в свою комнату, сославшись на недомогание. Отец подарил Ване складной ножичек с двумя лезвиями, о котором тот давно мечтал еще с летней поездки с отцом в город, где в магазине и увидел этот ножичек.

Фрося была на кухне, когда Пётр Фролович зашёл туда и на глазах у Вани, по обычаю, поздравил Фросю с рождеством и тоже трижды расцеловал её, но прямо в губы, отчего Ваня смутился и отвернулся, вспомнив о столах Фроси под отцом, чему он был невольным свидетелем.

Зима незаметно продвигалась к весне, учёба Вани шла успешно, а его друзья уже довольно бойко складывали слоги в простые слова, читая букварь и по всему было видно, что к весне Федя и Егорка смогут читать из букваря короткие рассказы.

Мать Вани после рождества уже не выходила из своей комнаты, доктор стал приезжать по два раза на неделю, а в середине февраля приехал с помощником и остался ночевать в гостевой комнате.

Утром, это был воскресный день перед масленицей, доктор вышел из материнской комнаты и сказал, что Пелагея Ивановна скончалась от чахотки.

Отец взял Ваню за руку и повёл в комнату к матери. Ваня не был там уже много месяцев: как только мама узнала о своей болезни, она не разрешала сыну входить к ней, чтобы ненароком и он не заболел её болезнью – потому и она редко выходила из своей комнаты, и Ваня отвык уже от материнской ласки и заботы.

В комнате сильно пахло лекарствами, флакончики которых стояли на прикроватном столике. На кровати лежала незнакомая Ване женщина немного похожая на мать, но с совершенно

белым лицом и закрытыми глазами. Отец крепко сжал Ванину руку, трижды перекрестился, подошёл с этой женщине и поцеловал её в лоб.

Ваня тоже хотел перекреститься, но его правую руку сжимал отец, а левой рукой креститься нельзя-так учил попик в школе на уроках закона Божьего. Тогда Ваня хотел заплакать, но слёз не было, а он всё смотрел и смотрел, не мигая, на безжизненное тело женщины, которая была его матерью и не мог поверить, что это его мать. Они с отцом постояли ещё несколько минут молча, потом отец вывел Ваню и проводил его в комнату, сказав, чтобы Ваня сегодня никуда не отлучался и сидел дома, пока он, Пётр Фролович, будет заниматься необходимыми делами для похорон Пелагеи Ивановны – так отец назвал мать Вани в это плохое февральское утро.

Весь день Ваня просидел дома в своей комнате, выбегая лишь в уборную, даже обеды ему Фрося приносила в комнату, поскольку в дом приходили посторонние люди: урядник, составивший бумагу о смерти матери и дьяк.

Потом мужики из деревни привезли на санях гроб, который поставили торчком в сенях, так что Ваня, выбегая в уборную со страхом смотрел на этот ящик, в который должны положить его мать, потом отвезти её к церкви на кладбище и там закопать её в землю – всё это Ваня видел летом, когда хоронили мужика, которого копытом убила лошадь.

Стемнело. Отец о чем-то говорил на кухне с Фросей, а Ваня пробовал читать книгу, с опаской прислушиваясь не ходит ли кто по комнате матери. Федя как-то говорил ему, что покойники могут ночью ходить по дому, пока их ещё не похоронили – вот и мать может зайти к нему и увести за собой на тот свет. Так он и заснул измученный ожиданием появления матери, но лампу на ночь не погасил и даже Фрося, когда зашла посмотреть спит ли мальчик, не стала гасить лампу, чтобы Ваня не испугался, если случайно проснётся ночью.

Утром, в понедельник, Ваня проснулся поздно, поскольку никто и не подумал будить его. Как всегда, Ваня сунул ноги в чуни и побежал в уборную. Выйдя в гостиную, он увидел на обеденном столе гроб, в котором лежала его мама. Ваня бочком проскользнул мимо, перекрестился и, сбежав в уборную, заскочил в кухню, не желая проходить снова мимо ящика с телом матери.

Фрося поняла его испуг и провела через кухню в комнату отца, который сидел за столом и что-то писал на листе бумаги. Он потрепал Ваню по волосам и Фрося проводила Ваню через боковую дверь в его комнату. Одевшись, Ваня тем же путём, не встречаясь с матерью, прошёл на кухню, поел и снова вернулся к себе, так как отец сказал ему, что сегодня не след идти в школу.

На следующий день шёл снег и были похороны матери. Пришла Лида со своим мужем, приехали на санях два мужика, нанятые отцом, все прошли в гостиную, немного постояли вокруг стола с гробом матери, потом мужики внесли из сеней крышку гроба, закрыли его, вынесли во двор, положили на сани и лошадь медленно потащила сани со двора на дорогу и дальше в деревню к церкви, где должно было состояться отпевание умершей.

Отец, Ваня и сестра Лида с мужем шли вслед за санями, все с непокрытой головой, а снег белыми хлопьями медленно падал с высоты, покрывая крышку гроба белой пеленой, как саваном, в котором лежала мать Вани.

У церкви толпились несколько баб и мужиков, слышавших о смерти барыни и пришедшие поглазеть. Мужики взяли гроб с саней и понесли в церковь, где уже ждал поп, облачённый в куколь – отпевать предстояло не простую крестьянку, а дворянку рода Домовых, которым в незапамятные времена принадлежали здешние земли, деревня и сами крестьяне.

В церкви были зажжены лампы и свечи, мужики поставили гроб на лавку и сняли крышку. Белое лицо умершей осветилось жёлтым светом горящих свечей и лампад, и Ване показалось, что веки матери шевельнулись, словно она пыталась открыть глаза и взглянуть в последний раз на этот мир, который покидала навсегда.

Поп начал службу, бормоча молитвы, которые собравшиеся повторяли в разноречивой, отчего пламя горящих в их руках свечей и свечи на груди матери колыхалось и тени пробегали по лицу покойной, оживляя неподвижность её черт. Пётр Фролович стоял неподвижно, лишь капли подтаявшего снега стекали по его бороде, иногда попадая на свечу в его руке, отчего раздавался треск, пламя дёргалось и угасало, чтобы в следующий миг вспыхнуть вновь белым светом.

Поп закончил отпевание, все, кто хотел, подошли к покойнице и поцеловали её, кто в лоб, кто в руки, а Ваня прижался губами к холодной щеке матери, как и она на рождество прижималась губами к его щеке.

Мужики вынесли гроб на руках из церкви, и понесли его за церковь, на погост, где загодя была вырыта в промёрзлой земле глубокая могила, обложенная по краям еловым лапником.

Гроб поставили на землю, лицо матери закрыли саваном, отец взял горсть земли и положил её матери на грудь, потом это сделали и все остальные. Ваня тоже взял горсточку земли, подошёл к гробу, положил землю на краешек у ног матери, чтобы ей не было тяжело и вдруг расплакался навзрыд, всхлипывая и утираясь запачканными землёй ладонями, отчего лицо покрылось потеками слез, смешанных с землёй. Отец прижал голову сына к своей груди и Ваня продолжал судорожно рыдать, дёргаясь под рукой отца.

Мужики закрыли гроб крышкой, забили несколько гвоздей и на полотенцах спустили заколоченный гроб в могилу, сбросив туда и концы полотенца крест – накрест.

Провожающие снова бросили по горсти земли уже на крышку гроба и мёрзлая земля глухо билась о доски, а нанятые мужики, взяв лопаты, принялись закапывать могилу и устанавливать крест, пока поп, помахивая кадилом, читал прощальную молитву. Но Ваня ничего этого уже не видел, продолжая плакать, прижавшись лицом к отцовской груди.

Назад в усадьбу все возвратились на санях, под звон бубенцов, подвешенных к лошадиным дугам. Ваня, наконец, успокоился и украдкой, из-под полы отцовской шубёнки, смотрел на пронесившиеся мимо деревья, покрытые свежим снегом.

У дома их встретила Фрося, которая не пошла на похороны барыни, чтобы готовить поминальную трапезу. Себе в помощь она пригласила ещё двух баб, так что к возвращению с похорон стол в гостиной был уже накрыт и заставлен блюдами и графинами.

Ваня, увидев еду на столе, где ещё утром лежала его мама, расстроился и снова заплакал. Фрося дала ему каплю успокоительных, которые взяла в комнате Ваниной матери, отвела в комнату, уложила на кровать и Ваня скоро забылся беспокойным сном, не увидев всех поминок.

Мужики поминали барыню за столом на кухне, а в гостиной расположились отец, сестра Лида с мужем, пришёл поп, с которым Пётр Фролович учительствовал в церковно-приходской школе, вместе с попом пришёл и дьячок, потом зашёл урядник засвидетельствовать свои соболезнования, потом заглянул зажиточный крестьянин, что возил иногда Петра Фроловича в город. Заходили и ближние мужики, которых Фрося принимала на кухне, и выпив чарку-другую водки, уходили, кланяясь через дверь Петру Фроловичу.

Ваня проснулся, когда начало темнеть. Посетители как раз стали расходиться. Пройдя на кухню, Ваня захотел кушать и Фрося проворно собрала ему поесть на краю кухонного стола.

Мужики тотчас встали и раскланявшись пошли прочь, изображая сочувствие, но выйдя за ворота усадьбы запели песню, подхватив её отголосок из деревни, где праздновали масленицу.

Поп, подхватив пьяненького дьячка под руку, погладил Ваню по голове, сказал, что мама его непременно будет скоро в раю, поскольку была женщиной праведной и церковная пара удалилась в деревню, из которой продолжали доноситься песни, далеко слышные в тихий и морозный вечер.

Пётр Фролович продолжил одиноко сидеть за столом, иногда выпивая рюмку водки, но не хмелея, по причине горестного состояния.

Конечно, жена его долго болела и он пользовался по мужской надобности услугами Фроси, но, как– никак, а с благоверной он прожил почти тридцать лет, нажил четверых детей и никогда не слышал от жены злобных или истеричных слов, которые позволяют себе иные жёны, особенно в пору увядания их женственности. Любви и страсти особой не было между ними, поскольку брак этот устроил его отец Фрол Григорьевич, но брак пришёлся впору, их семейный очаг всегда горел ровно, согревая теплом и его, в нелёгкой офицерской жизни, и их детей, подросших и вышедших в люди. Только Ванечка теперь остался сиротой и ему, отцу, нелегко будет дорастить Ваню до взросления.

Подошла Фрося и попыталась обнять Петра Фроловича, но тот отстранился: не гоже в день похорон прелюбодействовать – надо погодить пока пройдут положенные сроки. Фрося, как сметливая женщина, поняла и не обидевшись, ушла на кухню прибирать со стола, а Петр Фролович ещё немного посидел и почувствовав усталость, прошёл почивать в свою комнату. Проходя через комнату Вани, который уже крепко спал, погладил осторожно осиротевшего сына по голове, отчего тот перевернулся набок и сказал во сне отчетливо: «мама».

V

На следующий день Фрося подняла Ваню спозаранку в школу.

– Иди, иди Ванечка в школу, нечего дома сиднем сидеть, мать уже не вернёшь, а тебе учиться надобно, – ласково приговаривала она поглаживая Ваню по голове, как иногда делала его мать, некстати вспомнил Ваня, но встал, покушал, собрал ранец, сунув туда горсть конфет оставшихся от поминок, когда гости пили чай.

В школе день прошёл как обычно, лишь учитель Иван Петрович выразил Ване своё сочувствие и уверенность, что Ваня выучится на хорошего человека. Конфеты он раздал ребятам со своей линии, а оставшиеся отдал старшим, сказав, что это от поминок по его матери и пусть они тоже помянут её, пока душа ещё здесь на земле, а не вознеслась на небеса.

Незаметно прошла неделя с похорон и вновь в усадьбе собрались гости на девять дней поминовения усопшей рабы божьей Пелагеи Ивановны. По этому поводу Пётр Фролович заказал в церкви службу, после которой, вместе с попом и неразлучным с ним дьячком пришли на поминки, где Фрося уже накрыла стол. Больше никто не пришёл, только сестра Лида заглянула на минутку вместе с полугодовалым сыном, которого привезла на детских санках, благо день выдался солнечным и почти тёплым.

Ваня в этот раз сел за стол вместе со взрослыми, пил чай с плюшками и слушал рассказы попа о блужданиях души его матери. Оказалось, что на девять дней душа впервые возносится к небесам, а до этого странствует по земле. Потом, на сорок дней, душа его матери в последний раз вернётся на землю, поглядит на родных и близких и уже навсегда вознесётся на небо в уготованную ей обитель.

– Твоя мать была благочинная женщина, в церковь ходила часто, а не только к воскресной службе, жила без греха и обязательно попадёт на небеса, – назидательно говорил Ване попик, осушив очередную стопку вишневой наливки, до которой оказался гораздо охоч. Дьячок, напротив, жаловал водочку и выпив уже несколько рюмок под селёдочку, стал пытаться прочесть молитву на девять дней за упокой души рабы божьей Пелагеи, но путался в словах, пока поп, сердито, не осадил его.

Несколько мужиков, тоже охочих до выпивки, зашли поклониться барину на девятины усопшей, за что были угощены Фросей на кухне, а сама Фрося в этот раз сидела за хозяйским столом вместе с гостями – так распорядился Пётр Фролович.

На сороковины матери всё повторилось, лишь солнце светило ярче и грело сильнее, по дорогам бежали ручьи. Ваня посидев для порядка вместе с взрослыми за столом, после службы в церкви, где он присутствовал вместе с отцом, по его настоянию пропустив школу, быстро

ушёл на дорогу, прихватив со двора дощечку в которую он вставил палочку, на нее одел бересту вроде паруса – получился кораблик.

Этот кораблик Ваня отправил в плавание по ручью, а сам следовал вдоль, пока ручей не свернул с дороги к речке, принял в себя еще несколько ручьев и уже бурным потоком влился в реку, так что Ваня еле успел подхватить свой кораблик, но замочил ноги и пришлось возвращаться домой из этого плаванья.

Дома его ожидала книга про Робинзона Крузо, который с разбившегося корабля попал на необитаемый остров и стал жить там. Эту книгу и дочитывал Ваня, когда гости с поминок начали расходиться. Потом Ваня услышал из отцовской комнаты уже знакомое ему постановление Фроси, это Пётр Фролович, вняв уверениям попа, что душа жены Пелагеи уже окончательно покинула грешную землю и выпив изрядно вишнёвой наливки, решил разговеться жарким телом Фроси, хотя и шёл великий пост. Но книга была интереснее этих стонов, и Ваня больше уже не придавал значения отношениям отца с кухаркой.

Весна после пасхи пришла окончательно, с юга на север потянулись стаи птиц, вдоль опушек и по обочинам дорог расцвели подснежники, кое-где на пригорках на солнце пробивалась молодая зелень травы. Школьники с нетерпением ожидали окончания занятий, чтобы предаться летним каникулам, кому это возможно, а крестьянским детям присоединиться к старшим в работах на полях и огородах, ведь, как известно, у крестьян весенний день – год кормит.

Ваня в эту весну жил одиноко и скучно. Приятели из деревни работали наравне со взрослыми и им было не до игр, даже занятия грамоте прекратились, хотя Федя и Егорка обещались читать дома книги, что им дал Ваня, приговаривая, что лишь постоянное повторение научит их хорошему чтению. Он дал каждому по две книги детских с большими буквами, чтобы друзья от чтения по слогам, что обучились за зиму, перешли к свободному и плавному чтению без запинок и повторов. Сам Ваня читала книги ежедневно после уроков и перед сном и прочитал уже почти все детские книжки, что оставались в доме от его старших братьев и сестры, и подбирался к отцовской библиотеке: отец листать свои книги ещё не позволял, но по своему выбору иногда предлагал Ване прочитать ту или иную книгу и потом просил коротко рассказать её содержание – так он учил сына грамотно и кратко излагать свои мысли и представления вслух.

Учёба и книги конечно хорошо, но мальчишеская натура требовала движения и новых ощущений, и Ваня придумал для себя занятие – собирать коллекцию яиц лесных и прочих птиц, что вернулись с южных стран, жили, вили гнезда и готовились выводить птенцов.

Частенько, прибегая со школы, Ваня наспех обедал, что приготовила Фрося, которая окончательно переселилась на жительство в усадьбу, но жила на кухне, хотя комната матери была свободна, и, переодевшись попроще, выбегал в ближайший лес на поиски птичьих гнёзд. Отыскать гнездо, тщательно замаскированное птицами, было нелегко и требовало большого терпения и сноровки. Иногда Ваня затаивался под деревом или кустом, птицы переставали его пугаться и снова занимались своими птичьими делами, направляясь к гнездам. Ваня молча следил за ними и когда птица затаивалась – значит там и было её гнездо.

Он выходил из укрытия, осторожно шёл к той птице, она вспархивала прямо перед ним и он частенько находил её гнездо с яйцами, которые были разными по размеру и по цвету у каждой породы птиц. Обнаружив гнездо, Ваня брал из него одно или чаще два яйца не трогая остальных и не трогая гнезда и уходил, а птица возвращалась и не замечая убыли яиц оставалась в своём гнезде, насиживая оставшиеся яйца и даже пополняя их количество – каждая птица, как и человек, должна заводить столько потомства, сколько может прокормить и вырастить. Правда большинство крестьян имели много детей в своих семьях, которых не всегда могли прокормить, чего птицы никогда не делали.

Однажды, Ваня увидел большое гнездо на вершине сосны одиноко стоявшей на опушке леса. Из гнезда взлетела большая коричневая птица -коршун, и тяжело махая крыльями уле-

тела в поля, где охотилась на мышей полёвок. Ваня бесстрашно влез по этой сосне на самую вершину и обнаружил в гнезде лишь два больших, как куриные, яйца коричневого цвета с тёмными пятнышками. Он взял одно яйцо и быстро спустился, пока коршун не вернулся с охоты. Дома Ваня рассказал отцу о своей удаче и показал яйцо. Отец укорил Ваню за опасное лазание по деревьям и сказал, что коршуны несут лишь два яйца, потому что не смогут выкормить больше двух птенцов, чаще лишь одного, а вот воробьи под стрехой их дома выводят и пять и восемь птенцов и всех выкармливают, да еще летом ухитряются вырастить второй выводок, потому что воробьи живут возле людей и им легче прокормиться здесь, чем коршуну в лесах.

К удивлению Вани, отец больше не ругал его за путешествия в лес и иногда с интересом рассматривал добытые Ваней яйца разных птиц, которые Ваня разложил в берестяные корбоочки, устланные мягким мхом, чтобы случайно не разбились.

Собирая свою коллекцию птичьих яиц, Ваня стал настоящим следопытом. Проходя по лугу или лесу, он замечал вспорхнувшую птицу, подходил к тому месту и осторожно кругами по спирали начинал поиск гнезда, внимательно прислушиваясь к испуганным крикам птицы, кружащейся неподалёку. По этим крикам он и определял, что приближается к гнезду и частенько его находил. Лишь красивая птица чибис с хохолком на голове сама обманывала Ваню, начиная истошно кричать и кружить возле мальчика, как будто он вот-вот наступит на её гнездо, но это гнездо ему ни разу так и не удалось найти. Он как-то рассказал об этом отцу, тот рассмеялся и сказал, что эта птица – обманщик, гнездо на самом деле у неё совсем в другом месте, а кричит она так истошно, чтобы запутать человека или лису, тоже охочую до птичьих гнезд с яйцами или птенцами.

За весну Ваня собрал большую коллекцию птичьих яиц и весьма гордился ею, только показывать эту коллекцию было некому, кроме отца и Фроси. Занятия в школе наконец закончились, наступило летнее время мальчишеской вольницы, но Ваня проводил дни в одиночестве: бывшие друзья-сверстники работали крестьянские дела, а с малышами, что плескались в реке или бегали по деревенским улицам ему, взрослому уже мальчику, было водиться не с руки.

Он часто брал книгу, уходил к речке и там на берегу читал её, посматривая с завистью на ораву малышей, купающихся на мелководе – месяц май выдался жарким, вода в реке прогрелась и малыши 5-7 лет плескались в реке до посинения. Он, конечно, тоже заходил в воду и плавал в заводи, но уже стеснялся девочек, чтобы купаться нагишом и уходя из дома надевал сатиновые трусики, в которых и купался.

В лесу появились летние птицы: соловьи, стрижи, иволги, и Ваня продолжил свои походы в лес в надежде пополнить свою коллекцию яиц. Однажды он увидел на ветке берёзы висячий шерстяной носок – так ему показалось, но из этого носка вылетела маленькая птичка.

– Значит это гнездо, – подумал Ваня и полез на берёзу, чтобы внимательно рассмотреть это гнездо и нет ли в нем яичек этой серенькой пташки. Вблизи гнездо оказалось вовсе не носком, а искусно сплетённым из пушинок гнёздышком с узеньким горлышком входа. В это горлышко даже маленькая рука Вани не проходила внутрь и он, осторожно наклонив ветку с гнездом на бок, сумел подкатить к горлышку три маленьких белых яичка с розовыми пятнышками. Взяв лишь одно яичко, Ваня положил его в рот и слез в березы. Ему очень хотелось отломить ветку берёзы вместе с висящим на ней гнездом птахи, но пожалел маленькую птичку: ведь ей стоило большого труда свить это гнездо и будет неправильно, если он, человек, отберет это гнездо у маленькой птички. Отойдя от берёзы Ваня оглянулся и убедившись, что птица запорхнула в своё гнездо пошёл домой, осторожно держа на ладони крохотное розовое яичко этой незнакомой ему птички. Дома он рассказал отцу о своей находке.

Отец вместе с Фросей пили чай на веранде. С тех пор как умерла мама, они частенько пили чай вместе, а иногда Фрося и кушала вместе с отцом и Ваней за одним столом, вскакивая всякий раз, когда требовалось принести что-то с кухни. Приятели из деревни однажды при

встрече сказали Ване, что его отец живёт с Фросей – об этом вся деревня знает и теперь Фрося вовсе не кухарка, а ключница и ведёт все домашнее хозяйство.

Отец, выслушав Ваню и посмотрев найденное яичко, сказал, что это птичка называется королёк и Ваня правильно сделал, что не забрал гнездо и все яйца – эта птичка уже не успела бы свить новое гнездо и она осталась бы без потомства. Фрося, слушая разговор отца с сыном, утвердительно кивала головой, прихлёбывая чай из блюдечка, которое держала на растопыренных пальцах руки прямо перед своим носом.

– Знаешь, Ваня, – сказал отец, я советую тебе зарисовать каждое яйцо из твоей коллекции цветными карандашами, чтобы было похоже на настоящее, а я постараюсь купить в городе книгу про птиц этой местности и тогда ты по яйцам сможешь определить какой птице принадлежит какое яйцо и сделать надписи к каждому яйцу. Потом в школе на уроках учитель сможет рассказать вам об этих птицах, а ты покажешь свою коллекцию – что будет пользой для всех: надо знать птиц и зверей, которые обитают в наших краях, это называется краеведение.

По подсказке отца Ваня стал зарисовывать в альбом яйца птиц из своей коллекции, начав с самых крупных яиц: коршуна, сороки, вороны, уток и чаек, чьи гнёзда он отыскал еще ранней весной в зарослях камыша у реки, где образовалась широкая заводь. Здесь же он иногда сидел с удочкой, ловя маленькую рыбёшку и окуней, которых приносил домой, а Фрося скармливала это улов домашнему коту. Кот, съев рыбу, благодарно подходил к Ване и тёрся спиной об его ноги, довольно мурлыча.

Иногда, по воскресеньям, ближе к вечеру, на реку приходили и бывшие друзья: Федя и Егорка, чтобы искупаться и поудить рыбу удочками, оставшимися еще с прошлого лета. Вместе им удавалось наловить окуней на уху, но большие щуки почему-то не попадались. Как-то под вечер, когда приятели сидели на берегу с удочками, к реке пришли трое мужиков с бреднем ловить рыбу. Бредень тот был сплетён из суровых нитей с ячеей не больше мужского пальца, длиной саженой десять и трёхаршинной мотнёй.

Мужики разделись нагишом, взяли палки по концам бредня, залезли в воду и распахнув ставни бредня начали тянуть его вдоль берега по мелководью не глубже человеку по плечу. От натуги их лица побагровели, но они тянули эту сеть изо всех сил, стараясь чтобы мотня бредня тащилась по самому дну. Когда мужики вошли в заводь, они поспешили к берегу, сдвигая крылья бредня ближе и ближе, чтобы попавшаяся рыба не смогла выскочить. Вытащив бредень на берег, мужики подобрали мотню, в которой трепыхалась рыба и вывалили улов на траву. Поймали они знатно: там было две-три щуки, наподобие той, что поймал прошлым летом Ваня, крупные окуни, плотва, налим и сазан – всего два-три ведра рыбы, которую они ссыпали в лыковый куль, прихваченный на рыбалку.

Потом мужики сделали ещё три захода с бреднем в реку и всякий раз улов удавался хороший: видимо это был первый поход рыбаков с бреднем в это место реки с прошлого года и непуганая рыба сама лезла в сеть. Мужики смотали бредень, оделись, взвалили куль с рыбой на спину и пошли в деревню, громко обсуждая удачную рыбалку.

– Вот как надо ловить рыбу, – восхищенно сказал Федя, – раз и полный мешок рыбы, не то что наш улов на палочке.

– Где же нам взять бредень, – огорченно молвил Егор, – я одного мужика из тех рыбаков знаю, так он всю нынешнюю зиму этот бредень вязал: столько труда положил, вот и улов ему удался.

– По-моему, ловить рыбу бреднем и не рыбалка вовсе, а добыча рыбы, – возразил Ваня, – не надо хитрить с наживкой, ждать поклёва рыбы, чтобы вовремя подсечь – мне не очень интересно было смотреть на этих голых мужиков с их бреднем.

– Конечно, тебе добыча рыбы не нужна, ты же барчук, а нам ушица из рыбы в самый раз к ужину, особенно сейчас к лету, когда все зимние припасы кончились. Мясца нет вовсе, хлеб кончается и как дотянуть до новины даже тятя не знает, поэтому и разрешает по воскресеньям

посидеть с удочкой здесь у реки, чтобы наловить мелочи на ушницу, – по-взрослому объяснил Федя и начал сматывать удочки: после прохода по реке мужиков с бреднем рыбёшка вовсе перестала ловиться.

Ванино лето так и проходило в одиночестве: с книгами дома, птицами в лесу, удочкой на реке, котом и собакой во дворе усадьбы, но без постоянного общения с друзьями – мальчишками из деревни, занятыми взрослыми крестьянскими делами. Иногда Ваня заходил к сестре Лиде, жившей на другом конце села. Лида ласково трепала его по голове, угощала чаем с пряниками и конфетами, называла сиротинушкой, по-крестьянски отвлекаясь на заботы о своём сыне, который уже пытался становиться на ноги и громким криком требовал к себе внимания. Лида призналась Ване, что ждёт ещё ребёнка и тогда будет совсем занятой воспитанием детей.

Вечерами, ложась спать после чтения книг, Ваня частенько слышал, как Фрося проскальзывала через гостиную в комнату отца, и там долго слышались вздохи, тихие неразборчивые слова и скрип отцовской кровати. Жизнь отца после смерти матери Вани, кажется, вполне наладилась, а вот для него, мальчишки восьми лет, отцовского внимания и занятости не хватало, и Ваня постепенно замыкался в себе, становился молчаливым и задумчивым, что совсем не соответствовало его возрасту и характеру: открытому и общительному, но самостоятельному и независимому.

В середине лета приехал в гости брат Иосиф, который был старше Вани на семнадцать лет, жил в Петербурге, служил на государственной службе мелким чиновником, потому и не смог приехать на похороны матери, о чём известил его отец письмом, пришедшим Иосифу через неделю после кончины матери.

Иосиф, весёлый и жизнерадостный человек жил тоже одиноко в Петербурге, но имел множество друзей-приятелей, перспективы повышения по службе и собирался осенью заключить брак по взаимности, на обеспеченной дочери столичного купца.

Иосиф растормошил тихое житьё в усадьбе, постоянно таскал Ваню на село: то в лавку, где покупал ненужные обнови для Вани и сестры Лиды, то в гости к этой сестре и там возился с её сыном, то вместе с Ваней сидел на берегу речки с удочкой и радовался каждой пойманной рыбёшке словно чему-то необыкновенному. На отцовской коляске с соседской лошадью и соседом-кучером Иосиф свозил отца и брата в город, где купил Ване несколько детских книг, а после сводил всех к фотографу, который сделал памятные фото отца с двумя сыновьями.

Станислав – второй брат Вани, поначалу тоже жил в Петербурге, где закончил университет, а потом переехал в Москву, где работал учителем в престижной гимназии, имел семью с двумя детьми и уже три года не появлялся в родной усадьбе, чему Иосиф сильно огорчился.

– Давайте съездим вместе в Москву, – навестим братца, сходим в театр, а потом вы вернётесь сюда, а я поеду из Москвы в свой Питер, – несколько раз предлагал Иосиф отцу, но тот отнекивался, что стар уже для таких поездок, а Ваня ещё мал, чтобы одному из Москвы возвращаться домой.

– Небось с Фроськой заниматься ты ещё не стар, – как-то не сдержался Иосиф при Ване, на что отец гневно вскинулся было, но остыл и пригласил старшего сына к себе в кабинет для разговора без Вани. О чём они там договорились Ване было не известно, но брат больше не попрекал отца связью с Фросей, да и с самой Фросей стал вести себя учтиво, хотя по приезду обращался с ней, как и положено обращаться дворянину с прислугой.

Много лет спустя отец как-то рассказал Ване: к тому времени уже Ивану Петровичу, что он объяснил сыну Иосифу про свои отношения с Фросей не как с содержанкой-прислугой, а по зову души и тела и если бы не эта простая, но заботливая и тактичная женщина, то он, Пётр Фролович, уже давно ушёл бы вслед за матерью на погост. Иосиф это понял и по доброте характера простил отцу отношения с Фросей: ну не жениться же, в самом деле, отцу на старости лет на какой-нибудь вдовой дворянке, – так сказал Иосиф отцу в тот свой приезд на родину.

Иосиф провёл в усадьбе лишь неделю отпуска, что ему дали на службе и отбыл обратно в Питер, а Ваня потом долго вспоминал весёлого старшего брата и сожалел, что им не пришлось жить вместе в усадьбе: то-то было бы весело и просто коротать время вместе с таким братом, а не мыкаться в одиночку по усадьбе, не зная чем заняться.

Детское время тянулось долго, но проходило быстро. Кончилось лето и Ваня пошёл в школу уже учеником второй линии. Когда у крестьян закончились полевые работы осени и наступило трудовое затишье по непогоде, Ване удавалось иногда встретиться с друзьями и предаться их прежним забавам, но с той рассудительностью, что появляется в крестьянских детях, когда они начинают работать на семью.

Урожай в этом году не удался из-за засухи, редкой в этих местах, кормов скоту и птице тоже не удалось запастись достаточно и для крестьян и скота предстояла трудная и голодная зимовка до первой зелёной травы по весне для скота и первого урожая овощей с огородов – для крестьян. Такое бедственное состояние жителей села не очень располагало к детским играм, но возраст брал своё и ребята втроём уединялись где-нибудь на опустевшем гумне, играли в казаков-разбойников, если не было дождя, или Ваня заново учил друзей чтению по книгам, что приносил с собой – за лето его друзьям так и не удалось поучиться чтению, но они быстро вспомнили старое и к ноябрю уже бойко читали букварь, чему Ваня был искренне рад, считая себя их учителем.

VI

Зима на селе прошла впроголодь для людей и скота, но весна выдалась ранняя и бурная, снег сошёл уже к апрелю, на лугах вылезла зелёная травка, и оголовавшие коровы, подкормившись свежей травой, стали пополнять крестьянский стол молоком и село ожило.

За зиму несколько семей, из самых бедных, уехали на свой страх и риск по переселению в Сибирь, что была далеко за Уральскими горами. Что с ними стало дальше никто не знал, по причине полной неграмотности уехавших бедняков.

Федин отец тоже было затеял переезд, но опомнился и остался на селе, а зря: по весне, когда шла посевная, пришло письмо в село старосте от одного из уехавших крестьян, писанное рукой другого грамотного человека, и в том письме говорилось, что три семьи из села поселились на юге Tobольской губернии, где им сельским сходом была выделена земля, лес для постройки домов, а на подъёмные от правительства деньги удалось купить коров и, судя по всему, жить в Сибири будет лучше, чем в родном селе, чего этот мужик желает и всем своим родичам.

Письмо это прочитали на сходе и решили по осени, когда справятся с жатвой, послать гонца в Сибирь разузнать получше, что и как, и, если в письме правда, то и другим беднякам последовать в Сибирь, ибо жить здесь становится хуже и хуже. Окрестные земли, что ранее принадлежали помещикам, продавались ими сомнительным людям с деньгами, добытыми несправедливыми путями: ростовщицеством, питейными заведениями и спекулятивной торговлей. Часто покупателями этих земель являлись жида из ближних местечек, которые скупив земли начали давать их в аренду не с доли урожая, а за твёрдую плату в деньгах, которых у крестьян не было.

Помещик и сам обычно вёл хозяйство и лишь часть земель отдавал в аренду за долю с урожая, обычно половину, а вот перекупщики земли сами этой землёй не занимались и требовали за аренду только деньги, независимо от того был год урожайный или нет.

Сельских общинных земель не хватало для всех крестьян, поскольку царь Александр II отменив 30 лет назад крепостное право, не передал земли помещиков крестьянам, которые работали на этих землях, заставив сельчан выкупать эти земли или брать в аренду. Так и получилось, что крестьяне, оставшись без земли, вынуждены были батрачить на владельцев земли,

как и при крепостном праве – власть денег оказалась сильнее и беспощаднее, чем власть помещичьего крепостного права.

Но наступила весна, крестьяне привычно занялись своим делом, лето выдалось урожайным и осенью, когда Ваня пошёл в школу на свой третий год обучения, никто и не подумал отправлять гонца в Сибирь на разведку для переселения: урожай собрали хороший, зимовка будет сытой для людей и для животных, а что там дальше будет – это один Бог ведаёт. Воистину, пока гром не грянет, крестьянин не перекрестится.

В октябре к уряднику прискакал посыльный из города, церковные колокола забили набат, народ собрался у церкви, вышел урядник и объявил, что царь Александр III скончался и на престол взошёл его сын, новый царь Николай II. Пётр Фролович был у церкви вместе с Ваней. Они перекрестились трижды и вместе с народом вошли в церковь, где поп уже служил службу за упокой одного царя и благословлял «вечные лета» другому царю.

Народ встретил известие о смене царя вполне равнодушно, лишь немногие крестьяне вздыхали:

– Царь-то Александр был миротворец, при нём жили спокойно, без войны и прочих напастей, а новый-то царёк молодой ещё и куда повернёт не известно. Говорят и невеста у него из немцев будет, а новый хомут он завсегда лошади шею трёт, пока не притрётся. На том крестьяне и разошлись по своим делам: не бросать же начатое ныне дело из-за смерти царя прежнего и помазанника божьего нового.

Уроков в школе в этот день больше не было. Ваня с отцом вернулись в усадьбу, Фрося быстро накрыла на стол, Пётр Фролович выпил пару рюмок водки по случаю смены царей и сказал Ване:

– Я, сынок, уже четвёртого царя меняю за свою жизнь и ничего: живу – не тужу. Главное, чтобы новый царь опять какие-нибудь реформы не затеял, как его дед Александр III, царствие ему небесное, который отменил без разума крепостное право и остались помещики без крестьян, а крестьяне без земли. Надо было бы казне земли-то выкупить и передать крестьянам, так нет же, сделал по совету иностранцев, и вот нам жизни не стало, да и крестьяне не больно-то радовались своей свободе.

Крестьянин без земли всё одно, что лошадь неподкованная с повозкой: тужится, перебирает копытами, а вытянуть воз не может. Да и по семейному делу этот царь Александр был не почтителен: при живой жене жил с княжной Долгоруковой и прижил от неё детишек. Но тут Петр Фролович поймал гневный взгляд Фроси и поперхнулся: сам-то он не лучше того царя поступал. На том обед закончился, Ваня ушёл к себе в комнату и долго еще слышал громкие слова Фроси, что она выговаривала его отцу за невоздержанность при младшем сыне, которому идёт девятый годок и он всё видит и всё понимает, а что ему еще не по разуму, так деревенские мальчишки быстро объяснят и научат.

Не прошло и месяца, как придя в церковь с Ваней на воскресную обедню, Пётр Фролович услышал здравицы попа по случаю венчания нового царя на немецкой принцессе, лютеранке, что приняла православие ради российской короны и стала именоваться Александрой Фёдоровной.

Народ в церкви зашептался и забубнил: мол не по православному царь Николай II поступил – ещё и сороковины после смерти его отца не минули, а он уже обвенчался. Так не делают верующие и быть этому царю в Божьей немилости, а народу православному ждать беды под тем царём, что плотские утехы поставил выше Божьих промыслов.

Пётр Фролович искренне разделял народное недовольство: если так не терпится, то жил бы этот царь Николай со своей принцессой без венчания, а потом, когда сроки выйдут, и пошли бы под венец – зачем зря народ мутить и сбивать людей с понталыку необдуманными поступками. Живёт же он, Пётр Фролович, во грехе со своей экономкой Фросей и ничего – посудачили люди на селе и примолкли. По воскресеньям он, дворянин Домов, молится об отпущении

нии этого греха на обедне и ставит свечку – этого вполне достаточно: не жениться же, в самом деле, дворянину на простой селянке, вот и царь Николай мог бы устроиться, да видать ума не хватило.

– Быть смуте и раздору всей земли Русской при таком царе – недоумке. Нет, не русский он человек – этот Николай II. Наверное, кончилась в роду Романовых русская кровь – если она вообще была в них. Говорили же старики, что еще царя Петра I подменили в колыбели на чёртового отродье и пошла с тех пор по земле русской еврейская зараза стяжательства и безбожия христианского, а всем править стал золотой телец – так в Библии описано и недалеко уже осталось до антихристового пришествия.

Так думал иногда Пётр Фролович, стоя в церкви на воскресной обедне и осеняя себя положенным числом перстных крещений, а возвращаясь в усадьбу, если Вани не было дома, он занимался плотскими утехами с Фросей, которая вполне довольствовалась своим положением невенчаной хозяйки усадьбы при пожилom, но крепком ещё барине.

Она знала, что Пётр Фролович в своем завещании уже отписал ей в наследство эту усадьбу в которой некому будет жить после его смерти: Ваня по малолетству, если не дай Бог, будет жить у братьев в столицах и учиться там же, а дочь Лидия и здесь пристроилась за своим лавочником неплохо и ей этот дом тоже ни к чему. Вот если бы Бог дал ей ребёнка от Петра Фроловича, тогда другое дело – тогда Фрося могла бы стать и полноправной хозяйкой в усадьбе, но видать поизносился уже барин и не получалось у него с ребёнком, а может и она была порченная баба: ведь у неё и от мужа ребёнка не получилось, хотя и прожили они более двух лет.

После смены царя жизнь в усадьбе и на селе текла без перемен, а по весне Ваня закончил полностью земскую школу и встал вопрос о его дальнейшем обучении в городе. Фрося, научившись подавать голос и привязавшись к Ване, как родному сыну, ратовала за обучение Вани в гимназии в ближнем городе, где Ваня жил бы в пансионе при гимназии, а на воскресенье мог приезжать домой в усадьбу, но Пётр Фролович решил иначе.

В соседнем уездном городе Чауссе жила одиноко двоюродная сестра Петра Фроловича: дочь брата его отца – Андрея. Эта сестра, по имени Мария, никогда не была замужем по причине своего врождённого уродства и возраста – близко к сорока годам. Жила она на доходы от магазина, что оставил ей отец после смерти, вдобавок к небольшому состоянию. Мария приезжала как-то к брату Петру в гости летом, когда Ваня был еще совсем маленький, а узнав о смерти Ваниной матери и вовсе предлагала брату Петру отдать Ваню ей на воспитание, да отец не захотел расставаться с малолетним сыном. Теперь Ваня подросток и пожить у тётки ему будет в самый раз – под постоянным присмотром и не при чужих людях, как в пансионе при гимназии. Отец еще по зиме написал этой Марии и получил её согласие с обещанием содержать племянника в строгости, но как родного сына.

VII

В конце мая, когда крестьяне отсеялись и до покосов оставалось время, Пётр Фролович нанял кучера с конём за два целковых, коня запрягли в барскую коляску и Пётр Фролович вместе с Ваней отправился в город Чаусс разведать насчёт училища и жития Вани у своей тётки Марии.

Выехали едва рассвело, кучер своего коня не гнал, жалея, и поэтому в городок Чаусс коляска въехала уже на закате. Дом тётки отыскался сразу, ибо Пётр Фролович бывал здесь неоднократно ещё в бытность своей юности вместе со своим отцом Фролом. Его брат Андрей пошёл по торговой части, что было не к лицу дворянину, но вел торговлю честно и изрядно преуспел в этом деле, с помощью своей жены – дочери торговца из жидов, но принявшего

православную веру и женившегося на русской девке из мещан, за что был изгнан из синагоги и местечка и поселился в уездном городе Чауссе, основав лавку и давая деньги горожанам в рост.

Из троих детей у этого жида выжила лишь дочь Эсфирь, на которую и польстился Андрей – младший брат Фрола: то ли за чёрную масть и огненный взор, то ли за лавку её отца: поди теперь разбери – прошло с тех пор более тридцати лет. Но Господь видимо не простил Андрею эту женитьбу и родилась у них с Эсфирью дочь Мария, с лилово-багровым родимым пятном на всю правую половину лица, а по народному поверью родимыми пятнами на лице сатана отмечает своих избранников среди людей, чьи души Бог изначально отдал ему во владение. Так это или нет, но лавочник-жид со своей женой недолго ещё прожили и умерли от лихоманки, прошедшей теми местами от библейских Палестин и до самой до Москвы, прихватив за собой и свою дочь Эсфирь.

Дядя Андрей остался жить бобылём со своей меченой дочерью Марией, которая росла тихой и покорной судьбе девочкой, неся на своем лице чертову отметину, что не давала ей права даже мечтать о женском счастье и семейном очаге. С возрастом это родимое пятно набухло, ещё более побагровело, покрылось бородавками из которых росли волосы, так что из дома Мария выходила лишь плотно закрыв пол-лица платком, и сторонясь встречных прохожих, словно прокажённая.

Отец умер тихо, во сне, когда Марии было под тридцать лет, оставив дочери лавку в наследство.

Лавкой своей Мария управляла умело и ловко, не жадничая по цене товаров и привлекая покупателей дешевизной и качеством товаров, что в итоге давало хорошую прибыль и достаток Марии в её одинокой жизни, как думал Пётр Фролович решая судьбу сына Вани.

Уродливая и тихая, но расчётливая Мария, не надеясь обрести мужа, который бы женился на ней, а не на её лавке, скрытно удовлетворяла свои женские потребности, вступая в связь с заезжими мужиками из окрестных деревень и перекупщиками, что поставляли ей товар в лавку.

Присмотрев мужика, привозившего ей в лавку тушу или битую птицу, она договаривалась о цене, кутая уродливую половину лица шёлковым платком. Затем приглашала этого мужика к себе в дом, что находился неподалёку от лавки – как бы для денежного расчёта и производила расчёт. Потом выставляла штоф водки и откровенно предлагала себя захмелевшему мужику, обещая еще и приплатить рубль-другой за исполнение мужских обязанностей.

Редко кто из мужиков отказывался побаловаться с молодой купчихой, а сомневающимся она чуть приоткрывала родимую половину лица и этого было достаточно, чтобы нерешительный мужик пожалел мужскою лаской эту одинокую женщину, весьма приткую и приятную в постели, да ещё и получить за содеянное прелюбодеяние целковый на похмелье.

Мария долго надеялась таким путем занять ребёнка и потом заняться его воспитанием, замолвив свои грехи молитвами в церкви, но видимо она была бракованной женщиной и с ребёнком у неё так и не получилось. Как говорится, на нет и суда нет, и Мария продолжала свои забавы с заезжими мужиками уже ради удовлетворения женской плоти и похоти.

Потому она и просила сродного брата Петра Фроловича отдать ей Ваню на воспитание и учёбу, чтобы озаботиться племянником, коль Бог не дал ей иметь своих детей.

Тётка Мария, завидев из окна подъехавшую коляску, вышла им навстречу, сама открыла ворота, вынув запорную жердину и убрав слегу из подворотни, чтобы упряжка спокойно въехала во двор. Кучер распряг лошадь, провёл её в сарай, дал сена с сеновала над сараем из припасов тётка Марии для заезжих купцов и мужиков и все вместе прошли в дом.

Дом Марии был почти таким же, что и усадьба Петра Фроловича: под железной крышей и того же размера – так строились в тех местах все дома зажиточных людей: мелких помещиков и торговцев, к которым уже начинали присоединяться и зажиточные крестьяне, прихватившие рублём или обманом несколько десятин земли в собственность.

Тётка Мария быстро собрала на стол к ужину: поставила графинчик водки, домашние соленья, квашеной капусты, нарезала варёного мяса, колбасы и сыра – все припасы из своей лавки, замесила творога со сметаной для Вани, достала из печи чугунок с борщом и тушёную курицу целиком. О приезде её известил письмом заранее Пётр Фролович, но и без письма у неё нашлось что поесть, а если потребуется, то и в лавку можно было сходить – всего-то и пути через несколько домов до площади, где и находилась лавка.

Пока гости ели, проголодавшись с дороги и без обеда, тётка Мария молча разглядывала племянника, которого она собралась воспитывать. Вид и нрав Вани ей понравились. Она обратила внимание, что у мальчика разного цвета глаза: левый серо-голубой, а правый – ярко зелёный, что было весьма необычно, и Мария решила, что так Бог отметил Ивана, но не уродством, как её, а непривычностью лица с разноцветными глазами.

Когда гости перешли к чаепитию с настоящим чаем, Мария присоединилась к ним, одарив Ваню печатым пряником.

– Кушайте, гости дорогие, – молвила Мария, – после дальней дороги завсегда поесть хочется, а после ужина пожалуйста и отдохнуть, места всем хватит, а Ване я отвела отдельную комнату, где он и будет жить, коль останется здесь, – и она осторожно погладила мальчика по голове своей тёплой рукой. Ваня уже отвык от материнской ласки, а Фросину заботу воспринимал как должное и это материнское поглаживание тётки по его голове было приятно и неожиданно.

Время за ужином прошло быстро, начало темнеть и Мария зажгла большую керосиновую лампу, висевшую на цепочках над обеденным столом. Когда чаепитие закончилось, хозяйка зажгла лампу поменьше и повела гостей располагаться на ночлег: кучеру постелили на кухне, Пётр Фролович расположился на диване в гостиной, а Ваню тётка Мария провела в его будущую комнату, которая оказалась копией его родной комнаты в усадьбе, лишь кровать и стол для письма были другими.

Утром, чуть свет, во дворе закричал петух, ему откликнулись петухи из соседних дворов, и их кукареканье заставляло жителей городка просыпаться и начинать новый день спозаранку.

Ваня тоже проснулся и вышел во двор. Кучер уже запрягал лошадь собираясь в обратный путь: отец решил остаться на несколько дней, чтобы уладить Ванины дела с обучением в уездном училище и поэтому кучер обещал вернуться за ними через неделю.

Ваня сбегал в уборную, вымыл лицо и руки из рукомойника во дворе и прошёл в дом на кухню. Отец и кучер уже сидели за столом возле самовара и пили чай с остатками от вчерашнего ужина.

Тётка Мария хлопотала у топившейся печи и когда Ваня сел за стол поставила на стол сковороду с жареной колбасой, залитой яйцами. Мужчины оживились и, отставив чашки с чаем, принялись за яичницу, макая кусками хлеба в растекающиеся по сковороде желтки, смешанные с жиром.

Ваня тоже принял участие в очищении сковороды, которая освободилась под напором трёх едоков, вернувшихся снова к чаепитию: наливая чай в блюдечко и прихлёбывая его губой через край блюда, отрываясь лишь на мгновение, чтобы положить в рот маленький кусочек колотого сахара, лежавшего горкой в сахарнице. Мария тоже присоединилась к ним попивая чай с вареньем, но так и оставаясь закутанной в платок, из-под которого виднелся лишь один чёрный глаз.

– Ты сняла бы платок, что ли, – молвил Пётр Фролович, – что от нас прятаться, да и вины твоей в этом нет, что родимое пятно попало на лицо: где бы в другом месте, так никто бы и не заметил и не подумал худого.

– Я и так, братец, знаю, что Бог это отметил меня родителям в наказание, а не чёрт, как думают люди, – ответила Мария, и платок я ношу дома не для сокрытия своего родимого

пятна, как ты думаешь, а чтобы подтянуть щёку, что стала отвисать, набухла и мешает мне заниматься домашними делами.

– Что же ты, Мария, не возьмёшь домработницу: пусть она бы и управлялась по дому, а тебе, наверное, дел и в лавке хватает – без присмотра твои приказчики живо проторгуются и растащат товар и деньги так, что и концов не найдёшь.

– У меня не пошалишь, братец, – отвечала Мария, прихлёбывая душистый чай, – товар я сама отбираю у перекупщиков, у крестьян и купцов, потому знаю точно где, чего и сколько и по вечерам считаю кассу, чтобы не искушать приказчиков деньгами в кассе. Приворываю они, конечно, но в меру и мне не в убыток. Был у меня один приказчик, прихватил из кассы червонец, я заметила недостачу и прогнала его: теперь он дворником улицы метёт, поскольку никто его в торговое дело здесь не берёт, а на него глядя и другие мои служки поубавили пылу, чтобы тащить товар и деньги из лавки.

Домработница, постоянная, мне пока тоже не нужна: сама управляюсь по дому, чтобы не сидеть днями и бестолку смотреть в окно. Приготовить покушать мне не в тягость, сам видишь, покопаться в огороде – тоже в радость, убираться по дому приходит соседка раз в неделю по пятницам и раз в месяц заходит прачка, чтобы взять бельё в стирку. Так и живу в одиночку, но без запарки. Вот Ваня учиться начнёт – может тогда и домработницу возьму, чтобы за ним присматривала, кормила и обстирывала: мальчики ведь известные грязнули-замарашки и к прачке не набегаешься. Не беспокойся, братец, твоему сыну, моему племяннику, плохо здесь не придётся, да и мальчик он, как я посмотрю спокойный и, наверное, послушный.

На этом чаепитие закончилось, все встали из-за стола направляясь по своим делам: кучер в отъезд, тётка Мария готовить обед, а Пётр Фролович собирался навестить училище, чтобы поговорить об учёбе сына с осени и в каком классе и что нужно из документов для его оформления.

Встав из-за стола Пётр Фролович перекрестился на образа в углу и подумал: – Вот здесь, за одним столом, сидели за завтраком он, потомственный дворянин, сермяжный крестьянин, сестра двоюродная – полужидовка и его юный сын, десяти лет от роду. Ещё лет двадцать назад такое и представить было невозможно, а вот подишь-ты, случилось и дальше сословия будут меняться ещё сильнее и дворянско-крестьянская Россия исчезнет окончательно.

Грядут большие перемены и надо младшего сына подготовить к ним основательно, чтобы он не потерялся в будущей своей жизни среди холопов, жидов и торговцев, а оставался дворянином по духу своему и по положению в обществе.

Пётр Фролович надел свою фуражку, которая сразу отличала в нем бывшего офицера и, наказав Ване помогать тётке Марии по дому, пошёл вон со двора вслед за кучером, который отправился в обратный путь с наказом вернуться сюда через неделю, чтобы отвезти барина с сыном домой.

В училище Пётр Фролович разыскал только сторожа, который объяснил, что учителей и попечителей сегодня нет и не будет по причине окончания занятий со школьниками ещё на прошлой неделе, но именно сегодня учителя с семьями выехали за город на пикник: так по-французски они называли выезд на лужайку у реки, чтобы повеселиться по случаю завершения учебного года. Потому барину следует прийти по делу завтра, когда директор-учитель будет здесь перебирать бумаги для отчёта в губернию.

Пётр Фролович не шибко расстроился от своей неудачи – впереди была целая неделя для устройства дел, и потому он прошёлся по городу, где не бывал уже несколько лет. В городке, по словам сестры Марии, проживало около пяти тысяч душ населения, из них половина жидов и их чернявые лица постоянно попадались ему на пути.

Он остановился у храма Георгия Победоносца, чьи незатейливые купола возвышались над самым обрывом, за которым виднелась низина с протекающей извивами речкой под чуд-

ным названием – Бася и далее за городом эта река впадала в другую по женскому имени – Проня, а уже Проня вливалась свои воды в Днепр.

За рекой вдали виднелись серые крыши домов Заречья, а еще дальше на самом горизонте едва различалась ближняя деревня.

Храм был сооружен из красного и белого кирпича, причём белый кирпич был еще и побелен известью и потому строение храма выглядело нарядно на фоне посеревших бревенчатых домов и изб, крытых дранкой, которые разбегались улицами от храма в трёх направлениях. Петра Фроловича подмывало подняться на колокольню, откуда откроется вид на весь городок с его окрестностями, но это ребячество не вязалось с солидностью дворянина и Пётр Фролович, отказавшись от мысли взобраться на колокольню, направился в сторону от храма к центральной площади городка.

Центральная площадь и была основной достопримечательностью города по мысли неведомых строителей-основателей. Квадратная в плане центральная площадь обрамлялась постройками из красного кирпича, в которых размещались уездные учреждения власти, казначейство, дворянское собрание, лавки крупных торговцев, дом городничего, комендатура и еще два-три дома непонятного назначения. От центральной площади улицы разбегались на все четыре стороны света. Через пару кварталов на запад было еще две площади поменьше и третья площадь располагалась к югу.

Именно у той площади и находилось уездное училище, от которого Пётр Фролович и прошёл к центральной площади и там же, неподалёку, находилась лавка Марии. На этой небольшой территории и предстояло жить его сыну Ивану следующие несколько лет, если судьба не решит иначе.

Пётр Фролович слабо верил в Бога, как и большинство офицеров, видевших кровь и несправедливость войны. Ещё в офицерской службе Петру Фроловичу довелось принять участие в русско-турецкой войне за освобождение Болгарии от турецкого ига и полученных там впечатлений вполне хватило, чтобы усомниться в существовании Бога, допускающего такие мучения для неповинных ни в чём людей. Но в судьбу, или как говорил Пётр Фролович, в рок он охотно верил, полагая, что многие обстоятельства человеческой жизни предопределены свыше неведомыми силами и человек по жизни следует этим обстоятельствам.

Как повозка движется лошадью по дороге самостоятельно, если кучер задремал: так и жизнь человека идёт по колее, петляя и прихотливо извиваясь, пока не скроется за горизонтом, где начинается небытие. Впрочем, в загробную жизнь Пётр Фролович тоже не верил и не представлял, как там, в райских кущах или жестоком аду, могут уживаться людские души, которые по жизни ненавидели себя или принадлежали к разным сословиям. Как там, за пределами жизни, души императора и висельника, находясь рядом, будут беззлобно общаться, на непонятно каком языке, будучи равными по своему статусу перед Всевышним, который, согласно поповским проповедям, и разделил их при жизни на господина и холопа. Но пока до райской кущи было ему еще далеко и Пётр Фролович с удовольствием прошёлся по городку вдоль и поперёк, благо, что эта прогулка обошлась ему не более двух вёрст пути.

Добрая половина города была заселена жидами и, попав на их территорию, Пётр Фролович поспешил выбраться к привычного вида людям и в привычной глазу одежде, а не в длинные чёрные сюртуки и широкополые чёрные шляпы, что носили некоторые мужчины с длинными локонами волос, свисающими из-под шляпы впереди ушей – так называемые пейсы.

Сколь живёт Пётр Фролович в этих местах, столько времени он не перестаёт удивляться образу жизни этих чернявых обитателей местных городков и местечек. Живут они здесь с незапамятных времён, лет триста уже, если не более, но так и не смешались с остальным населением. Ведут торговые дела, содержат трактиры, шьют одежду и сапожничают, дают деньги в рост, но ни разу Пётр Фролович не встречал жида-земледельца, и даже их огороды при домах часто пустовали зарослями сорняков, не зная заботливой руки хозяина – огородника. Такой

же замкнутый образ жизни вели ещё цыгане, но те кочевали табором и пожив на одном месте и изгадив его, цыгане переезжали на другое место, где их уже успели позабыть. Жида, напротив, жили оседло, но обособленно и настороженно, словно прислушиваясь к чему-то неведомому и ожидая сигнала к какому-то действию.

– Что с них взять! – размышлял Пётр Фролович, – одно слово христопродавцы, как в Библии писано. Отреклись от Христа, разбежались потом по всему миру и готовят, наверно, очередной исход, что случился с Моисеевым племенем из Египта в землю обетованную. Но упаси Господь связаться с жидовским племенем по денежным делам: увязнешь в долгах, как в шелках и уже не выпутаешься. Дед мой взял деньги у жида на покрытие карточного долга: деньги отдал потом трижды, но заёмная бумага была так составлена, что пришлось в имении продать землю и осталась одна усадьба в которой я живу: помещик-дворянин без поместья, но зато с дворовой девкой Фросей, – засмеялся про себя Пётр Фролович, вспомнив жаркие объятия этой девки, ставшей почти хозяйкой в доме, пусть и невенчанной.

К обеду Пётр Фролович вернулся в дом Марии, которая выкатила на стол незатейливый, но вкусный обед из борща, запечённой свиной рульки, киселя из мочёной брусники и чаю по желанию и от пуза с пряником и вареньем. Иван уже привык к диковинному виду своей тётки и охотно выполнял её поручения принести зелени с огорода или слазить в погреб за сливками, понимая, что здесь ему предстоит жить много лет и тётка Мария, при хорошем к нему расположении, даст много вольности, что не позволяли дома отец и Фрося.

После обеда Пётр Фролович прилёт отдохнут: ведь ему уже стукнуло пятьдесят пять годков и даже по нынешним временам он числился уже глубоким стариком, имеющим право на стариковский послеобеденный отдых. Конечно, дома Фрося не давала ему разлёживаться, заставляла подстригать бородку и волосы, и тогда Пётр Фролович, с крепким, как у сорокалетнего мужчины телом, выглядел гораздо моложе своих лет. Но сейчас, у сродной сестры, ему молодиться было ни к чему и он прошёл в свою комнату, откуда вскоре послышался громкий храп с переливами, что означало глубокий сон Петра Фроловича.

Молодая ключница, как Пётр Фролович называл Фросю, которой едва минуло двадцать шесть лет, тщательно следила за здоровьем хозяина-сожителя полагая, что от его здоровья зависит и её благополучие: не станет у Петра Фроловича интереса к ней, как к женщине – не нужна она будет в усадьбе и придётся ей возвращаться в дом к брату, где и без неё не протолкнуться. В усадьбе она почти барыня, а если бы Бог дал её ребёночка, то и вовсе стала бы Фрося полноправной хозяйкой, но и без дитя Пётр Фролович накрепко привязался к своей ключнице и даже завещал ей свою усадьбу, если вдруг лихоманка какая приберет его на тот свет.

Пока отец храпел в комнате на диване, тётка Мария предложила Ване пройтись с ней до магазина, где она даст приказчикам указания, проверит их торговлю, примет двух-трёх крестьян-поставщиков товара и, заодно, Ваня присмотрится к её делам:

– Глядишь, через несколько лет, если Бог приберёт её к себе, Ване придётся самому хозяйничать в лавке, или продать её с выгодой, у меня же других родственников, кроме Петра Фроловича нет, но ему моя лавка без надобности, а вот тебе, Ванечка, моя лавка в наследство будет кстати, если войдёшь в зрелый возраст и надумаешь жениться, – говорила тётка Мария, держа Ивана за руку, когда они шли по улице к её лавке.

– Пусть соседи посмотрят, какой у меня ладный племянник растёт с разноцветными глазами, да и тебе, Ванечка, надо будет со всеми соседями познакомиться и поладить с ними, коль ты будешь здесь жить и учиться. В маленьком местечке, как наш городок Чаусс, от добрососедства зависит вся наша жизнь, – поучала тётка Мария своего племянника, когда они шли по улице, здороваясь с прохожими.

– Здесь все и всё друг о друге знают и коль поссоришься с соседом, то это как собаку свою побить: затаится, а при случае так цапнет за руку, что и не рад будешь. И вообще, Ванечка, с людьми надо ладить добром, а не принуждать их злом, тогда и тебе будут отвечать тем же.

Есть, конечно, и подлые, завистливые людишки, которые добра не поймут – так от них лучше держаться подальше и не иметь с ними никаких дел. Как говорят мужики в таких случаях: не тронь дерьмо – оно и пахнуть не будет, – грубовато закончила Мария свои поучения Ивану, поправляя на лице платок, что скрывал её уродство: они уже подошли к лавке, возле которой околачивалась пара забулдыг, сшибающих у прохожих по грошику, по копейке себе на опохмелку.

Завидев хозяйку лавки забулдыги поспешно пошли прочь, зная её нетерпимость к пьянству мужиков, которую она считала душевной слабостью перед житейскими трудностями. Она не раз и не два советовала пьянчугам взяться за ум, а не за бутылку: – Если бы я из-за своего недостатка на лице взялась за бутылку, утешаясь винным дурманом, то давно бы издохла под забором, пустив лавку отца на распыл, – увещевала однажды Мария пьяниц возле своего магазина, – но я хозяйствую и в том нахожу себе утешение в жизни.

– Легко тебе это говорить, злобно ответил тогда Марии один из пьянчуг: мятый и сердитый с похмелья.

– У тебя лавка полная товаров, да и заезжие мужички ублажают твое женское желание за рубль – так бы и любой из нас смог жить без водки. Давай лучше пятак на опохмелку, чем срамить нас пьянством, – потребовал забулдыга и с тех пор тётка Мария, обозлившись, приказала гнать этих обормотов от лавки, чтобы не пугали своим видом покупателей. Потому и нынешняя парочка пьяниц поспешно ретировалась, завидев издали грозную и уродливую хозяйку лавки.

Мария с племянником вошли в лавку, где её почтительно встретил приказчик, вышедший из-за прилавка навстречу хозяйке. Мария поднялась с Ваней на второй этаж, где раньше были хозяйские покои, но потом Мария купила себе дом и отселилась от лавки, где она была всегда на виду и теперь над лавкой был устроен склад товаров и кабинет хозяйки, где она принимала купцов и мужиков с товаром.

Тётка Мария дала Ване пряник, горсть леденцов и он вышел на улицу в ожидании завершения её дел, чтобы отправиться назад к дому.

Пьяницы, числом уже четыре, толпились неподалёку выпрашивая, Христа ради, копейки на опохмелку, в магазин входили и выходили посетители, а Иван, присев на завалинку, сгрыз пряник и сосал леденцы, присматриваясь к окружающему.

Лавка тётки Марии находилась на площади, которая была неподалёку от главной площади. Всего площадей в городке было четыре и на каждой из них располагались лавки, питейные заведения, дома хозяев или казённые учреждения. На этой площади, на другой стороне, был кабачок, куда то и дело заходили мужики выпить чарку водки или кружку пива с устатку в жаркий день.

Сбоку находился заезжий двор, где грудились лошадиные повозки, коляски извозчиков и крестьянские телеги с бородами крестьянами на них, что приехали в уездный город по житейским делам или за покупками – у кого были деньги.

День клонился к вечеру, кто приехал издалека и не успевал вернуться домой засветло, решили остаться на заезжем дворе переночевать прямо в телегах, чтобы поутру двинуть в обратный путь. Платить надо было только за постой лошади с телегой, но можно снять койку, прикупить овса для лошади, а самому отправиться в трактир – что многие путники и делали, пропивая в трактире наторгованные от нехитрых крестьянских товаров пятаки и гривенники. Хозяин трактира, чернявый лысоватый жид, поминутно выскакивал на крыльцо, высматривая на заезжем дворе новых постояльцев и жестами приглашая их к себе в трактир.

К Ване подошли два мальчика, чуть помладше его, босые и в рубищах из домотканого холста, в какой и он, дворянин, ходил у себя по деревне в тёплые жаркие дни, и с жадностью в глазах смотрели на него, барчука, сосущего сладкие леденцы из магазина своей тётки. Ване стало неловко от их взглядов и он протянул им на ладони уже подтаявшие леденцы со словами: «Берите, мне не жалко».

Слова эти были услышаны, мокрые леденцы исчезли с его ладони в мальчишеских ртах и уже трое мальчиков сидели на завалинке усердно посасывая сладкую твердость леденцов и поглядывая на окружающий их мир взрослых людей, занятых делами, бездельем или выпивкой, поскольку пьяницы, видимо, разжились деньгами и двинулись к трактиру погасить похмельем горевшее в них зло от вчерашнего пьянства.

Скоро и тётка Мария вышла на крыльцо своего магазина и Ваня, не прощаясь со своими сверстниками, с которыми так и не успел познакомиться, двинулся в обратный путь, держась возле тётки, но не за руку, что было бы недостойным его возраста в глазах обитателей улицы.

Пётр Фролович, проснувшись, вышел во двор, но ни сестры, ни сына не обнаружил и сел на веранде, поджидая их возвращения. Стайка кур сонно переходила двор от калитки к сараю, где им был устроен насест и гнёзда для несушек, которые сейчас пустовали в ожидании пеструшек, готовящихся снести яйца для обитателей дома к завтраку.

–Ване, конечно, будет здесь неплохо, – размышлял Пётр Фролович, всё ещё сомневаясь в правильности своего решения оставить мальчика здесь на учёбу под попечением своей сродной сестры.

–Мария присмотрит за ним, Ваня обзаведется друзьями по улице и по учебе в училище, но если дело не пойдет на лад, то всегда можно будет забрать сына и определить его в другое место.

Было бы у меня состояние, учил бы своего младшего дома с гувернером, но нет такой возможности. Двое старших сыновей так же учились в отдалении, но ничего, вышли в люди, получили небольшие чины на казённой службе и живут в столицах. Даст Бог и Ванюшка выучится: хотелось бы мне, чтобы пошёл в кадеты и потом офицером служил, но вбил он себе в голову, что хочет быть учителем – пусть будет как хочет, принуждать не стану.

Без сына дом мой опустеет, но Фрося не даст мне закиснуть: послал же Бог мне утешение на старости лет. Простая ведь крестьянка, еле-еле обучил её грамоте, но как она умеет мужчине угодить: и по хозяйству, и в постели – никакая барыня так не сможет. И ведёт себя с достоинством, но без спеси, что выбилась из крестьянской хаты в дворянскую усадьбу, пусть и в приживалки.

Моя жена, покойница, царство ей небесное, тоже была спокойная и незлобивая женщина, детей мне нарожала, но не было с ней душевной близости! Держалась как бы в отдалении, а в постели – как бы по обязанности. Что-то не припоминаю, чтобы покойница Пелагея, хоть однажды, высказала женскую страсть в постели, закричала подо мною или укусила меня, как это делает Фрося.

Может от отсутствия женского сладострастия Пелагея и захворала и померла рано, но не я в этом виноват. Зато к детям Пелагея относилась с лаской и поэтому все они получились удачными и стали людьми. Дочь Лиду бес попутал связаться с лавочником, но ничего, живёт, двух детей уже прижила и кажется довольна. Надо будет навестить её, как приеду, – лениво размышлял Пётр Фролович наблюдая, как петух загоняет своих пеструшек в сарай, в тенёк.

–Ничего, буду коротать век с Фросей, может и ей ребёночка справлю: я ещё не совсем старый, тогда ребёнка признаю, но под венец второй раз уже не пойду – грех это, на старости лет плотским утехам предаваться – продолжал Пётр Фролович свои рассуждения.

–Чаю, что ли попить, пока Мария делами занимается, – пришла ему мысль и он пошёл в кухню разжигать самовар. У Марии самовар стоял на подставке в углу и труба от него выходила сквозь стену во двор, чтобы с улицы не видно, что хозяева готовятся к чаепитию. Мария

вела скрытный образ жизни и не давала повода соседям уличать её в угощение чаем заезжих мужиков: заехал мужик по делам – это одно, а угощать его чаем – это уже другое и похоже на прелюбодеяние.

Пётр Фролович наколол ножом щепочек из лежащего под лавкой чурбана, набросал их в топку самовара, надел сверху дымоходную трубу, зажёл спичку и через поддувало спичкой поджёл щепки. Огонь быстро разгорелся, загудел в трубе и вскоре самовар заворчал, застонал и залился свистом: у Марии самовар был со свистком в крышке и по кипению этот свисток подавал сигнал, что кипятки готовы и дело за заваркой.

Пётр Фролович взял заварной чайник, отломил кусочек плиточного чая от прессованного бруска, бросил его в чайник, залил кипятком из самовара, снял трубу, установил конфорку и поставил на неё чайник, чтобы чай настоялся на жару догорающих щепок до тёмно-коричневого цвета. Минут через пять Пётр Фролович налил заварки в чашку, добавил кипятку из самовара и приступил к чаепитию с сушками и колотым сахаром, что стояли постоянно на кухонном столе, который был у окна.

Другой стол – разделочный, для приготовления пищи, стоял у противоположной стены рядом с русской печью без лежанки, но с закутком для сушки обуви, валенок и одежды. Мальчик лет десяти вполне мог поместиться на этом закутке, согнув ноги, чем часто пользовался Ваня впоследствии, набегавшись в непогоду и холод по улице и взбираясь в этот закуток, чтобы быстрее согреться.

Пётр Фролович допивал уже третью чашку чаю, когда калитка заскрипела, отворилась и во двор вошли Мария и Ваня. Они тотчас присоединились к Петру Фроловичу, Мария достала кусок ветчины из погреба, плюшек, что испекла вчера, поставила на стол хлеб и масло, и чаепитие перешло в вечернюю трапезу перед нескорым ещё ужином.

Взрослые обсуждали за чаем свои дневные дела, а Ваня, перекусив, пошёл в гостиную, где стоял книжный шкаф с книгами тётки Марии: она тоже любила чтение в одиночестве и потому книг было в доме довольно много. Некоторые книги Мария купила по своему вкусу, а некоторые достались ей ещё от отца: мать-иудейка светских книг не читала.

Тётка Мария, как ни странно для её облика, любила книги про любовь между мужчиной и женщиной, и таких книг было почти половина, а другая половина была интересна и для Вани: здесь были приключения, истории, сказки и жизнеописания великих людей. Часть своих книг Ваня намеревался потом прихватить из дома и потому, при жительстве здесь, у него образовывалась приличная библиотечка.

Отец говорил, что в уездных городах есть и публичные библиотеки, куда можно приходить, читать на выбор книги и даже брать некоторые из них для чтения домой. За рассматриванием книг Ваня провёл время до ужина, на который его позвала тётка, запёкшая на сковороде в русской печи карасей в сметане, что продал ей сосед-рыбак.

Поварихой Марья была искусной и, видимо, не уступала в этом Фросе, что отметил вслух Пётр Фролович, обсасывая рыбы косточки и вымакивая хлебным мякишем подливу на сковороде.

После ужина Ваня послонялся по двору не зная чем ему заняться: друзей здесь у него ещё не образовалось, слушать разговоры взрослых было неинтересно, а читать книгу не хотелось и как только стемнело он ушёл к себе в комнату и уснул здоровым детским сном, не думая о грядущем и не вспоминая прошедшее время своей ещё короткой жизни.

Следующим днём всё повторилось: Пётр Фролович ушёл хлопотать насчет сына в училище, а Ваня с тёткой, которая попросила племянника называть её просто Машей, но при людях посторонних обращаться официально: Мария Андреевна – как и подобает мальчику десяти лет.

В училище Пётр Фролович застал, наконец, директора на своём месте и в несколько минут договорился с ним об обучении Вани. Дворянские дети обучались бесплатно, жить Ваня

будет у своей родной тётки, а бумаги для учёбы: метрику, свидетельство из земской школы и копию родовой дворянской грамоты Пётр Фролович привезёт непосредственно перед учёбой.

Директор училища: маленький, кругленький, подвижный человек, доброжелательный, как и большинство толстяков, записал Ваню Домова в класс к новому учителю, что приехал в городок после курса учительского института.

На том, деловая часть поездки Петра Фроловича закончилась и он со спокойным сердцем, что пристроил Ваню удачно, отправился к дому сестры, решив по дороге заглянуть и в её магазин, чтобы оценить достаток Марии: в доме обстановка была скромная, ещё от родителей Марии и потому следовало решить не будет ли Ваня ей в нагрузку, чтобы потом она не передумала и не пришлось бы Ване поселиться в пансион при училище, а то и похуже – вовсе сменить училище.

В прошлый приезд Пётр Фролович навещал этот магазин и ему понравилось, как Мария умеет управлять своим торговым заведением, но с той поры прошли годы, времена нынче трудные, и торговлишка могла захиреть или приказчики – вороватый народец, могли расташиловой порушить достаток Марии.

При ближайшем рассмотрении магазин Марии произвёл на Петра Фроловича благоприятное впечатление, во всём чувствовалась твёрдая хозяйская рука: забор обновлён, поставлены новые тесовые ворота, крыша покрашена суриком – видимо этим летом, во дворе порядок, приказчики вежливы и предупредительны, на прилавках изобилие товаров – не лежалых и хорошего качества, бакалея не засижена мухами, а в витринах на льду лежат куски свежего мяса, рыбец, масло, сыры, сёмга, осетрина и прочие деликатесы – и всё разложено аккуратно и раздельно, чтобы не смешивались запахи и вкусы.

–Эх, если бы при такой хозяйственности Бог дал Марии и внешность женскую, ей бы цены не было для семейной жизни – вздохнул Пётр Фролович, поднимаясь на этаж к Марии, которая как сказал приказчик, была у себя в кабинете.

–За достаток Марии можно не беспокоиться, значит, и Ваня будет у неё желанным племянником, наподобие сына, как она говорила, – думал Пётр Фролович, заходя в кабинет к сестре, которая укутав лицо шёлковым платком, сидела за столом и листала бухгалтерские книги, сверяя записи и суммы денег и товаров.

Ваня сидел рядом на диване и читал книгу, что прихватил из дома, чтобы не скучать.

–А, братец, заходи, – увидев Петра, молвила Мария. Я здесь сальдо – бульдо сверяю и Ваня при мне, чтобы одному дома не сидеть взаперти. У нас в городке вроде лихих людишек нет, но могут забулдыги позариться на купчиху, то есть на меня, но не лично, а на мой дом: нагрянут, а там мальчонка – вот я его с собой и беру, пока домработницу не присмотрю. Как насчёт учёбы: договорился или может мне дать директору мзду и мигом всё уладится.

–Ничего не надо, сестрица, – отвечал Пётр Фролович, всё само уладилось и можно в обратный путь, да ящик лишь через несколько дней заедет за нами. Вернусь же через два месяца, как Ване учиться начинать. А ты, сестрица, не передумала насчёт племянника? Ведь большую обузу берёшь на себя и на несколько лет: если в тягость, то скажи, я не обижусь и пристрою Ваню у нас в Мстиславле в пансион, как Фрося советует.

– Слышала я про твои отношения с Фросей и не виню за мужскую слабость твою к этой женщине, но думаю, что у тётки Ване будет лучше, чем в людях при пансионе. Мы с Ваней ладили уже и дальше будем жить ладком, правда, Ванечка? – спросила Мария и Ваня ответил: «Истинно так, Мария Андреевна», – словно отец был посторонним в этой комнате.

Тётка Мария уловила розыгрыш мальчика и весело рассмеялась. – Я же говорила тебе, братец, что сынок у тебя смышлёный и без злости внутренней, так что мы будем здесь жить поживать: я буду добра наживать, а Ваня будет ума и знаний набираться, и навещать вас, Пётр Фролович, на каникулы.

Может и я со своей красотой нагряну с Ваней в гости. Ты уж братец тогда расстарайся и подыщи женишка мне в пару: какого-нибудь горбуна скособоченного, – продолжала веселиться Мария, отложив учётные книги, где все записи оказались в ажуре, что и вызвало хорошее настроение хозяйки магазина.

– Ладно, дело до завтра потерпит, а теперь пойдёте все домой и я приготовлю вам знатный обед: уху из осетринной головизны, жаркое из барашка с картошечкой, разносолов всяких и сладостей к чаю, по случаю устройства Вани в училище и конца моему одинокому житью в большом доме.

Следующие дни до отъезда Пётр Фролович гулял с сыном по городу, показывая Ване все приметные места. Они слазили на колокольню, с разрешения церковного сторожа, дав ему пятак, и с колокольни храма Георгия Победоносца оглядели весь городок, как на ладони, с близкими деревеньками, виднеющимися на горизонте.

Речка Бася, петляя у городка, протекала вдоль городка, отделяя гладью воды Заречье, виднеющееся бурыми крышами домов в самой низине, видимо по весне частенько заливаемое в половодье.

Тётка Мария принесла с лавки рыболовных крючков, Пётр Фролович смастерил удочки и раза три они сходили на реку половить рыбку. Рыбалка не удалась, но отец с сыном были всегда рядом и объединены общими заботами, и Пётр Фролович сожалел, что дома уделял сыну мало времени, занимаясь лишь его учёбой и не знал толком ни увлечений Вани, ни его характера, прорывавшегося временами бурными эмоциями: если дело не давалось в руки или вовсе не нравилось мальчику.

– Ванька-то не так прост, как кажется, – думал Пётр Фролович, наблюдая с какой настойчивостью сын ходит по берегу речки, пытаясь найти местечко где повезет на поклёвку крупной рыбы, которая, со слов Марии, водилась в этой небольшой речке по омутам и заводям, неизвестным им, приезжим рыбакам-новичкам.

В урочный день приехал ямщик и отец с сыном, попрощавшись с Марией Андреевной, укатили в коляске домой, чтобы через два месяца вернуться сюда для Ивановой учёбы в уездном училище.

Дома их встретила заскучавшая уже Фрося, подробно расспросила об успехе в поездке и, убедившись, что Ваня доволен своим будущим местом жительства и учебы, даже тихонечко всплакнула в счёт недалекого уже расставания с сыном своего хозяина – сожителя.

Но натура она была добрая, долго тосковать не умела, да и Пётр Фролович сразу по приезду, когда Ваня убежал в деревню к сестре и знакомым ребятам, по-мужски утешил свою ключницу полной мерой, так что она потом ходила остаток дня вся светясь и напевая в домашних хлопотах.

VIII

Лето пролетело незаметно, но Ваня заметно подрос за лето, вытянулся в струнку по плечо отцу и когда Пётр Фролович объявил о скором отъезде к тётке на учёбу, радостно бросился собирать книги, что намеревался прихватить с собой из дома и все остальное. Одежду, обувь и школьные принадлежности обещалась купить тётка Мария, предупредившая Петра Фроловича об этом перед их отъездом и наказав не везти с собой старьё – иначе она будет обижена.

Пётр Фролович, зная волевой характер Марии, не разрешил Фросе покупать Ване новую одежду, а из старой одежды и обуви Ваня за лето вырос – так они и поехали к тётке, почти без вещей, со стопками книг, увязанных бечевой, под прощальные слёзы Фроси, которая по бабьи и не стесняясь кучера расплакалась, провожая хозяйского сына, как будто это был её собственный ребёнок, уезжающий в неведомую даль для какой-то учёбы.

К вечеру они подъехали к дому Марии без предупреждения, ибо Пётр Фролович письмом известил её о предполагаемом сроке приезда без указания точного дня. Мария, как раз в это время, занималась плотским грехом с заезжим крестьянином, привёзшим мёд в лавку и согласившимся в очередной раз ублажить хозяйку лавки, которая была весьма сладка в постели, а с уродливого лица, как говорится – не воду пить.

Во дворе стояла телега, рядом с которой распряжённая лошадь хрустела овсом, насыпанном в колоду. Ворота были заперты и калитка закрыта на засов. На стук Петра Фроловича вышла Мария едва одевшись из постели и, услышав голос братца, заторопилась обратно в дом предупредить мужика и лишь потом отперла калитку, встречая Петра Фроловича.

Из дома на крыльцо вышел здоровенный мужик с бородой лопатой и стал запрягать лошадь в телегу, искоса поглядывая на приезжих.

– Это мой поставщик мёда из ближней деревни, которого я попоила чаем перед обратной дорогой, – не смущаясь объяснила Мария, поправляя на голове свой платок, что скрывал её уродство.

– Знаешь же, братец, что за самоваром торговые дела лучше делаются, да и мне поговорить с приезжими в радость, заодно и уточнить, нет ли у них в деревне какого другого ходового товара для моей лавки.

Пётр Фролович с сомнением посмотрел на крестьянина, потом на сестру Марию и решив, что ничего непотребного между ними нет и быть не может, взял книги из коляски и вместе с Ваней вошёл в дом. На кухне, действительно, пыхтел самовар, на столе стояли две чашки с недопитым чаем, вазочка с мёдом и горка бубликов – видимо Мария действительно пила чай с этим здоровяком, что окончательно успокоило Петра Фроловича.

В прошлый приезд какая-то соседка шепнула ему, что Мария приваживает мужиков из деревень и прелюбодействует с ними, но Пётр Фролович, зная уродство Марии, засомневался в услышанном и посчитал это соседским наговором.

Ему бы не хотелось, чтобы сын Ваня как-нибудь нечаянно застал врасплох Марию с мужчиной в непотребном виде за прелюбодеянием, как заставал его с Фросей, не единожды, возвратившись из школы пораньше. Они тоже затворяли калитку на засов и пока Ваня стучал в дверь успевали привести себя в божеский вид, почему Пётр Фролович и засомневался поначалу, застав Марию с мужиком.

Мужик этот, запрягши лошадь, выехал со двора, попрощавшись с Марией поклоном за хлеб-соль и пожелав Петру Фроловичу здоровья, что окончательно развеяло подозрения брата относительно добропорядочности своей сестры. Кучер загнал коляску с лошастью во двор на освободившееся место и скоро все вместе сидели за столом, уплетая с дороги угощения Марии, что она выставила на стол.

Пётр Фролович с кучером выпили по чарке «Смирновской», потом по второй и незаметно прикончили всю бутылку, чтобы не оставлять зло на завтра – так говорят выпивохи, оправдывая свою слабость к бутылке.

Закончив ужин, мужчины пошли на ночлег, чтобы завтра Пётр Фролович устроил сына в училище и сразу двинулся в обратный путь, куда поторапливал кучер, оставив незаконченные дела по хозяйству из-за поездки.

Утром Ваня с отцом, позавтракав, сходили в училище, где директор получив необходимые документы от Петра Фроловича, зачислил Ваню в новый класс к молодому учителю, как и обещал в их прошлый приезд, и объявил, что занятия начнутся через неделю – так решил попечительский совет.

Пётр Фролович с Ваней вернулись к тётке Марии, отец попил чаю, взял кузов с припасами еды в дорогу, что приготовила Мария, и, попрощавшись с Ваней до рождественских каникул, укатил в коляске домой, оставив сына на попечении Марии.

Проводив отца Иван не стал грустить, а принялся разбирать книги, что привёз с собой для чтения. Тётка Мария, управившись по дому, позвала Ваню пройтись до портного, чтобы пошить школьную форму для занятий в училище.

Мария с племянником прошли к площади, где в проулке находилась ближняя портновская мастерская, и, толкнув дверь, они чуть было не столкнулись с маленьким лысоватым жидом – хозяином мастерской, что поспешил навстречу посетителям, предвкушая заказ на работу.

– Мальчику надо пошить форму для училища, можете исполнить? – строго спросила Мария лысого закройщика, осматриваясь в мастерской: комната была небольшой, полутемной, у окна стоял большой раскроечный стол с лоскутами материи на нём, а рядом стояла ножная швейная машинка «Зингер», на которой материал превращался в одежду.

– Конечно, сударыня, исполню в лучшем виде: таки Исаак пошил уже много раз форму для учеников и все были довольны, не огорчу и вас. Вот отрезы материи нужного цвета, но разного качества – вам какой изволите: получше или попроще?

– Мне хорошая форма нужна, – строго ответила тётка Мария, щупая и сжимая отрезы, что подложил закройщик на стол. – Вот этот, пожалуй, подойдёт, – остановила она свой выбор.

– У сударыни безупречный вкус, – похвалил закройщик выбор Марии, в которой он, конечно, признал хозяйку магазина, что был на соседней площади. И, от угодливости, жид склонился еще ниже и стал казаться еще меньше: не выше Вани ростом.

Портняжка снял мерку с Вани и, пообещав пошить форму к послезавтра, спросил: «Вашему мальчику форму пошить в самый раз или немного на вырост? Обычно шьют на вырост – мальчики в этом возрасте растут быстро и уже к зиме форма может оказаться коротковатой, особенно брючки, – спросил портной.

– Шейте враз, но оставьте подгиб на брюках, рукавах и пиджачке: если он подрастёт, то я сама подшив разглажу и удлиню форму, – подумав немного распорядилась тётка Мария и не прощаясь вышла из мастерской, вытолкнув вперед Ваню.

Мария сама была полужидовкой по матери и, как все полукровки, сторонилась жидов даже больше, чем обычные люди, хотя дважды в год, на праздники Пурим и Пейсах, она заходила в синагогу, как её приучила мать, но не молилась там, а лишь молча стояла поодаль от входа, вспоминая мать и быстро уходила прочь. К богам: что христианскому, что иудейскому она относилась с озлоблением за свою уродливость и, не зная, кто из них виновен в её недостатке, не жаловала обоих.

В церковь Мария конечно ходила, чтобы не вызвать пересудов соседей, но нечасто, ставила свечку, стояла, молча шевеля губами, шепча не то молитвы, не то проклятия, и также молча уходила, перекрестившись несколько раз на образа алтаря.

От портного они прошли в магазин одежды, что находился на другой площади, и там Мария прикупила для Вани три рубашки, ботинки для лета и сапоги для осени. Потом они прошли в писчий магазинчик, где купили принадлежности для учёбы: ранец, тетради, ручки деревянные со вставленными железными пёрышками, пенал для ручек и карандашей, коробку карандашей и ещё много мелочей, необходимых в школьной жизни. Учебники покупать не стали: Пётр Фролович, со слов директора училища, объяснил, что учебники купит учитель по своему выбору, чтобы все ученики класса располагали одинаковыми учебниками для облегчения учёбы.

Нагруженные покупками, тётка с племянником возвратились домой. Ваня начал пробовать ручки и карандаши, заправил чернильницу из бутылочки с чернилами, разлив при этом чернила на стол. Тётка Мария, однако, не заругалась, а быстро и ловко свела чернильные пятна со стола, но впредь решила сама доливать чернила и потому убрала пузырёк с чернилами к себе в шкафчик на кухне.

Закончив приготовления к школе, Ваня с разрешения тётки Марии вышел на улицу осмотреться и познакомиться с окрестностями: пора было осваиваться на новом месте жительства и заводить друзей.

На улице, через два дома, четверо ребят играли в бабки. Ваня подошёл присмотреться: в бабки играли и у них в деревне. Бабки – это округлые кости из лодыжек свиней, баранов, коз и даже коров, которые аккуратно очищались при забое скота и давались детям для игры. Игра заключалась в следующем: один игрок ставил свою бабку на землю, а другой игрок своей бабкой пытался сбить бабку противника с условленного расстояния, отмеченного чертой на земле. Кто больше бабок сбил у другого, например за пять бросков, тот и победил. Кости эти сохранялись в семьях и передавались от старших детей к младшим, как наследство, поскольку скот забивали не часто и запас костей почти не пополнялся.

Здесь игра проходила по тем же правилам. Ваня с интересом смотрел как один парнишка ловким броском сбивал бабки у других так, что им приходилось подставлять лоб для щелчков. Заметив Ваню, парнишка этот, оставив игру, подошёл и сказал:

– Я знаю, что ты живёшь у тётки Марии и будешь здесь учиться – это мне тятя сказал. Как тебя зовут?

– Ваня, – ответил Ваня.

– А меня Стёпой кличут – вот и познакомились. Давай в бабки играть на интерес, – предложил мальчик.

– Нет у меня бабок, я же только что приехал, и у тётки моей в доме бабок нет, – вздохнул Ваня.

– Давай я тебе продам штуки три, у меня их много, – предложил Стёпа, – у тебя, наверно, деньги водятся, если ты у тётки Марии живёшь: она известная богачка в наших местах.

– Конечно, она с чертями водится, потому и деньги ей черти помогают добывать, – сказал другой мальчик, – и на лице у неё чёртова отметина, мне мама говорила.

– Много ты знаешь, – возразил Стёпа. Мне тятка говорил, что тётку Марию, когда она родилась, чёрт из колыбели хотел утащить к себе в ад, но её мать перекрестила чёрта заветным крестом и выхватила дочь, но чёрт на прощание успел опалить лицо девочки адовым огнём, вот она с тех пор и мучается лицом.

– Как же мать спасла дочку Марию крестом? Вот враньё-то, – рассмеялся мальчишка, которого называли Митькой, – так я и поверил! Мать-то у неё была жидовкой, значит не могла она крестить чёрта, хоть и крещёная была. Нет, Мария сама с чёртом дружит и смотри, Ваня, тебя заставит с чёртом водиться и вместо ног у тебя копыта вырастут и не понадобятся тогда ботинки, что ты носишь, – закончил Митька с завистью поглядывая на новые ботинки Вани.

Все ребята были босые в этот теплый солнечный день, но близкая осень уже напоминала о себе прозрачностью воздуха, пожухлой травой и кое-где подрумянившимися листьями осин, росших вдоль улицы, да ещё тиньканьем синиц, начавших перебираться из лесов поближе к людям, среди которых было легче прокормиться зимой, чем в лесу.

– А может тётка Мария и вовсе ведьма, – встрял в разговор еще один мальчик по имени Федька, – тогда смотри, Ваня, тебе совсем худо будет: говорят, что ведьмы по ночам, когда человек спит, могут кровь из него сосать. Мамка говорила, что однажды проснулась, а вся подушка у неё в крови: не иначе ведьма присосалась.

– Полно вам пугать меня своими домыслами, – возразил Ваня. – Подумаешь, у тётки родимое пятно, а вы уже и чертей сюда приплели! Мне отец говорил, что если бы это пятно у тётки Марии было в другом месте, то никто бы и не заметил.

Денег у меня, Степка, нет, чтобы бабки купить для игры, но можно ведь и твоими поиграть на интерес, а взамен я принесу леденцов когда-нибудь. Вы грамоте разумеете? Нет? Тогда я буду вас с осени учить чтению. Я своих друзей в Охоне научил чтению и письму, и вас научу. Вообще-то, когда вырасту, то буду учителем, потому и сюда приехал на учёбу к тётке. Учитель

должен много знать, но у нас в селе только земская школа в три года учёбы, а здесь училище земское на шесть лет обучения.

Ребята с завистью посмотрели на Ваню: повезло ему родиться среди богатых, которые отдали его в учение, да и тётка Мария имеет магазин и угощает Ваню конфетами, а им с малолетства приходится трудиться в подмастерьях целыми днями, наравне со взрослыми, и редко выдается свободный день, как сегодня, чтобы вспомнить мальчишеские забавы и игры.

Обещание Вани о леденцах и учёбе чтению был принят на веру, Стёпка дал ему несколько бабок и игра пошла на щелчки, многие из которых достались Ване по его неловкости в начале игры. Потом он приноровился и тоже отвечивал щелбаны ребятам за их проигрыш. Игра затянулась и если бы тётка Мария не выглянула на улицу в поисках племянника и не позвала Ваню в дом, игра продолжалась бы до сумерек. С красным набитым лбом, но довольный своим знакомством и игрой в бабки, Ваня ушёл на зов тётки Марии, поужинал, почитал книгу, пока было светло, и лёг спать в сумерках, не зажигая лампу.

День, прожитый на новом месте, прошёл для Вани насыщенно, интересно и с пользой: он обучился игре в бабки и завёл друзей.

На следующий день Ваня сговорился с новыми друзьями пойти на речку с удочками порыбачить. Мария Андреевна отпустила его с наказом не купаться потому что Ильин день давно прошёл и купаться уже грех, и во-вторых, в речке этой много омутов, куда течением затягивает и не выбраться.

– Здесь здоровые мужики каждое лето тонут, бывает и дети малые в реке пропадают, а я за тебя в ответе перед отцом, потому обещай мне не лазить в воду и иди с Богом на свою рыбалку, – наказала ему тётка, собираясь в лавку.

– Если придёшь раньше меня, то ключ от замка лежит на крыльце под половиком, а поесть найдешь на кухне, чай не маленький и с голоду не помрёшь, но друзей своих новых, эту голь перекатную, в дом не води и из дома ничего на улицу не выноси, а то повадятся сюда ходить на дармовщинку, потом не отведать. – закончила тётка наставления и Ваня с удочками ушёл со двора на улицу, где в отдалении его поджидали Стёпка с Митькой, а другие не пришли, видимо занятые взрослыми делами.

Ребята знали все рыболовные места поблизости, наловили кузнечиков на берегу в луговой траве и бурьяне и вскоре сидели на обрыве над омутом, всматриваясь в поплавок удочек, которые смастерил Пётр Фролович в прошлый ещё приезд сюда с Ваней.

Рыбёшки жадно хватали наживку, видимо предчувствуя скорые холода и зимнюю жизнь подо льдом, где нет кузнечиков и мух, и через час-другой пара десятком окуньков и щурят плескались в яме с водой, вырытой рыбаками на отмели у самой воды. Стёпка нажевал хлеба, кусок которого он прихватил из дома и на эту жвачку поймал несколько довольно крупных плотвичек, чему был очень доволен.

– Сегодня сварит мамка уху из этой рыбы. Вот что значит ловить на магазинные крючки с которых рыба не срывается! Мы ловим на самодельные крючки из гвоздика согнутые, так на них одну рыбёшку из трёх или четырёх удаётся вытащить на берег, а остальные срываются и уплывают, – объяснил Стёпка.

Ваня тоже поймал несколько окуньков: из них парочка довольно крупных, с мужскую ладонь и был весьма рад рыбалке. Ловля рыбы на удочку особенно нравилась ему азартом борьбы рыбака и рыбки: кто успеет первым – рыба съест наживку или рыбак вовремя подсечёт эту рыбку. Ловить же сетью или бреднем – это уже не рыбалка, а добыча и интереса к этой добыче он не имел, как те мужики, что ловили бреднем рыбу семьям на пропитание.

С низины за рекой подул прохладный ветер, воду зарябило и ловить удочкой стало невозможно: было непонятно волна крутит поплавок или рыбёшка в глубине тащит наживку на крючке.

Рыбаки смотали удочки, насадили рыбу за жабры на ольховые прутики, очищенные от коры так, что образовались косички из рыбок, и довольные уловом пошли домой.

Ваня свой улов отдал новым друзьям, но выпросил у них две рыбки для теткиного кота Васьки.

С этим котом: чёрной масти с ярко-жёлтыми глазами Ваня подружился ещё в прошлый приезд, потому что Васька пришёл спать к Ване в комнату. Тогда вечером шёл дождь и котам, не переносившим мокроту с неба, было неуютно на крышах и чердаках, где они проводили время в сухие ночи в поисках приключений: драк с другими котами и соблазнения кошек. В тот вечер кот Васька зашёл в комнату к Ване, брезгливо встряхнулся, освобождаясь от капелек дождя, и прыгнув на постель, свернулся калачиком в ногах у мальчика, который не сбросил его и не прогнал прочь.

Днём Васька иногда подходил к Ване, тёрся об его ноги, позволяя погладить себя и вдруг, заслышав шорохи или что-то вспомнив, мгновенно исчезал в сарае, откуда у него были лазы на крышу и в соседские постройки. Раз два Ваня слышал вечером протяжные вопли котов перед боевыми поединками на крыше, а однажды даже увидел дерущихся котов на крыше соседского сарая, причём одним из бойцов был именно Васька. Уши у этого кота были порваны и с многочисленными дырками от укусов, но он не унывал и каждый вечер отправлялся на поиски приключений, возвращаясь под утро. Проснувшись, Ваня обнаруживал у себя на кровати спящего кота с довольной ухмылкой на мордочке и иногда с капельками крови на рваных ушах.

В тот майский приезд Ваня однажды застал Ваську в сарае усердно трудившимся над соседской кошкой. Завидев мальчика, Васька недовольно вякнул, схватил кошку за шкурку и утащил её волоком за поленницу дров, ибо сама она, устав от Васькиной любви, идти уже не могла. Через час, примерно, Васька вернулся, с трудом дошёл до крыльца и растянулся на пороге, показывая всем своим видом, как он устал и как ему хорошо. Пётр Фролович, помнится, сказал тогда, что животные, живущие с людьми, перенимают и их привычки и спариваются в любое время года, как и люди, потому что еда и кров есть и летом и зимой, и потому холода не мешают взращивать потомство.

Ребята понесли свой улов домой для ухи, а Ваня, зайдя во двор, бросил рыбёшек коту Ваське, что валялся на солнышке на крыльце щурясь одним глазом на мальчика. Кот, завидев бьющихся живых рыбёшек, в два прыжка оказался возле них и, прикусив им головы, с аппетитом уплёл улов Вани, потом подошёл к мальчику, потёрся об его ноги и усевшись на крыльцо принялся умываться, облизывая лапку и протирая ею свою мордочку.

Тётя Мария, которая была уже дома, покормила Ваню обедом и снова ушла в магазин, объяснив, что сегодня должны мужики приехать из сёл и привезти её товаров на продажу. Остаток дня Ваня провёл за чтением книги на диване в комнате, где в прошлый приезд ночевал его отец Пётр Фролович.

Неделя пролетела незаметно в сборах к школе. Ваня с тётей Марией забрали школьную форму у портного, который пошил её удачно, и мальчик смотрелся в этой форме нарядно, как маленький офицер, учитывая, что и школьную фуражку, под гимназиста, тётка прикупила ещё в прошлый приезд, но не показала Ване, надеясь порадовать его перед школой.

В урочный день Ваня вместе с тётей Марией вышли утром из дома и направились к училищу, встречая по пути других учеников: такого же возраста или постарше, которые тоже направлялись к училищу.

Сбор учеников, ввиду хорошей погоды был организован во дворе училища, засыпанным когда-то битым кирпичом, чтобы не было грязи в распутицу: за прошедшие годы этот кирпич утрамбовался, сравнялся, затёрся землёй и представлял собой ровную и чистую площадку, вполне подходящую для подобных торжеств.

Директор училища собственноручно собрал новеньких школяров возле себя и представил им их учителя – молодого человека с курчавой бородкой в студенческой еще форме учи-

тельского института города Вильны, по имени Борис Олегович Бутов, которого его ученики вскоре прозвали БОБ – по начальным буквам.

Борису Олеговичу предстояло учить своих учеников по всем предметам, кроме музыки, пения, гимнастики и закона Божьего на протяжении шести лет обучения в училище.

По команде директора все ученики, числом немного более ста, построились в линейку по классам, которых оказалось всего шесть, вместе со своими учителями прослушали приветственное слово директора, поздравившего их с началом нового учебного года и прошли внутрь здания училища, построенного лет десять назад по программе развития земских училищ за счёт казны, поскольку в городе собственных средств на образование детей изыскать не удалось.

Взамен город содержал дома для учителей, обеспечивал их дровами на зиму и иногда поощрял учителей небольшими денежными премиями к именинам или окончанию обучения.

Мария Андреевна помахала рукой издали своему племяннику Ване, когда он обернулся на пороге и пошла по своим делам в лавку, намереваясь потом приготовить торт к ужину по случаю учёбы Вани, которая только что началась на её глазах.

Сама Мария закончила лишь церковно-приходскую школу здесь же, но дальше учиться не пожелала по причине своего уродства и чтобы не быть насмешкой у других учениц. Но Мария много и системно читала и, имея цепкий ум, обладала знаниями, не уступающими выпускникам этого мужского земского училища, а может и превосходя их.

IX

Учёба Вани на новом месте началась со знакомства с учителем и одноклассниками. Борис Олегович повторил слова директора, сказанные о нем во дворе и начал знакомиться с учениками, которых оказалось шестнадцать человек десяти-двенадцати лет. Боб называл фамилию ученика по журналу и просил кратко рассказать: кто он, откуда и где учился раньше – так было удобно учителю, да и другие ученики узнавали немного о своих одноклассниках. Среди учеников оказались мещане, поповичи, трое из крестьян и лишь Ваня был дворянином.

Когда Ваня рассказывал о себе, кто-то из учеников крикнул, что он племянник ведьмы, которая держит магазин на площади. Учитель одёрнул того ученика, сказав, что никаких ведьм не существует – их выдумали люди в сказках, но Ваню с тех пор стали кликать Ведьмаком и эта кличка закрепилась за ним на всё время обучения в училище, да и друзья по улице тоже стали кликать его Ведьмаком.

Впрочем, Ваня на эту кличку не обижался: вполне приличная кличка для мальчика, не то что у других: одного кликали Косым за врожденное косоглазие, другого Губой – за отвисавшую нижнюю губу, а у третьего и вовсе была обидная кличка – Карлик, за малый рост и хотя этот Карлик через пару лет вырос и обогнал по росту всех остальных в классе – кличка за ним осталась навсегда.

Девочки, что учились неподалёку, в прогимназии, испуганно вздрагивали, когда ребята называли Ваню Ведьмаком, а приглядевшись в его разноцветные глаза и вовсе начинали испытывать к нему таинственный интерес: тётка ведьма – это знали все, да и сам Ваня с разноцветными глазами: не иначе и здесь не обошлось без нечистой силы – девочек же, как известно, тянет ко всему таинственному и непонятному.

Учитель Боб, как его сразу окрестил один из поповичей, объяснил свой способ обучения: он рассказывает и объясняет новые знания, потом закрепляет эти знания классным заданием, затем даёт задание на дом и наконец опрашивает учеников с отметкой в журнале. В школу надо ходить в форме, чтобы все выглядели одинаково и по одежде не различались достатком в семьях.

В первый день учёбы почти не было, поскольку учитель Боб не купил ещё учебники для всех учеников и потому он подробно рассказал об училище. Всего в училище было шесть классов – по числу лет обучения тоже получалось шесть. Каждый класс ведёт один учитель с пер-

вого по шестой год обучения. Учитель ведет почти все предметы. Закон Божий ведет дяк из ближайшей церкви, ещё есть учитель музыки и пения, и учитель гимнастики. Учиться предстоит шесть дней в неделю, кроме воскресенья, по четыре урока в день с 9 часов утра – поэтому к часу дня ученики освобождаются от занятий и успевают вернуться домой к обеду. Кто проголодается может перекусить немного на переменах, которые будут каждый час на десять минут и одна подлиннее – двадцать минут. Ношение формы в училище является обязательным. В сырую погоду при входе в училище необходимо вымыть обувь от налипшей грязи, чтобы не пачкать пол в классе.

Всё это объяснял новый учитель Бутов своим ученикам битый час, чтобы мальчики запомнили дисциплину поведения: поведение в училище тоже является самостоятельной дисциплиной – так и называется «дисциплина» и оценивается тоже отметкой.

За несоблюдение дисциплины есть наказания провинившихся: отметкой в дневнике, вызовом родителей в школу и даже исключением из училища за хулиганский проступок или оскорбление учителя.

Закончив свои объяснения, Борис Олегович предложил выбрать четырёх учеников, что пойдут с ним в магазин, куда привезли заказанные им учебники, а остальные ученики могут разойтись по домам, чтобы завтра с утра всем вместе приступить к занятиям по новым учебникам.

Ване домой спешить было незачем, и он добровольно вызвался помочь учителю, чем заслужил его одобрение.

Оставив ранцы в классе, четверо учеников в сопровождении учителя направились в магазин за учебниками. Магазин этот располагался неподалёку на площади и вскоре ученики возвратились в школу с увесистыми стопками книг в руках.

Учитель остался разбирать учебники и раскладывать их на партах по числу учеников, которых оказалось шестнадцать, а Ваня с товарищами по классу разбежались по домам, прихватив свои ранцы. Так закончился для Вани первый день обучения из долгих шести лет, что предстояло ему провести в этом училище, в этом городе у своей тётки Марии.

Дома тётка Мария встретила племянника праздничным обедом, который приготовила сама и красочным тортом с кремом, который заказала у булочника, чтобы не возиться самой – всё равно, как у булочника не получится, да и дешевле обойдётся купить, чем делать.

Вся торговля в городе была распределена между лавочниками по товарам: в городе были несколько булочных, в одной из которых делали торты на заказ к именинам или по другим обстоятельствам, две мясные лавки торговали свежим мясом, была рыбная лавка, молочная и керосиновая лавка.

Прочие лавочники, как и тётка Мария, торговали бакалеей, разными товарами, гастрономией, хозяйственной утварью и всякой всячиной: то есть теми продуктами, которые долго не портятся и не требуют специального хранения в ледниках, если стоит жаркая погода.

Ледник был, конечно, и у тётки Марии, но ведь не положишь рядом мясо, рыбу и сыр: они сохраняются, но напитаются чужими запахами, и вряд ли кто будет покупать такой товар. Вот и торты лавочники сами не пекли, а заказывали булочнику: городок небольшой и каждый житель знал, что, где и когда можно купить у каждого торговца в его лавке: и хорошего качества, и по сходной цене.

Одежду шили портные, обувь тачали сапожники, а всё прочее, чего не было в лавках, лавочники привозили по заказу жителей городка или те сами ехали за товаром в губернию, куда увозились также излишки продовольствия и изделия местных кустарей, иные из которых можно было встретить даже в столицах России и Европы.

Ваня рассказал тётке о первом дне занятий, поел и попил чаю с тортом и отправился погулять на улицу, чему Мария не препятствовала, сама собираясь уйти в лавку для присмотра

за приказчиками, которых у неё было двое и работали они посменно, через день, но с раннего утра и до позднего вечера.

Нагрузив карманы леденцами, которыми его угостила тётка в честь начала учебного года, Ваня вышел на улицу, но знакомых ему мальчишек там не оказалось: видимо были какие-то у них обязанности во дворах, откуда доносились людские голоса, кудахтанье кур и непонятный шум, сопровождающий людские дела.

От нечего делать, Ваня присел на лавочку около дома и стал сосать леденец, поглядывая, не появится ли кто на улице, однако улица была по-прежнему безлюдна.

Ваня собрался было уйти в дом и заняться чтением, к которому пристрастился уже давно, как только научился свободно читать, но из ближнего дома вышли трое его знакомых ребят с кузовами в руках и направились вдоль по улице мимо Вани.

–Куда это вы с кузовами? – удивился Ваня.

–Мамка послала Митьку в ближний лес по грибы, ну и мы решили вместе с Федькой тоже пойти поискать грибов в осеннем лесу. Позавчера были дожди, сейчас тепло и грибов должно было много нарвать в лесу, – рассудительно ответил Стёпка.

– Пошли с нами, если хочешь, – предложил он.

–Зачем ему грибы, – заметил Митька, – ведьма Мария ест, наверное, только мухоморы и Ваню ими кормит, чтобы тоже стал нечистой силою.

– Я грибов не ем, – возразил Ваня, – и тётка Мария тоже не ест, после того как отравилась грибами, значит она никакая не ведьма, мне отец говорил об этом. А грибы я собирать люблю и вам помогу набрать – если они будут. Вот вам по леденцу – это тётка меня угостила по случаю начала учёбы в училище, – и Ваня протянул друзьям по леденцу каждому.

Все дружно зачмокали леденцами и двинулись за город в лес, опушка которого виднелась в версте вдоль речки Прони.

Через полчаса мальчики вошли в лес. Было тихо, безмолвно и солнечно в лесу. Мохнатые ели, вперемежку с соснами, берёзами и дубами стояли вдоль опушки леса и уходили вглубь, словно призывая следовать за ними. Птицы уже не пели: многие улетели на юг, а остающимся на зимовку здесь было не до пения песен. Лишь синички весело тенькали, перескакивая с ветки на ветку в поисках жучков и гусениц, спрятавшихся от приближающихся холодов в расщелинах коры, где их и настигали шустрые птички. Под деревьями лежали сухие прошлогодние листья и хвоя, освещенные ярким, но не жарким уже солнцем и весь этот ковер из травы листьев и хвои переливался в пятнах солнечного света всеми цветами радуги. Капли дождя и утренней росы, скопившиеся в чашечках соцветий увядающих цветов, переливались как драгоценные камни. Лес готовился к долгим холодам и начавшееся увядание природы навевало тихую грусть о прошедшем лете.

Очарованный безмолвием и красотой леса, Ваня тихонько шел по разноцветному ковру, шуршащему под его ногами, как вдруг что-то хрустнуло: это он нечаянно наступил на гриб.

– Смотрите, смотрите, – закричал мальчик, – это груздь, а вот там ещё и ещё!

Ребята торопливо вытащили самодельные ножички из берестяных кузовов и принялись искать и срезать грибы, выбирая крепкие и без червоточин. У Вани ножа не было, и он пошел дальше в поисках других грибных мест. В зарослях сосны он обнаружил семейство рыжиков, которые оранжевыми пуговицами рассыпались под соснами и цепочками уходили к соседним деревьям. Грибов оказалось так много, что через час кузова ребят наполнились доверху груздями, рыжиками, и боровиками, несколько из которых отыскал Ваня под дубами и березами.

Довольные своею добычей, дети вышли из леса, и присели отдохнуть на берегу реки Прони, что была в том месте шириною не больше двадцати детских шагов. Прозрачная по осеннему вода, тихо журчала у ног, утекая в неведомую даль на север, чтобы слиться с Днепром и потечь в обратном направлении на юг к Черному морю, а за ним начинались заморские страны, о которых Ваня читал в книжках.

В воде стайками мелькали рыбешки: они то останавливались неподвижно, то разбегались враспынную, едва окурек или шуренок приближался к ним. Длинные, узкие листья водорослей извивались, будто змеи, вытягивались в струях воды по течению и скрывали рыбешек от прожорливых хищников, которые не могли проскользнуть сквозь густые заросли водяных растений. Ребята притихли на берегу, заморожено вглядываясь в быстрые струи воды, скользившие мимо них.

Вдруг солнечный луч пробился сквозь листву деревьев, упал на воду и осветил темную корягу у самого берега, которая от света чуть шевельнулась и оказалась здоровенной щукой. Степка вскочил в азарте рыболова и щука, почувствовав дрожание земли, немедленно скрылась в темную глубину реки.

– Эх, жаль удочки не взяли, – огорчился Степка, – глядишь, и поймали бы эту щучину на малька, вот была бы удача.

– Ладно, завтра сходим на речку с удочками, в это же время, а сейчас пора идти домой, пока грибы на жаре не пропали, – одернул Митька своего товарища размечтавшегося о рыбалке.

– Ты Степка, прямо, как в сказке про Емелю: все хочешь сейчас и сразу, а меня тятя учит, что надо сделать одно дело до конца и лишь, потом приниматься за другое. Однако пойдете к дому, что-то тучки небо стали закрывать, как бы под дождь не попасть.

Ребята поднялись и быстро – быстро зашагали к околице: с запада действительно надвигалась сизая туча, которая на глазах темнела и ширилась в разные стороны, заняв вскоре половину неба. Туча прикрыла собой солнце, потянуло прохладой, и не успели ребята подойти к своим домам, как первые редкие и крупные капли дождя упали на землю, взбивая пыльные облачка.

Ребята разбежались по домам, уговорившись на завтра пойти порыбачить удочками. Ваня едва взошел на веранду, как прямые струи дождя ударили по земле, слились в сплошную пелену и сразу бурные потоки воды, поглотив пыль, зажурчали по двору, сливаясь в ручей, который через подворотню понес воду в уличную канаву и дальше в реку Басю. Засверкали молнии, загревели раскаты грома, дождь превратился в ливень, и тетка Мария испуганно выбежала из дома, на веранду, но увидев Ваню стоявшего под навесом крыльца, успокоилась и присела на скамью.

– Я думала, что ты попал под дождь, где-нибудь на реке и собралась искать, чтобы не простудился: сейчас дождь обманчив, не то, что летом. Ознобит мокрого тебя враз и можно получить горячку. Где же ты был так долго, что не видать ни на улице, ни у реки, куда я тоже выглядывала еще до дождя? – спросила Мария.

– Мы с ребятами ходили в лес по грибы и успели вернуться до дождя, а вас, тетя, я не смог предупредить, потому, что вы ушли в свой магазин, – оправдывался Ваня.

В это время на веранду ворвался кот Васька, весь мокрый и стал, брезгливо оттряхиваться: видно его дождь застал – таки, на открытом месте и даже поспешное бегство не помогло ему выйти из воды сухим.

– Видишь, Ваня, даже кот промок весь, а если бы ты попал под дождь, тоже вымок до нитки. Ладно, пойдём пить чай с торгом, праздник начала занятий еще не закончился, – проговорила Мария и увела мальчика с веранды, где тоже стало прохладно и сыро.

Они попили чаю. Из-за дождя быстро стемнело и Ваня, собрав ранец для завтрашних уроков, лег спать и быстро заснул крепким сном, весьма довольный проведенным первым школьным днем.

Дождь лил всю ночь и прекратился лишь утром, оставив после себя размокшую уличную пыль, превратившуюся в грязь, с многочисленными лужами и полными канавами на обочинах.

Ване пришлось надевать сапоги, чтобы добраться в школу. У входа в школу столпились ученики, которые волосяными щетками смывали грязь с обуви в длинных колодах с водой,

лежащих по бокам крыльца у входа. На входе школьный сторож, которого все звали Петровичем, внимательно осматривал обувь каждого ученика, и заставлял снова мыть ее, если обнаруживал грязь. Из-за этой процедуры уроки начались с опозданием, но учителя не ругались, решив, что чистота в школе важнее нескольких потерянных минут занятий. Учитель Боб посоветовал своим ученикам приходить в грязные дни пораньше, чтобы успеть вымыть обувь и начал свой первый урок арифметики.

– Мы быстро вспомним, все чему вас учили в земской школе или дома и лишь, потом пойдем учить дальше: если не знать основ каждого предмета, то дальнейшие знания будут непрочными – это все равно, что строить дом на песке, – пояснил Борис Олегович свои намерения. Торопиться в учении нам не следует: программа обучения довольно легкая и моя задача, чтобы вы, школьники, усвоили эту программу по каждому предмету, несмотря на разницу в возрасте и в знаниях. Действительно, в классе Вани были и восьмилетние и двенадцатилетние мальчики: одни учились дома с репетиторами, а другие учились по несколько лет в земской школе, по два года в одном разряде.

К Покрову, когда действительно выпал первый снег и тут же растаял, Боб со своими учениками успел повторить азы всех дисциплин и начал продвигаться дальше, образовывая школьников уже по программе училища.

Ваня за это время вполне прижился у тётки Марии и даже подружился с ней, обнаружив, что за изуродованным лицом этой женщины скрывается мягкая и добрая натура, принужденная жить так, как ее заставляют отношения окружающих людей, видящих в ней уродливую женщину и полагающих, что у Марии такая же уродливая душа.

Тоскливыми осенними вечерами, когда домашние уроки уже сделаны, а читать книги, перечитанные уже по несколько раз, ему не хотелось, Ваня уговаривал тётку Марию на игру в карты: дурачка подкидного, чему его обучили здешние приятели, что жили неподалеку. Мария не всегда, но соглашалась поиграть на уговор несколько раз и мальчик с уродливой женщиной весело играли в эту простую картежную игру, радуясь каждому своему выигрышу, как победе.

Наступило Рождество, ударили холода, редкие даже для этих мест и отец, из-за мороза, не приехал за Ваней, чтобы увезти его домой на каникулы, как обещал. Ваня не сильно-то и расстроился: теперь у него здесь образовались друзья по классу и друзья по улице и каждую свободную минуту от учебы он предавался играм со сверстниками: с теми, кто был тоже свободен и имел настроение.

Мария разрешила приводить одноклассников в дом, чтобы вместе делать домашние уроки, почитать вслух книгу или поиграть в шашки, чему она обучила Ваню, а тот обучил весь свой класс.

Ребята охотно приходили к Ване в гости, зная, что тётка Мария напоит их чаем с вареньем, даст по леденцу, и не будет мешать им, заниматься выбранными делами. Приходя потом домой, школьники рассказывали родителям, какая тётя Мария добрая и заботливая и от этих рассказов сыновей дурная слава про Марию начала постепенно затухать, оставляя лишь сочувствие к уродливой женщине.

В Рождественские каникулы Ваня катался на санках с крутого берега реки Баси, а когда морозы ослабели, он с друзьями по улице, построил на берегу снежную крепость, которую облили водой из реки, так что снег превратился в лед, и устроили игру в снежную крепость. Он с друзьями защищал крепость, отбиваясь снежками от нападавших врагов, которыми изображали себя ребята с соседних улиц. Много носов было разбито в этих играх с обеих сторон, но никто из мальчиков не жаловался и не хныкал, а утерев кровь снежком, с еще большим азартом продолжали сражение.

К концу каникул пришло письмо от отца, в котором говорилось, что он простудился и потому не смог приехать за сыном. Ваня от этого известия не огорчился и не обиделся: каникулы он провел весело, как и положено одиннадцатилетнему мальчику, которому не надо тру-

диться, чтобы заработать себе или родным на пропитание и проживание, чем занимались почти все его друзья с улицы.

Жизнь у тётки вполне понравилась Ване: друзей здесь оказалось больше, а дела и забавы интересней, чем в родном селе, где все его сверстники уже трудились весь день на крестьянском подворье своих родителей, чтобы прокормиться от урожая до урожая. Даже тёткины причуды не мешали Ване. Дело в том, что однажды он вернулся из школы почти сразу: уроки не состоялись из-за болезни Боба и Ваня уже прикидывал, как распорядиться ему свободным днем. Во дворе стояли сани, и запряженная лошадь хрустела сеном, наваленным для нее охапкой из сеного сарая: тётка лошадей не держала, но сено и овес у нее всегда были для заезжих торговцев.

Войдя в дом, Ваня услышал стоны и вздохи, которые иногда слышал из отцовской спальни от Фроси, если долго не мог заснуть вечером или случайно просыпался ночью, чтобы сбежать в туалет. Эти игры взрослых мужчин и женщин были ему известны еще от деревенских друзей, и он удивился лишь тому, что тете Марии удалось отыскать себе мужчину, несмотря на свое уродство. Стараясь не шуметь, Ваня прошел в свою комнату и устроился читать новую книгу, что ему дал товарищ по классу. Все одноклассники, которые любили читать книги, договорились обмениваться ими между собой, чтобы не перечитывать свои книги по много раз.

Скоро стоны и скрипение кровати стихли, послышались тяжелые мужские шаги, и потом легкие шаги тётки Марии, которая заметив приоткрытую дверь в комнату Вани, заглянула внутрь в одной рубашке и платке на голове и, увидев Ваню с книжкой в руках, смутилась и спросила, почему он дома. Ваня спокойно объяснил, что уроков нет из-за болезни учителя, и тётка, прикрыв дверь, удалилась в кухню. Через некоторое время послышался скрип открывающихся ворот и лошадь с санями и седоком выехали со двора.

Тётка снова зашла к Ване в комнату и присев на стул сказала:

– Ваня, ты уже взрослый мальчик и должен понимать, что у меня могут быть разные отношения с мужчинами, поэтому в следующий раз, если увидишь во дворе повозку, то тебе лучше погулять, пока я не закончу все дела, и торговец не уйдет со двора. Так сложилась моя жизнь и ничего поделаться с этим нельзя, но и винить свою тётку Марию в разных грехах, тебе тоже не следует. Разве тебе плохо у меня, живется, Ваня? – закончила тётка Мария свои объяснения и, не ожидая ответа, ушла в свою комнату. Ваня и не думал обвинять тётку в распутстве и вечером, как ни в чем не бывало, они сели играть в карты и тетка Мария проиграла, чему Ваня был очень доволен.

С той поры, несколько раз, приходя из школы, Ваня, завидев во дворе упряжку, не торопился в дом, а шел прогуляться до книжного магазина, и если видел там интересную книгу, то возвращаясь домой, когда двор был пуст, он просил тётку купить эту книгу в чем никогда не испытывал отказа, ибо тётка Мария удовлетворив свою плоть с заезжим мужиком была добра и уступчива.

Незаметно наступила весна, и Ваня целыми днями после уроков бродил по городку один или с товарищами по училищу, наблюдая как ручейки талой воды, устремляются в канавы вдоль улиц, образуют потоки, которые скатываясь водопадами с береговых обрывов, с шумом вливаются в речку Басю ещё покрытую ноздреватым бирюзовым льдом с многочисленными проталинами.

В ручьях ребята пускали самодельные кораблики или просто обломок доски и бежали за ним вдоль ручья, пока он не вливался в реку. Этими забавами можно было заниматься до самого вечера, если тётка Мария, возвращаясь из своего магазина, не загоняла Ваню в дом, чтобы сменить промокшую насквозь обувь и выучить уроки. Впрочем, Ваня учился успешно, в основном на отличные отметки и особого контроля за собой не требовал.

Вечерами, когда темнело, ребята придумали новую забаву: запускать огненного змея. Брался камень и пучок пакли, камень заворачивался в паклю и обматывался бечевой, оставляя хвост с пол-аршина длиной, к этому хвосту привязывался кусок тряпки, и змей готов. Пакля

смачивалась керосином, который мальчишки сливали из керосиновых ламп у себя дома, поджигалась и, раскрутив змея за хвост, он запускался в вышину синеего неба, гудя огнем, словно настоящий змей Горыныч. Взрослые поначалу снисходительно смотрели на забавы ребят, пока один змей не залетел в чей – то двор и едва не устроил пожар. Ребят прогнали с улицы, и они стали запускать змеев на берегу речки на пустыре.

Скоро снега сошли, под лучами весеннего солнца зазеленела молодая травка, почки на деревьях набухли, лопнули и молодые листочки покрыли ветки деревьев и кустов акации – весна пришла окончательно.

Занятия в школе закончились, и через неделю у ворот тёткиного дома заржала лошадь: это Петр Фролович – отец Вани, приехал за сыном забрать его домой на все лето. Видом сына и его успехами в учебе Петр Фролович остался доволен, за что благодарил сестру Марию, но улучив момент, спросил Ваню, не обижала ли его тётка, не корила за нахлебничество, и окончательно успокоился, услышав от сына, что они с тётёй Марией живут дружно и без ссор.

Уже на следующее утро Ваня с отцом выехали со двора, направляясь к дому. Кучер – сосед Петра Фроловича, как всегда торопился вернуться домой: был самый разгар посевной, и он лишь на два дня согласился отлучиться с полей, чтобы немного заработать кучером, по просьбе Петра Фроловича. Тетя Мария немного всплакнула у ворот, провожая племянника, домой на летние каникулы: за год она привыкла к Ване и жить вдвоем и вот теперь снова оставалась одна в большом доме.

– Жду, тебя Ванечка в конце лета, продолжать учебу, – всхлипнула тетя Мария, и помахала вслед платочком, когда повозка с седоками выезжала со двора.

Солнце лишь поднималось над лесом, когда повозка выехала из городка и лошадь быстрым шагом поспешила по проселочной дороге, приближая Ваню к родному дому, который он покинул прошлым летом и почти не вспоминал за этот год, увлеченный учебой и новой жизнью у тётки Марии.

В лесу пели птицы, молодые листочки чуть шелестели на слабом ветерке под лучами майского солнца. Вдоль обочины, тут и там виднелись весенние цветы – ландыши и воздух был наполнен ароматами трав и цветов, а впереди у Вани было целое лето свободы.

Так закончился первый год жизни мальчика за пределами родного дома: вполне благополучно, без особенных приключений, но интересно и беззаботно и не испытывая лишений. Он не знал еще, что все оставшиеся годы детства и всю юность ему предстоит жить за пределами родного дома, поэтому не ценил отчий кров и не особенно-то стремился домой, вполне довольный своею жизнью у тетки Марии.

Х.

Лето у отца прошло довольно скучно и в одиночестве. Все мальчишки его возраста уже работали с родителями в поле, огороде или во дворах и выходили к реке лишь под вечер, чтобы окунуться и прохладные воды и смыть с себя пот и усталость от рабочего дня. Мальчишки 10-12 лет работали наравне со взрослыми полный день, уставали от недетского труда, и сразу после купания в реке шли домой, чтобы отдохнуть и отоспаться для следующего трудового дня.

По этой причине Ваня всегда, был один: что на реке, что в лесу, куда он любил ходить послушать пение птиц, отыскать ежика и покатасть его на траве палочкой, когда он свернется в клубок, или просто наблюдал за жизнью муравьев, присев рядом с муравейником.

Дома он тоже проводил время в одиночестве – отцу было уже под шестьдесят лет и не до забав с мальчиком, а Фрося постоянно хлопотала по хозяйству: наводила чистоту в доме, готовила еду, стирала и выполняла прочие обязанности хозяйки дома, так что крутиться ей проходило с рассвета до заката.

Дважды Ваня с отцом ездили в уезд, чтобы купить ему кое-какую одежду: хотя Ваня подросток совсем немного, но за год одежда поистрепалась. Тётка Мария конечно покупала ему и одежду и обувь, но отец не хотел, чтобы сестра думала, что он спихнул ей сына на попечение, а потому и придел немного Ваню, чтобы тот возвратился к тетке в обновках.

Худо – бедно, но лето прошло, и отец отвез Ваня обратно к тётке Марии продолжать учебу, которая текла спокойно, как река Днепр, куда мальчишки сходили однажды в поход чтобы посмотреть на большую реку: большую конечно по сравнению с речкой Басей – настоящих больших рек Ваня не видел в своей жизни.

Без волнений и хлопот Ваня проучился еще четыре года. Ему исполнилось 15 лет, когда он начал вдруг быстро расти и к лету Ваня подросток вершков на пять, превратившись из мальчика в юношу двух аршин и семи вершков ростом: на два вершка выше своего отца. Когда Ваня приехал с отцом на очередное лето, Фрося не сразу признала в высоком юноше мальчика Ваню, а признав, долго охала, удивляясь его росту.

– Я, было думала, что ты так и останешься небольшого роста, как твой отец и братья, а ты вон как вымахал за зиму и перерос их всех. Ну, теперь все девки на селе будут Ваня бегать за тобой: высокий дворянин, да с разноцветными глазами – что еще нужно крестьянской девушке, чтобы потерять голову. Только ты осторожней будь с ними: у нас на селе совращение девиц не прощается – или женись или могут братья и родственники забить тебя до смерти за поруганную честь девушки. Смотри, ненароком не испорти девушку здесь и учти, что целовать в губы девушку тоже нельзя, – наставляла Фрося юношу, любуясь видом подростка за зиму Вани.

– Ну что вы, тетя Фрося – смущался Ваня, – какие могут быть девушки для пятнадцатилетнего подростка.

– Именно в этом возрасте и начинается юношеская тяга к девушкам, – убежденно возразила Фрося, – еще ничего неизвестно, про любовь, но уже всего хочется. Я, помню, в твоём возрасте начала заглядываться на парней, пока один из них, постарше, тоже не присмотрел меня. Мы прогуливались вместе по селу, ходили на посиделки за околицу, а через год он посватался и стала я мужней женой. Потом он утонул в нашей речке, и оказалась я при твоём отце Петре Фроловиче, вначале в прислуге, а потом уж, когда твоя матушка померла, стала невенчанной женой твоему отцу, каковою и пребываю и ничуть об этом не жалею. И ты, конечно, присмотришь здесь соседскую девушку, например, Дашу, что неподалеку живет – тоже вошла в невестин возраст и расцвела, будто цветочек полевой.

Подкатись к ней, но без баловства, глядишь, и летом скучать не придется, – посоветовала Фрося и ушла на кухню готовить обед, а Ваня, покраснев от смущения, остался в своей комнате, где и состоялся этот разговор.

Девушку Дашу, он уже видел, проезжая мимо ее дома с отцом и заметил, как она вскинулась взглядом на него и быстро отвела глаза долу, склонив голову. Ваня не признал в ней соседскую девчонку, которая в прошлый его приезд часто пробегала мимо него к реке, – там у нее была укромная заводь, где девчонка купалась в одиночестве или с подружками, обнажаясь донага на пустынном берегу и с визгом бросаясь в воду, чтобы смыть пот и усталость после дневной работы.

Сейчас девчонка превратилась в миловидную девушку с округлыми формами тела и завораживающим взглядом голубых глаз.

Пробыв у отца с неделю, Ваня дважды встретил девушку около ее дома, когда она направлялась вечером к реке, где видимо и купалась как в прошлые годы. При этих встречах Ваня торопливо здоровался с девушкой и быстро отводил глаза, встречая открытый взгляд Даши, которая, не скрывая интереса к юноше, пристально смотрела на него, любуясь смущением и застенчивостью Вани при встречах с ней.

Как– то вечером, завидев Дашу, направляющуюся к реке, Ваня тайком последовал за ней, скрываясь за деревьями рощи, что тянулись от его дома до самой реки. Увидев, что девушка спустилась к реке, он пробрался в кусты шиповника, что росли над обрывом у берега, и осторожно раздвинув колючие ветки, посмотрел вниз.

Даша плескалась в воде чуть выше пояса и упругие девичьи груди то показывались из воды, то исчезали в волнах, когда девушка, повизгивая, окуналась в воду с головой, так, что на поверхности оставались лишь длинные пряди распущенных русых волос.

Накупавшись, Даша пошла к берегу и предстала пред юношей во всей прелести девичьей наготы. Точеные девичьи формы плавными изгибами бедер окружали пушистый треугольник ее лона, который манил взор юноши ещё неведомым ему блаженством. Кровь желания удалила Ване в голову и он, тихо выскочив из кустов, кинулся в лес не разбирая дороги и сохраняя в памяти всю наготу девушки.

Обнаженное женское тело он увидел впервые в своей жизни, и оно манило его, как мотылька манит свет лампы, зажженной вечером на веранде и мотылек подлетает к лампе и, обжигаясь, падает рядом серым недвижимым комочком.

Подбежав к дому, Ваня присел на лавочку у ворот и чуть отдышавшись, увидел Дашу, возвращавшуюся с реки. Волосы девушки были завязаны узлом и скрыты под косынкой, а ситцевое платишко плотно прилипло к мокрому телу, рельефно очерчивая все формы ее тела, которые недавно Ваня видел наяву. При виде девушки, сладкий спазм возник у юноши в паху, его плоть восстала и он, покраснев от смущения, проводил девушку долгим взглядом вслед. Даша прошла мимо, не оборачиваясь, дошла до своего дома и лишь там, обернувшись и, помахав Ване рукой, скрылась во дворе.

Весь вечер Ваня ходил как потерянный, вспоминая наготу девушки и всякий раз испытывая прилив ранее неведомого ему желания. После ужина он пошел в свою комнату, полистал книгу, отбросил ее и, улегшись в кровать, снова и снова видел перед глазами изящную наготу девичьего тела. Он представлял себе, что Даша здесь рядом, и он прикасается к ней, обнимает за талию, скользит рукой вниз к бедру и вот уже наглаживает пушок девичьего лона.

От этих мыслей, его юношеская плоть восстала вновь, мучительная сладость возникла в паху, ударила в голову и содрогнувшись в неведомом желании его плоть толчками извергла из него семя омочив простыню. Юноша замер в опустошении, впервые в жизни испытав приступ мужского желания, которое вдруг удовлетворилось само собой от одних лишь мыслей и мечтаний о близости с женщиной.

Ване стало стыдно за случившееся, и он носовым платком старательно затер пятна на простыне, чтобы Фрося не дай бог случайно, не увидела на простыне результаты его мечтаний о девушках.

Через неделю Ваня познакомился с Дашей, когда она снова пошла на речку. Ваня, как бы случайно, тоже пошел к реке по той же тропинке, и Даша первой заговорила с ним. Ваня по юношеской неопытности еще не знал, что мужчина выбирает ту женщину, которая его уже выбрала и своим поведением облегчает первое знакомство и последующие отношения – если после знакомства ее мнение не изменилось.

– Куда это вы, Ваня, направились, – уж не купаться ли со мной задумали, так я с вами купаться не буду: на мне лишь одно платье, мочить его я не желаю, а нагишом взрослые люди вместе не купаются, – засмеялась девушка.

– Откуда вы знаете, Даша, как меня зовут, – изобразил удивление Ваня, сразу же приблизившись к девушке, чтобы продолжить путь вместе.

– Да вас Иван Петрович, может только слепой Степан, что живет у церкви, не знает, – ведь, вы сынок нашего соседа Петра Фроловича, бывшего барина. Вы тоже знаете, как меня зовут, и я этому не удивляюсь: на селе почти каждый всех сельчан знает в лицо, а уж приезжих

из города бабы обсуждают у колодца каждый день. Я поначалу не признала вас, в прошлом году вы приезжали совсем мальчиком, а сейчас парень – хоть завтра женить можно.

– А вы, Даша, и вовсе превратились в лебедушку из серой уточки и мне ни за что вас не признать, если бы тётя Фрося не указала, что вы и есть та девчонка, что прошлым летом бегала мимо нашего дома на речку, где и купалась голышом: я не видел, но ребята говорили, – добавил Ваня, увидев, что девушка зарделась от стыда, думая, что Ваня подглядывал за ней в прошлом году. Она покраснела бы еще больше, если бы узнала, что совсем недавно, и он видел ее прелестную наготу уже не девочки, а почти взрослой девушки.

За разговором они подошли к речке, но купаться не стали, а лишь посидели на берегу. Ваня стал рассказывать о своей жизни в городе, об учебе в училище и о друзьях, а Даша внимательно слушала его, интересуясь подробностями городской жизни и вздыхая, что здесь на селе жизнь довольно скучная, и если бы не постоянная работа по дому, то кроме посиделок молодежи за околицей – других развлечений и нет. А на посиделки она будет ходить лишь с осени, когда ей будет шестнадцать лет.

Ване осенью тоже должно было исполниться шестнадцать: они оказались ровесниками, но в мыслях и поступках Даша была уже взрослой девушкой, а Ваня оставался отроком, хотя и заканчивал через год полный курс училища. Даше учиться довелось лишь два года в земской школе села у учителя, который учил когда-то и Ваню, потом Даше исполнилось тринадцать лет, и дальше учиться вместе с мальчиками было уже нельзя – такие правила на селе. Но крестьянская сметливость и женская интуиция восполняли девушке недостаток образования, и общаться с ней было Ване легко и интересно, не говоря уже о сильном влечении, этих молодых людей друг к другу, повинувшись природе.

Они встретились под вечер на берегу речки, садились рядом и рассказывали о том, как прошел день или о каком-нибудь случае из их коротких ещё жизней. Больше говорил Ваня, а девушка внимательно слушала, иногда прося пояснений или высказывая свое мнение, но ненавязчиво, чтобы не обидеть Ваню. Сидя рядом, с девушкой, Ваня как бы ненароком и случайно касался рукою ее плеча, а помогая встать, обнимал Дашу за талию, и вся кровь прилиwała ему к лицу, когда он ощущал под руками нежное и податливое тело девушки.

Даша, чувствуя желание юноши, отстранялась не сразу, давая ему возможность дольше прикасаться к ней. Однажды, как бы нечаянно, Ваня прикоснулся ладонью к груди девушки и, не встретив отпора, сжал грудь в своей руке, ощущая нежную и тонкую упругость этой запретной части девичьего тела. Даша тогда резко отстранилась от Вани, вспыхнула лицом и тихим голосом попросила не делать этого больше.

– Я знаю, что тебе не пара и нам никогда не быть вместе. Ты барин и скоро уедешь учиться дальше, а мне оставаться здесь жить навсегда. Если я уступлю тебе сейчас – это будет радость для нас обоих, но ты уедешь, а я останусь здесь порченной – так называют у нас девушек, которые побаловались с парнями: их никто потом не берет замуж, а часто и родители выгоняют из дома. Будем просто друзьями, можешь иногда обнять меня – это так приятно, находиться в объятиях юноши, который нравится – но больше никаких вольностей: я себя буду блюсти для будущего мужа.

Ваня послушно выполнял эти условия девушки: прощаясь на опушке, он обнимал и тискал девушку, целуя ее в шею, Даша со смехом вырывалась и убегала домой, а Ваня, разгоряченный, еще долго сидел на лавочке возле своего дома, вспоминая теплую упругость девичьего тела и взгляд ее бездонных голубых глаз при расставании. Потом он шел в дом, выпивал стакан молока, что оставляла ему Фрося на столе веранды, и бросался на свою кровать, подминая и тиская подушку, как – будто это была Даша, пока сон не одолевал его мечты о близости с девушкой. Часто ему во сне проходила Даша, совсем нагой, как он видел ее на реке, прижималась к нему всем телом, и Ваня просыпался в сладко – мучительном семяизвержении, которое случалось с ним наяву от сновидений.

Незаметно лето подошло к концу. Ваня хотя и не добился желаемого от Дашы, но считал, что это лето он провел с пользой, встречаясь с девушкой, которая ему нравилась.

Накануне отъезда, вечером, Ваня долго обнимал и целовал Дашу в шею, прижимал ее всем телом к себе, чувствуя, как девушка ощущает желание его восставшей плоти войти в нее, отчего Даша содрогнулась и, наконец, отстранившись от него хрипловатым от волнения голосом, тихо сказала, впервые целуя Ваню в губы, бесстрастно, но нежно:

– Жаль Ваня, что ты барчук, а я крестьянка и нам никогда не быть вместе. Был бы ты крестьянским сыном, я сейчас же отдалась бы тебе полностью, всматриваясь, как твои разноцветные глаза туманятся страстью обладания мною. А осенью ты бы взял меня в жены, и жили бы мы долго и счастливо, как говорится в сказках. Но крестьянка барину женою быть не может, а быть любовницей я не хочу и не могу. Вот и приходится нам расставаться навсегда, не познав себя, как муж познает жену. Почему люди рождаются в разных сословиях и почему не могут быть вместе? Разве это справедливо?

Ты нравишься мне, я понравилась тебе – что еще нужно людям для счастья? Но ты дворянин, я крестьянка и у нас не может быть счастья на двоих.

Прощай Ваня, навсегда, и помни меня, а я буду помнить тебя как первого юношу, которого сама целовала в губы. Побежали, слышишь, отец кличет меня домой, опасаясь, чтобы мы не наделали глупостей, – закончила Даша, крепко и страстно поцеловала Ваню снова в губы, отчего у него закружилась голова и зазвенело в ушах, вырвалась из его объятий и убежала на зов отца, оставив юношу одного.

С опушки леса он видел, как Даша подбежала к своему отцу и покорно пошла за ним в дом, успев повернуться и тайком помахать Ване рукой на прощание.

Они скрылись во дворе, а тем временем отец Вани вышел из ворот усадьбы и уселся на лавочке, дымя самокруткой, и видимо поджидая сына. Ваня пошел к дому, делая вид, что возвращается с речки. Подойдя к отцу, он присел рядом и молча наблюдал, как солнце коснулось вершин деревьев и медленно катилось вниз, стгущая воздух отблесками заката.

Отец покурил, потом повернулся к Ване и, похлопав его по плечу, участливо сказал:

– Не расстраивайся сынок, расставанием с девушкой. Ты, толькоходишь в мужской возраст и у тебя будут еще и встречи и расставания, пока ты не найдешь себе девушку по сердцу и по душе. Потом женишься на ней, пойдут дети, в заботах о них, пройдут годы, и оглянуться не успеешь, как станешь стариком, как я, и будешь также сидеть у дома, поджидая, когда сын или дочь вернуться с посиделок.

Надеюсь, ты не согрешил с Дашей напоследок? Давеча отец её, Николай, заходил ко мне и остерегал, чтобы ты не причинил обиды его дочери. И так по деревне слух прошел, что вы встречаетесь на берегу и этот слух уже навредил репутации девушки, ну а если бы вы согрешили по молодости, то Николай обещался спалить нашу усадьбу дотла за девичий позор.

Хорошо, что все закончилось без греха и тебе завтра уезжать. Я сам был молод когда – то и знаю по себе, как тянет юношу познать женщину всю целиком. Вот тебе сынок пять рублей, когда приедешь к тётке Марии, сходи к какой-нибудь гулящей девке, что помоложе, заплати ей, и она научит тебя обращению с женщиной. За деньги, оно конечно не так сладко, как по симпатии, но сможешь понять, в чем суть, обладая женщиной, а дальше все уладится само собой, – с этими словами Петр Фролович, сунул в руки сына пятирублевую ассигнацию, которую Ваня машинально упрятал в карман, удивляясь поступку отца.

– Только тётке ничего не говори, – предупредил отец. Она и сама не против побаловаться с мужичком, но будет на меня ворчать, что сына послал к блудницам, если узнает. Не всё женщинам надо знать о нашей мужской жизни, а ты Ванюша, уже почти мужчина. Хватит горевать о Даше: помял, потискал её и довольно. У неё будет своя крестьянская жизнь, а у тебя будет своя, жизнь достойная дворянина, если выучишься и выйдешь в люди.

Нынче без капиталов наверх можно пробиться лишь через ученость – вот учись и учись сынок, пока есть такая возможность. Пошли в дом, а то Фрося будет ругаться, что ужин остыл: она запекла курицу к твоему отъезду, и будет обижаться, если мы не подойдем во– время.

Так, ничем, закончились встречи Вани с первой девушкой на заре своей юности, но он потом никогда не забывал, как впервые увидел нагую Дашу, выходящую из реки, после купания: с распущенными волосами в отблесках солнечного света на мокрой прекрасной фигуре девушки.

На следующее утро, Петр Фролович отправил сына с соседом на своей коляске в уезд, откуда Ваня должен был самостоятельно добраться поездом до Чаусс. Петр Фролович решил, что сын достаточно взрослый, чтобы самостоятельно добраться до тётки Марии, где ему оставался последний год обучения.

Добравшись до тётки Марии, юноша первым делом исполнил наказ отца посвятиться в мужчины с какой-нибудь гулящей девкой. В городке было заведение с девицами, которое содержала какая – то жидовка, но Иван не рискнул туда сунуться: городок небольшой и посещение им публичного дома не осталось бы не замеченным и могло получить огласку до смотрителя училища.

Товарищ по классу, с которым Иван поделился своим замыслом, посоветовал ему сходить в Заречье, где в двух – трех домах гулящие девки принимали клиентов за деньги. Он сам недавно посетил такой домик и остался, весьма доволен: девка оказалась молодой лет двадцати, еще не измызганная, но опытная и за пару часов посвятила его в мужчины, взяв всего денег три рубля.

Иван отправился по указанному адресу и вскоре вошел в приземистую избушку, где его встретила хозяйка: бойкая женщина в теле, но не размазня. Увидев входящего юношу, девка опытным взглядом оглядела будущего клиента и услужливо подсказала: -Что мальчик, пришел потерять невинность с блудливой девкой? А деньги за услугу у тебя найдутся?

Ваня смущенно показал зажатую в кулаке бумажку и девка, сразу подобрев, молвила: – Пойдем мальчик учиться любви, как у вас говорят. Давай свою пятерку, а все остальное я сделаю сама.

Ваня отдал деньги, которые тут же исчезли в складках халата, накинутого на девку. Ваня остался стоять, не зная, что ему делать дальше. Девка распахнула халат, обнажившись перед Ваней полностью, потом и вовсе скинула халат и, подойдя к юноше вплотную, стала сама раздевать его, пока Ваня не остался в одном исподнем белье, которое служанка любви тоже решительно скинула с него. Голый юноша продолжал стоять перед обнаженной женщиной, словно в трансе разглядывая женское тело. Девка осторожно взяла рукой его мужскую плоть, которая тут же воспряла, и повела юношу на кровать. Улегшись навзничь, девка, приобняв юношу, потянула его на себя, раздвинула свои ноги и ввела мужскую плоть в лоно, прижав юношу к себе. Иван едва успел сделать два движения, как в паху возникла щемящая сладостная боль, и его семя толчками изверглось вглубь девки, а Иван, разом обмякнув, замер в неподвижном оцепенении.

– Так я и знала, что ты мигом обслюнявишь меня, мальчик, – сказала девка освобождаясь от Ивана, откинула его к стене, встала, вытерлась какой – то тряпкой и снова прилегла рядом. – За пять-то рублей, придется мне поработать, как следует, чтобы ты из мальчика стал мужчиной, – хохотнула девка, и начала руками мять и тискать юношу, поглаживая его плоть, потом положила руку Ивана, на свою грудь и, почувствовав, что юношеская плоть восстала, вновь овладела юношей, втиснув его желание в себя. Иван ощутил упругую горячую глубину женского лона и инстинктивно начал двигаться, вжимаясь в женщину до упора. В этот раз он успел сделать с десятков движений, прежде чем снова извергся семенем.

– Вот уже лучше, – засмеялась женщина, но бог любит троицу и за твои деньги, я разрешаю тебе еще раз попользоваться мною. Она встала, нагишом прошлась по избе и, возвратившись к Ивану, поднесла ему кружку кваса. – На попей, и продолжим твоё обучение.

Иван выпил квасу, почувствовав, как силы возвращаются к нему. Женщина снова прилегла рядом, Иван самостоятельно начал мять и тискать женскую грудь и ощутив, что мужская сила возвратилась к нему, уже самостоятельно овладел продажной девкой, вновь и вновь вжимаясь в теплую глубину ее женской сути, пока снова не наступило семяизвержение, обессилившее юношу окончательно.

Девка высвободилась из – под Ивана, встала, снова вытерла тряпкой укромное место не стесняясь глазевшего на нее юношу, одела свой халат и молвила: – Пожалуй, я отработала свои деньги и дала тебе первые уроки отношений с женщиной, а дальше вас, мужиков и учить не надо: сами с усами, и уже, как бог даст – так и будете обращаться с бабами. А ты, мальчик, заходи ещё – если будут деньги, спросишь Ольгу – это я и есть и мы с тобой покувыркаемся на постельке к твоему удовольствию. Мне деньги – тебе удовольствие, наверное, это и есть торговля любовью.

Бабки – знахарки снимают с людей порчу, врачуют травами, а мы, девки, освобождаем мужика от похоти, если у него нет жены или она больная. Получается, что мы тоже врачуем мужиков, но нас презирают, а знахарок уважают.

– Прощай и уходи, мне еще один клиент зайти обещался, надо привести себя в порядок после твоих излишней.

Услышав о новом клиенте, Иван вздрогнул от отвращения, представив себе, что какой – то старый, толстый мужик будет мять и тискать эту давку. Заметив это, Ольга насмешливо сказала: « Что не нравятся мои клиенты? Возьми меня мальчик на полное содержание и будешь тогда один пользоваться мною. Не можешь? Тогда уходи и не мешай работать».

Иван быстро оделся и вышел на улицу. Вспоминая происшедшее, он не ощутил восторга от обладания женщиной. Даже во сне, представляя Дашу в своих объятиях, он получал большее удовлетворение, чем в объятиях этой девки.

– Сюда ходить можно, чтобы снимать похоть с тела, а за женскую любовь надо обращаться к девушке, которая нравится. – Интересно, что бы я ощутил, если бы добился Даши? – думал Иван, уходя прочь от продажной любви.

Так, уроками от гулящей девки, за деньги, Иван стал мужчиной, познав женщину, но, не познав всей сладости любовного соития с любимой девушкой.

XI

Последний год обучения в училище отличался от предыдущих тем, что мальчики превратились в юношей, стали интересоваться девушками, познакомиться с которыми возможно было лишь по-соседски или на официальных городских вечерах по случаю какого-нибудь торжества: тезоименитства государя Николая Второго или церковного праздника, например Рождества.

В городке была женская прогимназия, выпускницы которой тоже вступали в возраст зрелости, как и выпускники училища. По традиции, еще при прошлом директоре училища, были устроены музыкальные вечера совместно с девушками из прогимназии. На этих вечерах, которые проводились три раза в неделю, юноши и девушки учились танцам, под присмотром учителя музыки, устраивались спевки, разучивались романсы под фортепьяно, и всем было весело и интересно. Иван вполне успешно учился танцам, памятуя разговор отца, что мужчина обязан уметь хорошо танцевать, чтобы этим умением, завлекать девушек, которые ужасно любят танцевать.

Однако петь Иван так и не обучился за все годы учебы в училище: слух у него был неважный, и он отчаянно фальшивил, напевая даже простую народную песню, не говоря уже о романсах, но слушал пение других с удовольствием.

В танцах Иван весьма преуспел и, кружась в вихре вальса с девушкой из прогимназии, он, ощущая гибкое и трепетное тело девушки в своих руках, понимал, почему отец настоятельно рекомендовал ему обучаться танцам: ничто так не сближает с девушкой, как танец, никакие слова и даже песни, не позволяют юноше держать девушку в своих руках, а в танце это необходимое условие.

Для выхода в свет подросткового племянника тетя Мария, пошила Ивану пару костюмов, в которых он выглядел худоватым, но почти взрослым мужчиной и даже рыжеватый пушок начал пробиваться у него над верхней губой.

Войдя в возраст взросления, Иван тщетно искал себе друзей среди сверстников по училищу: приятельские отношения у него были со всеми, но вот настоящих друзей, с которыми можно делиться самыми сокровенными мыслями, не находилось.

Случайно, на танцевальном вечере, он разговорился с девушкой из прогимназии, которая стояла в одиночестве у стенки, с любопытством разглядывая окружающих.

В это время начали разучивать танец польку и Иван вызвался составить девушке пару. Разучивая пируэты, они разговорились и уже через полчаса стали настоящими друзьями. Девушку звали Машей: она была жизнерадостна, приветлива и охотно слушала рассказы Ивана о прошедшем лете, которое он провел у отца в деревне.

Маша была местная уроженка, жила с родителями на другом конце городка и, видимо раньше никогда не встречала Ивана, потому что искренне удивилась его разноцветным глазам, с детской непосредственностью разглядывая его так и эдак, пока окончательно не убедилась, что глаза юноши действительно разные: зеленый и голубой.

– Как это необычно, – развеселилась девушка и даже захлопала в ладоши, – вам Ваня, надо непременно прийти к нам в гости, в это воскресенье. Я представлю вас как своего друга и пусть папа, и мама тоже удивятся вашим глазам.

– Что я, обезьяна, какая, чтобы меня разглядывать? – Обиделся юноша, но Маша вдруг прижалась к его плечу и прошептала: – Я скажу им, что вы волшебник и сами изменили себе цвет одного глаза: посмотрите, как они будут охать и ахать, а мы посмеемся вместе над пред-
рассудками старших.

Иван почувствовал, что ему легко и просто общаться с этой девушкой и самое удивительное заключалось в том, что он не чувствовал к ней привычного притяжения как к женщине – пусть и юной, но уже оформившейся: в неброской красоте лица с правильными чертами и нежным румянцем на щеках, на котором выделялись большие карие глаза в обрамлении длинных и пушистых ресниц. Тёмно- каштановые волосы ниспадали девушке на плечи шелковистыми прядями, и от этого Маша казалась выше ростом, хотя была ниже Ивана на пару вершков. Стройная, тонкая фигурка девушки постоянно меняла позы, что говорило о её непоседливости.

Заметив, что-то интересное, она легким толчком руки привлекала внимание Ивана, восклицая громким шепотом: – Смотрите, смотрите Ваня, как импозантен пианист; – или что – то другое, например: – Видите ту девушку – красавицу блондинку? Она полька, но православная, и мы учимся с ней в одном классе.

За вечер они сдружились, будто были знакомы много лет и Иван не спрашиваясь, пошел провожать Машу, а она, уцепившись в темноте ему за локоть, шла рядом, рассказывая какой-то случай из своей, гимназической жизни.

Иван с улыбкой взрослого мужчины, слушал девичий лепет Маши, удивляясь как легко и непринужденно ему рядом с этой милой девушкой, которая взяла его под руку, что было бы совсем недопустимо при свете белого дня.

Незаметно они подошли к дому, где жила Маша, поговорили несколько минут и, уговорившись встретиться через день снова на танцевальном кружке, Маша ушла в дом, помахав Ивану рукой на прощание.

– Какая милая девушка, это Маша, – думал Иван, возвращаясь, домой к тётё Марии. – Мне с ней легко и просто и удивительно, что у меня не возникло к ней чисто мужского желания. Пусть она будет моим другом: может же быть дружба между женщиной и девушкой – я читал об этом в книгах, но не верил.

На следующее утро Иван, как обычно пошел в училище доучиваться до получения свидетельства об окончании училища, чтобы потом выучиться на учителя. На последнем году обучения занимались только повторением пройденного ранее, для подготовки к испытаниям за полный курс училища, поэтому учеба была уже необременительна для Ивана, обладавшего хорошей памятью.

Стояла вторая половина октября. За ночь подморозило, и Иван весело шагал по подмерзшим лужицам, похрустывая сапогами по тонкому льду, покрывшему дорожные выбоины и колею, заполненную водой.

– Хорошо, что Маша вчера держалась за меня, и не поскользнулась на этой грязи, – весело подумал юноша, вспоминая вчерашний вечер и свою новую знакомую. – Завтра встретимся и поболтаем ни о чём с этой милой девушкой, а если будут танцы, то и потанцуем в свое удовольствие. Она сказала, что я хорошо танцую и надо постараться не разочаровать девушку в своем умении вальсировать.

С этими мыслями Иван и вошел в училище, предварительно вымыв сапоги от вчерашней грязи в колоде с водой, что лежала у входа. Группа была уже в сборе полного состава в количестве 14 человек, и ждали нового учителя. Прежний учитель Борис Олегович или Боб, как звали его ученики, закончив курс, весной переехал на жительство в Витебск и теперь класс доучивал другой учитель: сухой и желчный старик – Павел Евгеньевич Тухманов, которому оставался год до выхода на пенсию и поэтому он усердно занимался с учениками, чтобы выпустить их с хорошими отметками.

Прозвенел звонок в коридоре, дверь открылась, и вошел Петух – так прозвали ученики своего нового учителя: по начальным буквам. Учитель и впрямь был похож на взъерошенного петуха с хохолком на лысой голове, бородкой и прыгающей походкой. Положив журнал на стол, Петух оглядел класс и, убедившись, что все на месте приступил к урокам.

Повторяли материал лишь по предметам, по которым будут испытания: учитель давал задания из учебника, письменное или устное, ученики готовились и потом отвечали учителю вслух, а Петух поправлял учеников, если они ошибались, вновь и вновь повторяя пройденное за прошлые годы: вот и всё учение на последнем году. Иван постоянно удивлялся ничемности последнего года обучения и считал его потерянным временем жизни.

На следующий день, вечером, Иван поспешил в гимнастический зал училища, где проходили уроки танцев, чтобы встретить свою новую знакомую Машу. Девушка оказалась на месте, и, увидев Ивана, радостно улыбнулась и призывно помахала ему рукой.

Весь вечер они провели вместе: учились танцам, слушали песни и романсы, которые осмеливались исполнять некоторые гимназистки и юноши из училища – надо сказать, что некоторые ученики пели весьма неплохо и вызвали одобрение присутствующих. Маша, тоже достаточно искусно, сыграла на фортепьяно какую-то вещицу, заслужив аплодисменты. Когда вечер закончился, Иван проводил Машу до дома уже знакомым ему путем, оживленно обсуждая увиденное и услышанное.

– Жду вас, Ваня, к нам в гости в воскресенье, – сказала девушка на прощанье. – Я уже сказала родителям, что познакомилась с хорошим юношей, и мы уже подружились. Можно, мы будем говорить между собой на «ты»? – спросила девушка, – мы же друзья, хотя и недолго, а друзья не говорят на «вы».

Получив согласие Ивана на простое обращение, Маша захлопала в ладоши и воскликнула: – До свидания Ванечка, спокойной тебе ночи, – засмеялась и убежала во двор дома, где в двух комнатах светились лампы: видимо родители ожидали возвращение своей дочери.

В воскресенье, после полудня, Иван надел свой новый костюм и, сказав тётке Марии, что идет в гости к родителям знакомой девушки, отправился в путь, услышав вслед пожелание тетки, быть осторожнее с девушками, чтобы не попасть в неприятную историю, а какую она расскажет потом.

Родители Маши встретили Ивана радушно, так же, как и дочь, подивились его разноцветным глазам, а отец девушки – Юрий Алексеевич, земской доктор, сказал, что впервые в своей практике сталкивается с таким явлением, хотя и слышал о разноцветных глазах. Родители Маши оказались приветливыми и открытыми людьми, простыми в общении, и обед прошёл за оживленным разговором, где родители расспрашивали Ивана об его родителях и жизни здесь, на что юноша отвечал охотно.

Когда он упомянул, что живет у тётки Марии, Юрий Алексеевич нахмурился и сказал, что знает эту женщину с родимым пятном на лице, и она однажды лет пять назад обращалась к нему за советом, но каким не уточнил.

После обеда родители удалились к себе, а Маша провела Ивана в свою комнату для занятий, где они и провели время до вечера за разговором, рассматривая книги и альбомы с фотографиями, которые стало модным заводить в обеспеченных семьях.

Отец Маши служил земским врачом, выезжал в сёла к больным, лечил людей в городской больнице и вел частную практику, поэтому числился местным интеллигентом. Мать Маши домохозяйничала, но будучи набожной, посещала церковь ежедневно, в пику мужу – атеисту. Юрий Алексеевич, как– то сказал Ивану, что сколько врачи не изучают тело человека, нигде не находят у людей места для души, а коль нет места, то нет и самой души.

Маша была их единственной дочерью, в которой родители души не чаяли. Вечером, попив чаю, Иван распрощался и ушел вполне довольный проведенным временем.

С того дня и повелось, что Иван частенько заходил к Маше в гости, иногда нечаянно и без приглашения, но всегда встречал радушный прием без навязчивого любопытства о его отношении к Маше.

На тезоименинство царя в женской гимназии был устроен вечер, куда пригласили и старших мальчиков из училища. Иван много танцевал с Машей, и они показывали публике свое умение, что приобрели в танцевальном кружке. Когда часы пробили полночь, все вокруг стали целоваться, поздравляя с днём тезоименинства царя, и Маша тоже расцеловала Ивана в обе щеки, чем смутила и удивила юношу: он -то относился к ней вполне дружески, без тайных желаний, но прикосновение девичьих губ сменило в нем дружескую привязанность к Маше, на медленно разгорающуюся страсть к ней, как девице.

После посещения гулящей девки Ольги, сразу по приезду, Иван усмирил свои плотские желания женщин, не найдя в этом ничего особо привлекательного, а природная брезгливость и вовсе отвернула его от посещения продажных девок, хотя деньги на это имелись. Он слушал как некоторые его одноклассники делились подробностями плотских утех с гулящими девками за деньги, не испытывая ни малейшего влечения повторить уроки любви с Ольгой.

После Рождества, случайные прикосновения к Маше стали ему приятны так же, как летом были приятны прикосновения к Даше, там, в гостях у отца, но острого желания близости с Машей у него еще не наступило и они продолжали дружеские отношения, скрывая от себя, и друг от друга плотские влечения и мечты.

Иван, однажды, пригласил Машу зайти к нему в гости: – Тётка Мария очень добрая женщина, хотя и с родимым пятном на лице. Она уже спрашивала не раз, что это за девушка, с которой меня видят в городке. Я сказал, что ты дочка доктора Иванова и тётка Мария посоветовала мне привести тебя в гости и показать, как я здесь живу у тётки, но без отца. Давай Маша,

в воскресенье пойдем ко мне в гости: тётка обязательно приготовит чего-нибудь вкусного, а я покажу тебе свои книги по истории, которой хочу заниматься, когда выучусь на учителя.

Через пару дней Маша, объявила, что отец не разрешает ей навестить Ивана и быть в гостях у тётки Марии: – Не знаю почему, но отец категорически против моего знакомства с твоей тёткой – недоуменно пояснила девушка. – А ты Ваня, по-прежнему, можешь приходить к нам, когда пожелаешь – так мне сказал отец.

– Может быть, он опасается твоего испуга, при виде тётки Марии без платка – догадался Иван, но тётка и по дому всегда ходит в платке и ее уродства не видно, а левый глаз и здоровая щека с подбородком выглядят вполне привлекательно, как у обычной женщины.

– Не знаю, почему отец не хочет, чтобы я зашла в твой дом, но воли отца я нарушать не буду, а то он и вовсе может запретить нам дружить, – пояснила Маша.

В следующий раз, когда Иван навестил Машу в воскресенье, Юрий Алексеевич, после обеда пригласил гостя к себе в кабинет, сказав дочери, что у него есть разговор к Ивану.

Кабинет отца Маши был устроен по рабочему: в шкафах стояли медицинские книги, ещё в двух шкафах были всякие инструменты, лекарства в таблетках и флакончиках и ещё другие непонятные предметы.

– Иногда приходится среди ночи ехать к больному и всё необходимое для врача я храню здесь, чтобы быстро собраться и оказать больному помощь – пояснил доктор, усаживаясь в кресло и предложив Ивану присесть на диван.

– К вам, Ваня, у меня назрел серьезный разговор, продолжал Юрий Алексеевич, внимательно разглядывая юношу.

– Моя дочь, видимо, увлеклась вами уже не по-дружески, а как девушка. Мне вы тоже симпатичны, но молоды для серьезных отношений, собираетесь учиться дальше, а это годы и годы. Машу я тоже намерен отправить учиться в Москву, где у меня есть брат с положением, и он подберет подходящее учебное заведение для девушки.

Потому вместе вы быть не можете, и я опасаясь, чтобы по молодости лет вы и моя дочь не наделали глупостей, прямо скажу: чтобы не вступили в отношения, когда страсть затмевает рассудок. Я врач, я вижу, что Маша готова отдаться вам при первом же настойчивом желании с вашей стороны и не могу допустить, чтобы мою дочь погубила первая девичья любовь. Вы из порядочной семьи и должны дать мне дворянское слово, что не будете соблазнять мою дочь: ей на погибель, а себе в укоризну. Пройдет время, вы оба выучитесь, познаете жизнь, и если ваши чувства сохранятся, то я буду рад считать вас, Ваня моим зятем.

– Если Иван, вы даёте слово, то можете продолжать дружеские отношения с Машей, а иначе я буду вынужден ограничить ваши встречи или вовсе отправлю дочь досрочно к брату в Москву. Решайте Ваня: вы мужчина и ответственны за свои поступки, даже если и не достигли совершеннолетия.

Иван, покраснев от смущения, что Юрий Алексеевич, догадался о его отношении к Маше и смутных намерениях к близости, срывающимся голосом заверил отца, что у него нет, и не будет дурных помыслов покуситься на честь девушки.

– Вот и славненько, другого ответа я и не ожидал, можете идти, Маша, наверное, уже заждалась, – ответил Юрий Алексеевич, дружески похлопав Ивана по плечу, и понизив голос, добавил: – Если уж совсем станет невтерпёж от мужского желания и чтобы обезопасить Машу, советую вам, как врач, иногда посещать публичных девок и снимать с ними свою похоть.

Нам, мужчинам это можно. У нас в городке тоже есть гуляющие девушки, которые по бедности занимаются грешным делом. Среди них, есть и вполне чистенькие и свежие: говорят, что в Заречье живет некая Ольга, так мужики к ней повадились, будто осы на мед, – закончил доктор и хитровато взглянул на покрасневшего вновь юношу.

– Неужели и об этом знает? – изумился Ваня, – кажется, меня тогда никто не видел, а больше я в этом краю городка и не появлялся! – И, чтобы отвлечь отца девушки от этой темы, сказал:

– Позвольте узнать Юрий Алексеевич, почему вы запрещаете Маше приходить ко мне домой в гости?

– Потому и запретил, что о твоей тётке Марии ходят слухи, будто водит она мужиков в дом для плотских утех, и я не хочу, чтобы Маша об этом узнала. Кроме того, лет шесть назад, эта Мария приходила ко мне на прием разузнать: почему у нее не рождаются дети. Я сделал осмотр и сказал, что детей у нее не может быть по женскому недостатку – нужна операция, а поскольку живет она без мужа, то значит слухи об ее распутстве с мужиками, имеют основания.

К тому же, твоей тётки часто не бывает дома и я опасался, что придёт Маша к тебе на дом, и вы согрешите, коль присмотра за вами не будет. И впредь запрещаю Маше приходить к вам на дом от греха подальше. Наш дом всегда открыт для вас Ваня и можете бывать у нас когда угодно и сколько угодно. А теперь бегите к Маше, но не говорите о нашем разговоре. Скажите, что, я расспрашивал вас о планах на будущее.

Маша действительно спросила Ваню, о чем это отец говорил, так долго с ним наедине, но юноша сказал, что разговор шел о планах Ивана на будущее и Юрий Алексеевич готов ему помочь, если будет необходимо. Маша успокоилась, и остаток дня они провели в ее комнате, читая вслух стихи Пушкина, где встречались и строчки про любовь.

С этого дня Иван старался реже прикасаться к Маше, потому что каждое такое прикосновение вызывало желание обнять девушку, так чтобы косточки захрустели, а потом и овладеть ею по согласию: известно же, что запретный плод слаще. Именно после данного им слова, Маша стала для Ивана желанной: дружба ушла, а взамен пришла нестерпимая страсть обладания.

Маша, заметив перемену в его отношении, будто нарочно норовила прижаться к юноше плечом или бедром, провоцируя его на объятия или встав с дивана непринужденно потягивалась всем телом, будто кошка, так что ее девичья фигурка обтягивалась платьем, вызывая восстание мужского желания и тогда Иван, под каким-нибудь предлогом уходил домой, подставляя холодному зимнему ветру свое разгоряченное лицо, а дома ему снова стала сниться обнаженная Даша, выходящая из реки, но почему – то с лицом Маши и опять сон заканчивался утренним семяизвержением. И потом приходилось украдкой от тетки Марии застирывать исподнее белье, удаляя пятна от юношеского желания, самопроизвольно излившегося от приснившегося, будто наяву, обнаженного образа любимой девушки.

В учебе и встречах с Машей, незаметно наступила весна, растаяли снега, прилетели грачи, на обочинах зазеленела первая трава, ребятишки из дворов перебрались играть на улицу в бабки. Проходя мимо игроков, Иван вспомнил, как шесть лет назад он приехал к тётке Марии и тоже начал играть в бабки с соседскими мальчишками. Эти мальчишки выросли, как и он, и уже давно работали кто-где, возвращаясь усталыми после двенадцатичасового рабочего дня. Иван иногда встречал, прежних друзей, возвращаясь от Маши, здоровался и они, молча, расходились, также как разошлись их жизненные пути.

Он – сын обедневшего дворянина смог учиться, чтобы выбиться в люди, а они – дети крестьян, переселившихся из-за невыносимой нужды в город, принуждены были с малолетства зарабатывать на кусок хлеба, даже и не мечтая ни о какой учебе.

Сословное различие разделило Ивана и его друзей детства раз и навсегда: как это представлялось Ивану при таких встречах. Но впереди, грядущие годы сулили большие перемены, грозные отзвуки которых, как дальний весенний гром, доносились со всех концов Российской империи и в этот маленький уездный городок вестями о восстаниях крестьян, забастовках рабочих и смутах среди инородцев.

Учебные годы приближались к завершению, будущие выпускники повеселели, ожидая выпускных испытаний, которые проводились для проформы, поскольку учителя больше пола-

гались на оценки учебы в течение прошедших лет, чем на знания учеников, показанные на испытаниях.

Маша, которая, как и Иван, заканчивала курс обучения, почему – то погрузилась с приходом ясных весенних дней и Иван часто ловил на себе ее вопрошающий взгляд, но не знал, как и когда объясниться ему с девушкой, которая всей душой привязалась к нему поначалу как товарищу, а затем и избраннику девичьего сердца. Памятуя о слове, данном отцу Маши, юноша ни разу, с самого Рождества, не обнял и не поцеловал девушку, которая напряженно ждала от него решительных действий и вероятно отдалась бы ему сразу и безоговорочно, скажи он лишь несколько слов любви и прижав ее к себе.

Ясный девичий взор Маши угасал по мере того как приближалось окончание учебы и скорое расставание Ивана с этим городом, о чем он говорил девушке, делясь планами на дальнейшую учебу.

Отец Маши тоже заметил смятение чувств своей дочери и однажды, оставшись наедине с юношей, посоветовал ему объясниться с дочерью пообещать что-то на будущее или же решительно растоптать девичьи мечты, сказав, что он скоро уедет навсегда.

– Поймите, Иван, ваша нерешительность лишь усугубляет страдания моей Машеньки. Она чувствует, вашу привязанность к ней, и не может понять ваше молчание, потому, что не знает о том обещании, что вы дали мне. Поговорите с Машей, и пусть будет так, как вы решите.

Дня через два после этого разговора, когда Иван гулял вместе с Машей вдоль реки, которая разлилась широким потоком, затопив почти всё Заречье, он завел трудный разговор с девушкой, об их будущем.

Был теплый весенний день, на берегах проклюнулись первые, клейкие, зеленые листочки, воробьи стайками перелетали на обочину дороги, отчаянно борясь между собой за каждый найденный кусочек пищи. Вороны с карканьем обустроивали на берегах свои гнезда, обветшавшие за зиму, а высоко в небе стаи перелетных птиц тянулись на север к местам обитания, когда Иван начал объясняться с девушкой.

– Дорогая Маша, – сказал Иван, глядя вдаль, где синева неба сливалась с синевой разлившейся реки, – скоро мы заканчиваем наше обучение здесь, и что будет дальше нам пока неизвестно. Я собираюсь учиться, тебя отец тоже намерен отправить на учебу в Москву, и видимо нам придется расстаться: юность наступила, но мы ещё не совсем взрослые и не можем принимать самостоятельные решения вопреки воле родителей.

Ты мне настоящий друг, мне с тобой легко и просто и как девушка ты мне очень – очень нравишься. Я не сплю ночами и думаю, как быть дальше, но ничего не могу придумать. По любви к тебе я чувствую себя взрослыми, но по возрасту и положению я еще подросток. Мне хочется целовать тебя, шептать слова любви, но я не могу увезти тебя с собой, пожениться и быть всегда вместе: и возраст не позволяет, и жить нам будет негде и не на что. А просто так, прелюбодействовать, я не хочу.

Потому и сторонюсь твоих прикосновений и не пытаюсь обнять тебя и поцеловать, чтобы страсть не захлестнула нас обоих и мы не наделали глупостей, как говорил мне твой отец, а я дал ему слово в этом. Я мужчина и должен отвечать за свои поступки. Давай останемся друзьями, если пока нам нельзя любить друг друга. Я буду писать тебе письма, и может быть, жизнь еще повернется, к нам удачей и мы будем вместе.

Маша неподвижно стояла спиной к юноше и молча слушала его объяснение о предстоящей разлуке. Девушка ждала объяснения в любви, а ей предлагалась лишь дружба. Она повернулась лицом к Ивану, подняла глаза, полные слез и вдруг бросилась к нему на грудь и разразилась громкими рыданиями, сотрясаясь всем телом. Девушка не понимала и не желала понимать справедливости слов любимого юноши, чувствовала себя несправедливо обиженной, отчего расплакалась еще сильнее.

Иван бережно обнял Машу за плечи, прижал к себе, ощущая, как трепетно вздрагивает девушка у него на груди, и начал целовать ее в мокрые глаза и солоноватые от слез щеки, наконец, прижался к ее губам долгим и страстным поцелуем. Маша тут же перестала плакать и в ответ начала осыпать лицо юноши короткими ответными поцелуями, пока их губы не встретились вновь во взаимном желании. Они стояли неподвижно на берегу реки, целуясь снова и снова, пока у Ивана не закружилась голова от разгоревшейся страсти, и он неимоверным усилием отстранил разгоряченную девушку от себя, тяжело дыша как после долгого бега.

Маша, напротив, получив от Ивана доказательства любви к ней, вполне успокоилась и радостно прижалась вновь к его плечу, словно юноша и не говорил ей только что о грядущей разлуке. Это будет впереди, а пока в объятиях любимого ей было спокойно и приятно.

Иван огляделся по сторонам: людей поблизости не было и он бережно, повел девушку вдоль берега, чтобы присесть на поваленное дерево, валявшееся неподалеку, – на этом дереве часто сживали влюбленные парочки: согрешить здесь не было возможным, но можно было всласть обниматься до боли в паху и нацеловаться до припухлости губ.

Присев на дерево, Маша снова прижалась к Ивану, ласково потрепала его по волосам, заглянула в его разноцветные глаза и сказала невинным голосом:

– Я-то, дурочка, думала, что совсем тебе не нравлюсь как девушка, и ты считаешь меня только другом, а оказывается, что ты дал слова моему отцу пощадить мою честь. Ты хотя и старше меня почти на год, но не знаешь, что девушка сама выбирает как вести себя с любимым мужчиной, однако папа был прав, высказав опасения: я всегда была готова уступить тебе при малейшем домогательстве.

Мне с тобой спокойно и надежно, я чувствую твое настроение, угадываю желания и мысли, твои прикосновения вызывают у меня приятное волнение, а от сегодняшних поцелуев у меня и вовсе закружилась голова: я согласна на все – делай со мной, что хочет мужчина.

Иван резко отстранился от прильнувшей к нему девушки: – Нельзя нам делать этого – я дал слово и сдержу его. Ты младше меня, но можешь хоть завтра выйти замуж, а мне до совершеннолетия еще четыре года, чтобы совершать мужские поступки не обращая внимания на твоего отца и моего тоже. А четыре года срок большой: мы повзрослеем окончательно, и может быть, наши чувства изменятся. Тебе, Маша, будет двадцать лет – в этом возрасте моя сестра Лидия имела уже двоих детей, будучи замужем. Нам кажется, что мы любим друг друга сейчас и навсегда, но пройдут года и все может измениться. Одно только не изменится – наша дружба.

Останемся друзьями, я буду писать тебе письма, а куда писать ты сообщишь моему отцу, адрес которого я тебе дам. Будем учиться дальше с тобой врозь, и если любовь сохранится у нас обоих к концу обучения, знай, что я непременно разыщу тебя и предложу быть моей женой навеки. – Сказав эти слова, Иван снова начал страстно целовать девушку, чувствуя, как ее тело обмякает в его объятиях, а страсть обладания снова кружит ему голову.

Он вскочил с бревна, и, потянув Машу за руку, заставил ее встать, прижал к себе всем телом, поцеловал несколько раз и решительно повел девушку от берегового обрыва к ближайшим домам, что виднелись за пустырем. Чувство ответственности и долга пересилило в нем плотскую страсть обладания любимой девушкой и он, в последующей своей жизни, всегда гордился этим благородным поступком.

Проводив Машу домой и условившись встретиться завтра вновь, Иван направился к своему дому, чтобы пообедать: было четыре часа пополудни, но передумал и свернув в переулок пошел в Заречье: в паху у него ныло от несбывшегося желания и он решил навестить девку Ольгу, чтобы за деньги снять с себя вожделение к женщине, по совету отца Маши.

У знакомой избы на улице никого не было видно и Иван, щелкнув калиткой, вошел во двор. Ольга сидела на крыльце, рядом стоял стакан с водкой и валялся соленый огурец – гулящая девка видимо выпивала, но боже, как она изменилась за зиму! Куда исчезли свежесть

ее лица и приятная округлость тела? Вместо молодой непутевой девки перед Иваном сидела замученная худая и усталая женщина с нездоровым синюшным лицом и потухшим взором красноватых от пьянства глаз.

Приглядевшись к вошедшему клиенту, женщина отпила немного из стакана, закусила огурцом и хрипловатым голосом проговорила: – Снова объявился, студент! Хочешь продолжить обучение любви? Изволь дать рубль на водку, и я обслужу тебя по первому разряду.

Иван, испытав безразличие к женщине и кляня себя, ответил:

– Проходил мимо, дай думаю, поблагодарю за науку, но пожеланий никаких не имею.

– Все вы мужики, проходите сначала мимо, а потом суетесь в самую глубь женщины без всяких намерений, – ответила девка и продолжила с пьяной откровенностью. – Что? Брезгуешь моего вида? Да я и сама себя брезгую. Не думала быть гулящей, а вот стала! Что вы, мужики знаете о женской доле? Трете женщину, пока в прах не разотрете и шасть к другой девке – посвежее, да поприятнее. Ты, студент, меня тогда тоже застал еще свеженькой – век гулящей девки короток: два, три года и уже никому не нужна и за полцены. А ведь у меня в деревне парень был, пожениться осенью хотели, да конь его копытом убил, и осталась я невенчанной вдовой. Потом в деревне голодуха весною случилась от неурожая, люди кору липовую ели и подалась я в город на заработки, чтобы тятю с мамкой и младшими детьми помочь. А здесь в городе, какой заработок девке? Только причинным местом. Вот и стала гулящей, избу эту купила, родителям помогала, пока клиенты щедры были на мою свежесть. Потом пришлось дитя блудное скинуть у бабки – повитухи, здоровье – то и повредила: клиентов не стало и вот начала пить горькую. Ничего, даст бог, оклемаюсь, продам избушку и вернусь в деревню – там народ добрее, чем в вашем проклятом городе, – закончила Ольга свою исповедь и снова отпила из стакана.

– Разве в деревне бывает голод, – удивился Иван, который, по малолетству не помнил, что в его селе по весне иногда люди ходили тощие и бледные: кожа да кости.

– Ещё как бывает, – воскликнула девка, – хлеба хватает до масленицы, – редко до Пасхи, тогда и начинается голод: каждый второй или третий год бывает голодным. Картошка выручает, но бывает и картошки неурожай, тогда голодают до смерти целыми семьями. При нынешнем царе – батюшке помощи крестьянам никакой нет, только поборы, – закончила Ольга и допила свой стакан.

Иван направился к калитке, но девка окликнула:

– Эй, студент! Коль пользоваться меня не желаешь, дай, сколько можешь на водку – я же научила тебя любовной утехе! Иван порылся в кармане, нашел только полтинник, что дала ему давеча тётка Мария и, подав монету Ольге, быстро ушел, не слушая благодарности от пьяной девки.

Что за день такой неудачный выдался – думал Иван, быстро удаляясь из Заречья по легкому мостку через речку Басю. – Сначала отказался от любимой девушки, а потом отказался и от потрепанной гулящей девки: впредь будет мне наука, не связываться с другой женщиной, пока не разобрался с первой.

Вернувшись, домой, Иван, проголодавшись за весь день, плотно пообедал, прилег на диван с учебником, намереваясь готовиться к испытаниям, но сытный обед и прошедшие события сморили юношу и он незаметно заснул, проспав до сумерек и возвращения тётки из магазина. Поужинав вместе с тёткой, он снова лег спать, проспал крепким сном до утра, а проснувшись, чувствовал себя бодрым и энергичным, как – будто вчерашних событий не было вовсе.

Уроки уже закончились, и ученики ходили в училище на консультации к учителям, готовясь к испытаниям, которые еще назывались экзаменами, по основным дисциплинам за полный курс училища.

После консультации Иван, как обычно зашел к Маше в гости без приглашения. Маша была дома и тоже готовилась к экзаменам, но встретила его холодно и настороженно, будто и не было вчерашнего объяснения в любви и жарких поцелуев.

Иван был в недоумении, пока Маша тихонько на ушко, не прошептала ему, что кто-то видел их вчера целующимися, на бревне у реки. Это стало известно отцу, который сделал ей выговор за недостойное девушки поведение на людях и хотел отказать Ивану от дома, но она уговорила отца не делать этого: они с Ваней остались лишь друзьями и поцеловались перед грядущим расставанием. Маша сказала, что и Ваня должен подтвердить ее слова, если Юрий Алексеевич спросит его. На том и условились, но больше Маша вольностей не допускала, и Иван довольствовался пожатием ее руки, листая учебники.

Отец Маши ничего Ивану не сказал, но перестал быть радушным, и, видимо, с нетерпением ожидал отъезда юноши домой после окончания училища.

Наконец испытания закончились, Иван получил отличные отметки, кроме музыки, где довольствовался четверкой, и наступил выпускной день, который училище и женская прогимназия проводили вместе.

Ученики и девушки пришли в форме: такова была традиция, вместе с родителями и даже тётя Мария, закутавшись в платок, пристроилась в конце зала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.